А. С. ПУШКИНЪ

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ В. В. КОМАРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, д. № 74.
1887.

Бумага фабрики К. П. Печаткина.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

[Дозволено цензурою. Спб., 13 января 1887 г.

А. С. ПУШКИНЪ.
Съ современной литографіи 1837.

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

I. КЪ КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

1816—1836.

I.

27 марта 1816 (Царское Село).

Князь Петръ Андреевичъ!—Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить былс несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей (или ликей, только ради Бога, не л и ц е я) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи

lib.pushkinskijdom.ru

Пустыню, садикъ, сельской домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ...
И не во снѣ, а наяву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но дѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлой годъ еще думать передъ каѳедрой!.. Это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовской сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодаго человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова. Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ. [1]

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные); часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями, и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайней мѣрѣ искреннюю благодарность всего лицея.

Простите, князь — гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Пі! [2] Обнимите Батюшкова за того больнаго, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василью Львовичу. На всякой случай обнимите

---

[1] Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Д. В. Давыдову, напечатаннаго въ Ам. фіонѣ 1815, № 4. (Соч. кн. Вяземскаго, III, 66).

[2] Т. е. кн. Шихматова, кн. Шаховскаго и кн. Шаликова.

lib.pushkinskijdom.ru

и его за вѣтренаго племянника. Valeas. — Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

(Собственноручная приписка Ломоносова).

Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher prince. Votre dévoué. S. Lomonossoff.

2.

(Изъ Петербурга. 1 сентября 1817).

Любезный князь!—Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ, какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія.—Пушкинъ.

1 sept. 1817.

(Адресъ: Ихъ высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андреевичу Асмодею. [1] Въ Москвѣ).

3.

(Изъ Петербурга. Мартъ или апрѣль 1820).

Я читалъ моему преображенскому пріятелю (Катенинъ) нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испражненіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательно, чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха на счетъ его въ посланіи къ Дмитріеву—прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону—Катенинъ стóитъ чего нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская спесь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ

[1] Вотъ—Арзамасское прозвище В. Л. Пушкина. Асмодей—кн. Вяземскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего; а все таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны. Первый Снѣгъ—прелесть. Уныніе—прелестнѣе.[1] Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта, и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду красвъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет., я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ.—Пушкинъ.

4.

(Изъ Кишинева. 2 января 1822).

Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди[2] берется доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за всѣ вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? До-

---

[1] Напечатано въ 12-й еженедѣльной книжкѣ Сына Отечества 1820 г. (16-го марта). Ниже говорится объ окончаніи «Руслана и Людмилы».

[2] Иванъ Петровичъ, котораго любопытныя воспоминанія о Пушкинѣ были помѣщены въ Р. Архивѣ 1866 г.

lib.pushkinskijdom.ru

вольно было съ него лихаго хлыста, а не сатирической твоей палицы.[1] Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе. Жуковской меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди. Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, и меркатильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастія дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха? Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу, буду отвѣчать.—Пушкинъ.

2 января 1822.

Пишу тебѣ у Рейна.[2] Все тотъ же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучемъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя, а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

---

[1] Незадолго начато было и посланіе «Къ князю П. А. Вяземскому, сохранившееся въ небольшомъ отрывкѣ въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта:

Явительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И смѣлой вольностью, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

[2] Арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова. Онъ тогда имѣлъ въ Кишиневѣ сургучную фабрику.

lib.pushkinskijdom.ru

5.

(Изъ Кишинева. 5 апрѣля 1823).

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомлю тебя съ героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Правда ли, что говорятъ о Катенинѣ?[1] Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно за были меня.

Охотниковъ пріѣхалъ?[2] Привезъ ли тебѣ письма и прочее? Говорятъ, что Чадаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ: но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстнаго, что ли?). Жива ли она, гдѣ она; если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ ли, или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь ли, минуло ли 15 лѣтъ генералу Орлову? или нѣтъ еще.—А. П.

5 апрѣля.

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

(Адресъ: Его сіятельству кн. Петру Андреевичу Вяземскому въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ).

6.

(Изъ Одессы. 19 августа 1823).

Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Плѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ

[1] П. А. Катенинъ былъ высланъ гр. Милорадовичемъ изъ Петербурга за вниманье въ театрѣ Семеновой.

[2] Адъютантъ М. Ѳ. Орлова.

lib.pushkinskijdom.ru

прежде. Я обѣщалъ ему предисловія, но отъ прозы меня тошнитъ. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба; если возьмешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ на extra-почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человѣкъ? Говорятъ, что онъ славный малой и московскій франтъ. Правда ли?— Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19 авг.

(Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому).

7.

(Изъ Одессы. 14 октября 1823).

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Плѣнника, слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпидогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Плѣнникъ иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ — должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ Живи, и путникъ оживаетъ: живи, и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ — долы. Въ чужой аулъ цѣною злата—за много злата (впрочемъ, какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не должженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха.

lib.pushkinskijdom.ru

Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Вируковъ добрый малой: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею; когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности; 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы. Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и—à la ligne прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce—обнимаю тебя съ надеждой и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье[1] и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малой, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической;[2] я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu' il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ Содомъ-Кишиневъ, гдѣ, думаю, бу-

---

[1] Французъ, близкій къ дому Раевскихъ.

[2] Намекъ на собственное стихотвореніе:

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.

lib.pushkinskijdom.ru

детъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—А. П.

14 окт. Одесса.

Замѣчанія твои на счетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ.[1] Бахчисарайской Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть. Кстати объ эпиграфахъ, знаешь ли эпиграфъ Кавказскаго Плѣнника?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкой листъ.[2]

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

8.

4 ноября. Одесса (1823).

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то, что цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость,[3] не уступай этой ... (цензурѣ), отгрызывайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня,[4] то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, выпиши изъ нея что посноснѣе, да заворожи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ. Полно, не воскреснетъ ли она? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я

---

[1] Въ черновомъ добавлено: («Кромѣ посланія къ Овидію»).

[2] Стихи кн. Вяземскаго къ Ѳ. И. Толстому, съ которымъ Пушкинъ былъ тогда въ ссорѣ.

[3] Напечатай, но не уступай этой...

[4] Если не для меня, такъ для Софьи Киселевой.

lib.pushkinskijdom.ru

теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего; пишу, спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей.

Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить поазіатски, не читая журналовъ. Одесса городъ европейской—вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать.—А. П.

Василью Львовичу дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ. *

---

* Въ черновомъ наброскѣ: «Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ — классикъ; c'est un imitateur... Отъ него пахнетъ Ѳеокритомъ и Анеологіей. Онъ освобождаетъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ anthithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Первыя «Думы» Ламарт. въ своемъ родѣ едва ли не лучше «Думъ» Рылѣева, послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ! Парни — древній Millevoye ни то, ни сё, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ. Lavigne—школьникъ Вольтера—и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродилъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что твои нѣмцы! Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ. О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. Ермакъ такая дрянь, что мочи нѣтъ; по-мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго—и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Хорошъ русскій поэтъ, роёте de notre civilisation, хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда, — ты одинъ могъ бы прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, пристроить новыя, и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу, не... и что всего хуже бросилъ поэзію, этого я переварить не въ силахъ. Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію музыкѣ: чинъ чина почитай,—я бы и для Россини не пошевелился. Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ; дьявольская разница,—въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена—я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что уже давно со мной не бывало. О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій: лучше и не думать; а брать такъ брать, не то—что и когтей марать»

lib.pushkinskijdom.ru

9.

(Изъ Одессы. Ноябрь 1823).

Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны. Язвительныя лобзанія. Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности N. N.

Не зритъ лица его гаремъ,
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей «Тавридѣ»: Подъ стражею скопцовъ гарема. Мнѣ хотѣлось что нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя...

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею; если жъ нѣтъ, оставь такъ: Равна грузинка красотою, но инка кр..., а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое Путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нѣчего.

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны! * Посылаю Разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ, поставь любопытный, а стихъ все-таки калмыцкій

---

* Тогда ходилъ слухъ, будто Грибоѣдовъ изобразилъ его въ Чацкомъ. Чадаевъ въ это время долженъ былъ оставить службу и уѣхать за границу вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку и ея послѣдствій.

lib.pushkinskijdom.ru

10.

(Изъ Одессы. 11 ноября 1823).

Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.[1]

11 ноября.

11.

(Изъ Одессы. 20 декабря 1823).

Какая бъ ни была вина.
Такъ и у меня начерно.
Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures.

Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ?[2] Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду полярной звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя распечатнаго. Что журналъ Анархасиса-Клоца Кюх.?[3] Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другаго изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьѣ Потоцкой, это дѣло дру-

---

[1] Приписка рукою князя Вяземскаго: Это предисловіе къ напечатанію не назначается.

[2] Н. И. Кривцовъ былъ въ это время губернаторомъ въ Воронежѣ.

[3] Мнемозина Кюхельбекера.

lib.pushkinskijdom.ru

гое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ[1] болѣе моего не замѣтитъ. Что, если бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

12.

(Изъ Одессы. 8 марта 1824).

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева[2] еще не видалъ, но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ le poëte de notre civilisation Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня неказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ по-

---

[1] Анна Петровна Зонтагъ, рожденная Юшкова, жена одного изъ чиновниковъ морскаго вѣдомства въ Николаевѣ, племянница В. А. Жуковскаго.

[2] Статья кн. Вяземскаго при сочин. Дмитріева (см. сочин. князя I, 112).

lib.pushkinskijdom.ru

толковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги всѣ вѣдь истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.*

8 марта 1824. Одесса.

13.

(Изъ Одессы. Мартъ или апрѣль 1824).

Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. Разговоръ—прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что̀ въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья—tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну.

---

* Въ черновомъ наброскѣ: «Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе, т. е. за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа — возьми, что̀ тебѣ слѣдуетъ, изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ—рости имъ не за чѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось. Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ—ни чуть не для улыбки прекраснаго пола... О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго; по мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вранью...» (Ср. черновое письмо отъ 4 ноября 1823 г., напечатанное выше, стр. 10)

lib.pushkinskijdom.ru

Тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной,* да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?—Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Слѣнинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи... Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа; да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи.—Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

14.

(Изъ Одессы. 13—14 іюня 1824).

Я ждалъ отъѣзда Трубецкаго, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую

---

* Матери дипломата, находившейся съ И. И. Дмитріевымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ [1] вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно.[2] Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братьи негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Грецiей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child-Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ однако жъ вирши на смерть его превосходительства.

---

[1] Кн. Вѣра Ѳедоровна, супруга кн. Вяземскаго, жила въ Одессѣ.

[2] Намекъ на собственную же эпиграмму. Какъ-то спросили Жуковскаго, почему онъ не былъ на званомъ обѣдѣ; онъ отвѣчалъ, что ему нездоровилось еще съ вечера, къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ. Пушкинъ написалъ по этому поводу отъ имени Жуковскаго:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно,
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

lib.pushkinskijdom.ru

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. * Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволяютъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а (какъ я говорилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты задорный издатель; а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не бранясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитріевымъ.—А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

15.

(Изъ Одессы. 15 іюля 1824).

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь ли ты къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины? Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи

* Министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто князя А. Н. Голицына былъ назначенъ А. С. Шишковъ.

lib.pushkinskijdom.ru

по законамъ. * Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 іюля.

16.

(Изъ Михайловскаго. 29 ноября 1824).

Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (солжемъ на всякой страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пенять не на кого: самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія.—Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины

---

* Ольдекопъ, служившій въ III Отд. собст. канц., напечаталъ нѣмецкій переводъ К. Пл. съ русскимъ оригиналомъ. Хлопоты Пушкина не удались, ибо гр. Бенкендорфъ защитилъ своего подчиненнаго. Слѣдующее письмо въ черновомъ наброскѣ начинается фразою: «Ольдекопъ.... его въ риему,—надоѣлъ онъ мнѣ» и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому же 17 лѣтней, къ тому же влюбленной! Что жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тётки не внушила ли какого нибудь перевода Вас. Львовичу? Нѣтъ ли хоть эпитафіи? Пиши мнѣ: Ея высокор. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а покланяюсь ей.

29 ноября.

Знаешь ли ты мою Телегу Жизни?

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка,
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телегу,
Мы рады голову сломать
И, презирая страхъ и нѣгу,
Кричимъ: валяй...
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ по прежнему телега;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русской титулъ.

(Штемпель: Опочка. 1824, дек. 1).

17.

(Изъ Михайловскаго. Январь 1825).

Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодари ее за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты конечно правъ: болѣе чѣмъ когда нибудь обязанъ я уважать сѣбя. Унизиться передъ

lib.pushkinskijdom.ru

правительствомъ была бы глупость. Довольно ему одного Граббе.[1]

Я писалъ тебѣ на дняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ.[2] Завѣтныхъ покамѣстъ нѣтъ.

18.

(Изъ Михайловскаго. 25 января 1825).

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда нибудь, любова;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданый, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 янв. Напечатай гдѣ нибудь.

Какъ ты находишь статью, что̀ написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашъ! Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ). Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;
Поэтъ Глаголь, не становись фертóмъ;
Дьячекъ Глаголь, ты .ижица въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны. *

19.

(Изъ Михайловскаго. Февраль 1825).

Что ты замолкъ? Получилъ ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc.? Въ «Цвѣтахъ» встрѣтилъ я тебя и чуть не за-

---

[1] Гр. Павелъ Христоф. Граббе, командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль.

[2] Пущинъ былъ въ Михайловскомъ 11 января 1825 г.

* Ѳедоръ Николаевичъ Глинка

lib.pushkinskijdom.ru

дохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чистосердечный отвѣтъ растянутъ; риемы: слезы, розы—завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучитъ—растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ—едва ли не плеоназмъ. Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей пьесы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море, или Телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельства нехороши—чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покамѣстъ я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь—я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое второе Посланіе Цензору? Тамъ между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

20.

(Изъ Михайловскаго, 19 февраля 1825).

Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною

lib.pushkinskijdom.ru

шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ разпечатать, а вовсе не во́ время.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ Разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову. * Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телегу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ получилъ и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edimbourg Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февраля.

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

(Штемпель: Опочка. 1825. Февр. 25.

21.

(Изъ Михайловскаго) 7 апрѣля 1825).

Нынче день смерти Байрона.* Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.—А. П.

---

* Стихи: «Пускай ихъ Шаликовъ поетъ» въ слѣд. изданіяхъ замѣнены «Пускай ихъ юноша поетъ».

* Онъ умеръ въ Миссолонгахъ 7 (19) апрѣля 1824.

lib.pushkinskijdom.ru

22.

(Изъ Михайловскаго апрѣль, до 22-го, 1825.)

Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ какъ Кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ ли еще тебя росейская литература? Я было на Полеваго очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что долженъ непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить во едино. Изъ всего, что должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оргинальныя; но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre les quels j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми—полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и по дѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши, долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

23.

(Изъ Михайловскаго. Апрѣль 1825).

Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма,[1] братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю. но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть Анны Львовны.

Охъ, тетинька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна,
Была ты къ папинькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной[2]
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ.

(Я да Дельвигъ).

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отноше-

---

[1] Сначала было написано и зачеркнуто: «и письмо Тани».

[2] Елив. Львовна — другая тетка поэта, бывшая въ замужествѣ за камергеромъ Матв. Мих. Солнцевымъ. — Пушкину приписываютъ и слѣдующую «эпитафію» духовнику Анны Львовны:

Не памятникъ, а диво:
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ,
Въ попѣ вино и пиво.

lib.pushkinskijdom.ru

ніяхъ и не чета нашей литературной Спетербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да нѣтъ ли у тебя и прозы? Что мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что нибудь о томъ.

24.

(Изъ Михайловскаго, 25 мая 1825).

Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ.[1] Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью сплачъ необычайный.[2] Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то Думы дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неѣлова — прелесть. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма за-

---

[1] 1825 г. № 4.

[2] Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому. (Соч. князя. III, 226).

lib.pushkinskijdom.ru

бавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!). Ты, кажется, любишь Казимира (Делявинь), а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

25 мая.

25.

(Изъ Михайловскаго. Іюнь 1825)

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полеваго. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню—слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!—Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? Какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

На адресной сторонѣ:

Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Нето отдать А. И. Тургеневу для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

За тѣмъ приписано рукою Л. С. Пушкина:

Левъ Пушкинъ проситъ прощенія въ томъ, что письмо распечатано; не взглянувъ на конвертъ, онъ думалъ, что оно къ нему.

26.

(Изъ Михайловскаго. Іюнь 1825).

Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложеніе Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что

lib.pushkinskijdom.ru

тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошолъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses... Какую пѣсню изъ Béranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная коммиссія, составленная изъ графа Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора Камина и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Нехудо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если бы не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль, что умеръ А. М.[1] и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien.

Вотъ еще эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жъ, злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту

---

[1] Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Полевому. Ты уже, думаю, босоножка полощешься въ морской лужицѣ. а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились. Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

27.

(Изъ Михайловскаго. 13 іюля 1825).

Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, toi dont le monde encore ignore le vrai nom! Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона.[1] Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать, что русской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-me de Staël;[2] но не разглашай этого: тутъ есть одно великодушіе, поставленное во первыхъ ради цензуры, а во вторыхъ для вящшаго анонима. Вѣроятно ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволжскаго[3] очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня разцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри— молчи же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты

[1] Въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, № 12, іюнь.

[2] Въ той же книжкѣ Московскаго Телеграфа, съ подписью Ст. Ар (Старый Арзамасецъ) и съ помѣтою 9 іюня 1825. (См. Томъ V).

[3] Всеволодовъ. Пушкинъ ошибся въ фамиліи

lib.pushkinskijdom.ru

моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ—по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою ли твоя княгиня-лебёдушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

13 іюля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. Каковс?

(Адресъ: Его превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому).

28.

(Изъ Михайловскаго. 10 августа 1825).

Накупался ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ; если цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? Я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумазбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сей часъ прочелъ антикритику Полеваго.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! Разборъ новой піитики басенъ—вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Поле-

lib.pushkinskijdom.ru

вымъ. Чѣмъ мнѣ тебя поподчивать? Вотъ тебѣ мои бон-мо. (Ради соли, вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26). Qu'est-ce que le sentiment?—Un supplément du tempérament.

Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?

— Запахъ селедки.

10 Авг.

29.

14 августа 1825. (Изъ Михайловскаго).

Мой милый, поэзія—твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-росскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ риемахъ, извольте жаловаться въ стихахъ. —Благодарю очень за Водопадъ.* Давай мутить его сей часъ же.

. . . . съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ—

вла, вла звуки музыкальные, но можно ли напр. сказать о молніи властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ нибудь. Валяй его съ какихъ нибудь стремнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа—прелесть. Дождь брыжжетъ отъ (такой-то) сшибки твоихъ междоусобныхъ волнъ: междоусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.—5 и 6 строфы —прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то нехорошо. Не соперникъ ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической—также. Игралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты не зерцало (впрочемъ это придирка) и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: ты не пріемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повтореніе ты тутъ нужно.

---

* Нарвскій водопадъ, стихотвореніе кн. Вяземскаго, появившееся потомъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1826 года. (См. соч. кн. Вяземскаго, III, 408).

lib.pushkinskijdom.ru

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ—темно. Вѣчно бьющій огонь—тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу? Ворвавшись — чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе не точно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка! Посмотри, что выдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ не лучше ли:

Какъ ты, пустынно разразится

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуто. Напиши же мнѣ, въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданныхъ гостей—прелесть. Не лучше ли еще незванныхъ. Нѣтъ, cela seroit de l'esprit.

(На мѣстѣ адреса: Князю Вяземскому).

При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

*

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя

lib.pushkinskijdom.ru

деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа 1825. Село Михайловское.

30.

15 сентября 1825. (Изъ Михайловскаго).

Resumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевскаго): онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-me Staël наша—не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погодп немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ.

31.

(Изъ Михайловскаго. Осенью 1825).

Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да...! Юродивой мой — малой презабавной; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ.—Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. На-врядъ, мой милый! Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума.» Я назвалъ его[1] пред-

[1] «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова», въ Московскомъ Телегр. 1825, № 17.—См. томъ V

lib.pushkinskijdom.ru

ставителемъ духа русскаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, графъ Орловъ забавенъ,[1] а мы розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія.[2] Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И болѣнъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей,[3]
И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ предъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану; смерть моя и только.

32.

(Изъ Михайловскаго. Сентябрь 1825).

Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣевича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

---

[1] Григорій Владиміровичъ, издатель басенъ Крылова въ французскомъ переводѣ. [2] Онѣгина. [3] О такихъ голубяхъ говорится въ одной изъ басенъ гр. Хвостова.

lib.pushkinskijdom.ru

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ — а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердить: не выспался и не ...ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура* лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы—иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ раз-

* Уничтожившаго Записки Байрона.

lib.pushkinskijdom.ru

бѣга передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

33.

(Изъ Михайловскаго. 24 сентября 1825).

Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, покрайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ или гніемъ. Первое все такій лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не-то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни: Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней.[1] Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова.[2] Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка—не дядя твой;
Но, милый, музы наши—сестры,
Итакъ ты все же братецъ мой.

---

[1] Пѣсня Земфиры и ноты были напечатаны въ «Моск. Телеграфѣ» 1825 г. № 11, съ замѣткою: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

[2] Милоновъ затронулъ въ стихахъ В. Л. Пушкина. Тотъ добродушно замѣтилъ по этому случаю: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!»

lib.pushkinskijdom.ru

Variante—Василій Львовичъ, то'нкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

(Штемпель: Опочка, 24 сент. 1825).

34.

1825 дек. 3. (Изъ Михайловскаго).

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

(При письмѣ приложены: Совѣтъ, Соловей и Кукушка. Движеніе и Дружба).

35.

(Изъ Михайловскаго. 24 мая 1826).

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ.* Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ (ахъ извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ — лучшій твой водевиль. Напиши жъ мнѣ что нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

Михайловское. Май.

(Штемпель: Опочка, мая 24, 1826)

---

* Стихи кн. Вяземскаго къ Ольгѣ Серг. Пушкиной напечатаны въ Сѣв. Цвѣтахъ 1826 г. (Соч. кн. Вяземскаго, III, 405. Тамъ же стр. 413: «Къ мнимой счастливицѣ»).

lib.pushkinskijdom.ru

36.

(Изъ Пскова. Іюнь 1826).

Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло.[1] Долженъ ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полеваго, друга нашего. Теперь не до того; а ей Богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot въ Петербургѣ.[2] Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русской баринъ кричитъ: «Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай да умница! Прощай.

---

[1] Относится къ упомянутой выше Эдѣ.

[2] Путешественникъ, издавшій потомъ книгу: Six mois en Russie.

lib.pushkinskijdom.ru

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными.* Богъ знаетъ, свидимся ли когда нибудь.

Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ съ пьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Незабавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ.

37.

(Изъ Михайловскаго. 10 іюня 1826).

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ни чуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій—такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все..... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я былъ потребованъ коммисіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ

* Они собирались за границу

lib.pushkinskijdom.ru

покоѣ, и кажется это не къ добру. Впрочемъ чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

10 іюня

38.

(Изъ Михайловскаго въ Ревель. 14 августа 1826).

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ—земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другаго раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое* холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

(Адресъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С.-Петербургъ, въ Большой Міліонной, въ домъ д-ра Энтингъ, для доставл. князю П. А. Вяземскому)

39.

(Изъ Михайловскаго. 9 ноября 1826).

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое

* Къ императору. (См. ниже письма къ Жуковскому).

lib.pushkinskijdom.ru

наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни — ей Богу пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизустъ новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! * Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ.—Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. Итакъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полеваго ты пошлешь къ ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло.

9 ноября.

---

* Дальняя родственница поэта, сестра г-жи Зубковой, дѣвица Пушкина, вышедшая вполѣдствіи за г. Панина.

lib.pushkinskijdom.ru

Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго NB. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. [1] Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ, скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

40.

(Изъ Пскова. 1 декабря 1826).

Ангелъ мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!... Изъясню послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письмы и всюду отвѣчаю—Adieu-couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня не достаетъ уже собственной простоты для переписки.

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву—вой—вымъ, какъ хошь.

1 дек. Псковъ.

Штемпель: 1826 Псковъ. На адресной сторонѣ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце). [2]

---

[1] Намекъ на замѣчанія князя, будто П. завидовалъ стихамъ Дмитріева.

[2] Въ книгѣ князя Павла Петровича Вяземскаго: «А. С. Пушкинъ 1826—1837», приводится выписка изъ неизданнаго еще письма. Въ отвѣтъ на извѣстіе князя П. А. о критикѣ на Евгенія Онѣгина, написанной малолѣтнимъ княземъ П. П. въ духѣ Булгарина, Пушкинъ въ сентябрѣ 1827 г. писалъ: «Критика Павлуши меня веселитъ, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на Онѣгина; будетъ отвѣтъ». Приводимъ кстати шутку Пушкина, написанную въ дѣтскомъ альбомѣ князя. Она была напечатана въ Р. Архивѣ 1867 г. по автографу, а съ варіантами (по памяти) сообщена въ газетѣ Берегъ 1880:

Душа моя, Павелъ,
Держись моихъ правилъ,
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то;
Кажись это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

lib.pushkinskijdom.ru

41.

(Изъ Москвы. 14 марта 1830).

Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ,* что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quant à m-me Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полеваго и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай,

---

* Въ частномъ французскомъ театрѣ въ Москвѣ, содержащемся г. Карцевой, публика шикала и шумѣла, за что нѣсколько посѣтителей были арестованы и въ томъ числѣ Сибилевъ и гр. Потемкинъ, о которыхъ упоминается ниже. Волковъ—жандармскій генералъ, Шульгинъ—оберъ-полицеймейстеръ.

lib.pushkinskijdom.ru

помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны (Карамзиной) и пиши мнѣ къ Копу.[1]

14 марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

(Адресъ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Межуева).

42.

(Изъ Москвы. 16 марта 1830).

У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ— вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой? Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ.[2] Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

16 марта.

Приписка неизвѣстнаго лица.

При сей вѣрной оказіи, не могъ я преминовать, чтобы и мнѣ не засвидѣтельствовать вамъ покорнаго почтенья, мой любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Желалъ бы писать гораздо и пространнѣе, но истинно такъ, такъ утомленъ удо-

---

[1] Гостинница, близъ Тверской улицы.

[2] Мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны.

lib.pushkinskijdom.ru

вольствіями, которыя намъ, счастливымъ москвичамъ, доставило внезапное прибытіе государя императора. Право, князь, еще не могу отдохнуть и опомниться.

43.

(Изъ Москвы. Мартъ 1830).

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ. [1] Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пептефрейхи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою; [2] сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству.— Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

44.

(Изъ Москвы. 2 Мая 1830).

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли,

---

[1] Доносъ напечатанъ въ Литературной Газетѣ 1830, № 18.

[2] Напечатаніемъ эпиграммы: «Не то бѣда» и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однако жъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чистолитературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы или моду или политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и за чѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представлю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 Мая.

(Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. На Моховой, въ домѣ Межуевой. На почтов. штемпелѣ, Москва, 3 мая, 1830).

lib.pushkinskijdom.ru

45.

5 ноября (1830. Болдино).

Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что у ней за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооружена, [1] какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты на лѣво, а мы все таки лѣземъ. По дѣломъ, если останемся голы какъ бубны.—Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть.—Радуюсь, что ты принялся за Фонъ-Визина. Что ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться; пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія, посмотри что за перестрѣлка подымется.—Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь Нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой [2] не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль если я. [3] Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ

---

[1] Стихъ И. И. Дмитріева. [2] Пушкинъ передъ этимъ написалъ эпиграмму на Елиз. Мих. Хитрову, дочь Кутузова, которая въ молодости любила декольтированье:

Лиза въ городѣ жила
Съ дочькой Долинькой
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
У австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand gala,
Не по старому мила,
Но по старому гола.

[3] Онъ спорилъ и проигралъ пари, что французскихъ министровъ Карла X-го отдадутъ подъ судъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ—и читалъ бы въ нижегородской глуши le Tems et le Globe. Каковъ государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровье, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ «ваше здоровье»: титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ.

5 ноября.

46.

2 января 1831. (Москва).

Стихи твои прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масленицѣ альманахъ Блинъ. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полеваго. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль; въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически-трогательно, а все таки палата права. Рѣчьми адвокатовъ я недоволенъ—всѣ онѣ робки. Одинъ Лямене въ состояніи былъ бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку

lib.pushkinskijdom.ru

V. C. P.[1] противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ напис ать ему жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйстiе. Если бъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: пріѣхали сани.

	Давыдовъ съ ноздрями,
	Вяземскій съ очками,
Д—Митюша	Гагаринъ съ усами,
В—Петруша	Дѣвокъ испугали
Г—Ѳедюша	И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

47.

(Изъ Москвы. Январь 1831).

Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на именины къ тебѣ. Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонъ-Визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонъ-Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bon-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонъ-Визина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты мою Агріопу?— Видѣлъ.— Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи? — Скажу: Агріопа—... Остро и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ.[2] пошлю къ Дельвигу. Что ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однако жъ отдалъ Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ

[1] Veuve Clicquot Ponsardin: клеймо шампанскаго.

[2] Василѣ Львовичъ. Онъ умеръ 10 августа 1830.

lib.pushkinskijdom.ru

не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

48.

(На клочкѣ карандашомъ).

(Изъ Москвы. Январь 1831).

Къ тебѣ собираюсь.[1] Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. Сѣв. Цвѣты еще не получилъ. Борисъ Годуновъ здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

49.

(Изъ Москвы. 20 января 1831).

Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову;[2] онъ вѣроятно уже все знаетъ. Оставь Адольфа[3] у меня— на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго рода не имѣетъ), житель или урожденецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арапъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными арапами.

Арапникъ, отъ польскаго harapnik (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff). NB. Harap vient de Herab.

А право не худо бы взяться за лексиконъ, или хотя за критику лексиконовъ.

50.

(Изъ Петербурга. 1836).

Письмо твое прекрасно.[4] Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно

---

[1] Въ подмосковное село Остафьево, гдѣ князь проводилъ зиму 1831.

[2] Тесть Дельвига. Сравн. ниже, письма къ Плетневу.

[3] Переводъ кн. Вяземскаго сочиненія Бенжаменъ Констана.

[4] Говорится о проектѣ письма кн. Вяземскаго къ С. С. Уварову, относительно терпимости цензуры къ мнѣніямъ, противнымъ провозглашенному Уваровымъ принципу православія, самодержавія и народности. (См. соч. кн. Вяз. II, 214—226).

lib.pushkinskijdom.ru

болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью какъ она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ нѣкогда дѣлалъ ты и въ «Литературной Газетѣ» со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полеваго, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

II. КЪ КН. ВѢРѢ ѲЕДОРОВНѢ ВЯЗЕМСКОЙ.

1.

(Изъ Михайловскаго въ Одессу. Въ концѣ сентября 1824).

Belle et bonne princesse Véra, aussi charmante et généreuse, je dois vous (remercier) pour votre lettre; les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exposer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoiste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien des chagrins et seule a pu. . . . . la rage de l'ennuie qui consumme ma sotte éxistence. Vous devez la connaître, cette sotte éxistence: ce que j'avais prévu c'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez (réels). (Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être son agent de persécutions). On m'y reproche mon éxil, on se croit (d'être) entrainé dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur qui est une créature céleste et à mon frère qui est très drole et très (jeune?), qui admirait mes vers et que j'ennuie très certainement. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emplois qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre, — je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но слава à Dieu, небо у насъ сивое, а луна точная рѣпа.

A l'égard de mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord, ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux d'une réputation d'Onéguine, et voilà je suis prophète en mon pays...

lib.pushkinskijdom.ru

Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine, j'écoute ses conversations patriarchales, — ces filles assez mauvaises... sous tous les rapports, me jouent de Rossini, que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poéthique, mais l'ennuie est une froide muse et le poême n'avance guère; voilà pourtant une strophe, que je vous dois, — montrez la au Pr. Pierre, [1] dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos pieds bien tristement, ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel un mot d'Odessa, de vos enfants! avez vous consulté le docteur de (Miré?)? que fait-il, и что M . . .? . . .

(Нѣсколько ниже зачеркнутъ адрессъ: Покорнѣйше прошу доставить Ея Сіят. кн. Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской). [2]

Переводъ. Прекрасная и добрая княгиня Вѣра, плѣнительная и великодушная. Я долженъ поблагодарить васъ за ваше письмо. Слова будутъ слишкомъ холодны и слабы, чтобъ выразить вамъ, какъ я умилёнъ и признателенъ. Ваша нѣжная дружба могла бы удовлетворить всякую душу, менѣе эгоистическую, чѣмъ моя; но и теперь, каковъ бы я ни былъ — только эта дружба еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки, которая поѣдаетъ мое глупое существованіе. Вы должны знать про это глупое существованіе. Сбылось все, что я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки и безъ того весьма существенныя. Власти имѣли безстыдство предложить моему отцу роль своего агента въ преслѣдованіи меня. [3] Меня попрекаютъ моею ссылкою, считаютъ себя вовлеченными въ мое несчастіе; увѣряютъ, будто я проповѣдаю безбожіе сестрѣ моей, этому небесному созданію, и брату моему, очень забавному и очень юному, который восхищался моими стихами и которому, конечно, я очень надоѣдаю. Отецъ имѣлъ слабость принять порученіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ его въ ложное положеніе ко мнѣ. А изъ этого выходитъ, что я провожу на конѣ въ поляхъ все то время, когда не лежу въ постелѣ. Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море — производитъ во мнѣ тоску; шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, что я сталъ бы плакать отъ бѣшенства при видѣ яснаго неба. Но слава Богу, небо у насъ сивое, а луна точная рѣпа.—Что касается до моихъ сосѣдей, на первыхъ порахъ я постарался оттолкнуть ихъ отъ себя. Они оставили меня въ покоѣ; я

---

[1] Т. е. кн. П. А. Вяземскому. [2] Письмо это напечатано по черновому наброску въ рукописяхъ поэта. Анненковымъ былъ напечатанъ только неполный русскій переводъ. 2-е письмо сохранилось между письмами къ кн. П. А. Вяземскому.

[3] Начальникъ края, маркизъ Паулучи, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца Пушкина: принять надзоръ за поступками сына.

lib.pushkinskijdom.ru

пользуюсь между ними репутаціей Онѣгина и такимъ образомъ я пророкъ въ странѣ своей...—Единственное развлеченіе мое составляетъ добрая старушка сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ея патріархальные разговоры въ то время, какъ ея дочки, довольно дурныя... во всѣхъ отношеніяхъ, разыгрываютъ мнѣ Россини, котораго я выписалъ... Лучшаго положенія для окончанія моего стихотворнаго романа врядъ ли можно и желать, но скука — это холодная муза, и поэма не подвигается. Однако же кланяюсь вамъ одной строфой. Покажите ее князю Петру и попросите его не судить о цѣломъ по этому образчику... Прощайте, уважаемая княгиня. Я съ большой печалью у вашихъ ногъ. Не показывайте этого письма никому, кромѣ тѣхъ, кого я люблю и кто принимаетъ во мнѣ участіе по дружбѣ, а не изъ любопытства. Ради Бога, слово объ Одессѣ, о вашихъ дѣтяхъ. Совѣтовались ли вы съ докторомъ М.? что онъ подѣлываетъ, и что М.?

2.

(1830. Май).

Vous avez raison de trouver l'âne délicieux. [1] C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo. J'y vois plus de talent que dans le dernier jour où il y en beaucoup. — Quant à la phrase qui vous a embarassé, je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenirs délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin; mais je n'en ai guère le temps. Mon mariage avec Natalie (qui par parenthèse est mon cent troisième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au Lombard, et vous, chère princesse, je vous engage à être ma посаженая мать. — A vos pieds A. P.

Erratum. Variante, après 200 paysans: je les engage au Lombard, et vous, divine princesse, à être ma посаженая мать.

---

[1] L'âne mort et la femme guillotinnée, романъ Жюль Жанена.

lib.pushkinskijdom.ru

III. КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

1819—1824.

I.

(Изъ Михайловскаго. 9 іюля 1819).

Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо.[1] Вотъ вамъ на память посланіе Орлову.[2] Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ «пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину.» Кстати о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлоглазаго Кавелина,[3] поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона.[4] Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодаго человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и какъ кардиналъ-племянникъ,[5] зажмите ротъ доктору теологіи Кавелину, который добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. Пушкинъ.

1819, 9 іюля.

2.

(Изъ Кишинева. Іюль 1821).

Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа превосходительный Раекъ и превосходительный жалобный Сверчокъ на лужицѣ

---

[1] Передъ отъѣздомъ на лѣто въ деревню.

[2] «О ты, который сочеталъ» и пр. Оно написано въ іюлѣ 1819 г.; далѣе Пушкинъ приводитъ два стиха изъ этого посланія.

[3] Дмитрій Кавелинъ, стяжавшій особую извѣстность, какъ сторонникъ Магницкаго и Рунича по дѣлу профессоровъ петерб. университета.

[4] Соболевскій былъ школьный товарищъ Льва Сергѣевича Пушкина, который вѣроятно и просилъ брата.

[5] Тургеневъ тогда состоялъ при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ, по этому Пушкинъ и называетъ его шутя кардиналомъ-племянникомъ и камергеромъ Don Basile.

lib.pushkinskijdom.ru

города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали воспоминая тебя Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса; благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой рѣчки. Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки и потому...*

3.

(Изъ Одессы. 1 декабря 1823).

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ «Сынѣ Отечества» поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, если бъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежня живость.
Простите жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть *N.* (Наполеона). Она нехороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренной
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,

---

* Этотъ черновой отрывокъ сохранился въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта, гдѣ набросанъ вслѣдъ за одою «Наполеонъ». Сверчокъ—Арзамасское прозвище Пушкина. На Фонтанкѣ жили А. И. и Н. И. Тургеневы въ домѣ почтоваго вѣдомства (нынѣ министра двора). Липецкій потопъ—вѣроятно пьеса кн. Шаховскаго «Липецкія воды», появившаяся въ 1816 г. Раекъ—Раевскій.

lib.pushkinskijdom.ru

И день велікій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ—
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ на-дняхъ подраженіе баснѣ умѣреннаго демократа:

(Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя).
Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды...
Паситесь, мирные народы.

lib.pushkinskijdom.ru

Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. Карамзиныхъ. Но, что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына? Возможно ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ. Правда ли, что онъ переводитъ «Гяура»? А я надосугѣ пишу новую поэму Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы. *

1 декабря (1823).

4.

(Изъ Одессы, 14 іюля 1824 г.).

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой

---

* Въ тетрадяхъ поэта сохранился и черновой набросокъ этого письма:

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ прозаической Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и дружескія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы.—J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire.—Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной азіатской... чтобы цѣнить и не вольной воздухъ европейской. Теперь мнѣ ничего бы не доставало, если бы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразуменъ.—Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете видѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша. Вотъ самыя сильныя строфы.—Это послѣдній либеральный бредъ. На дняхъ я закаялся и смотря — и на Западъ Европы и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой...

Внизу листа начато стихотвореніе:

Жуковскій — — святой
Парнаса чудотворецъ
Царедворецъ
Крыловъ разбитъ параличемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—вандалъ, придворный х—мъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичёкъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина. Правда—но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риѳмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполнѣ, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва ли можетъ оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ—цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной constitutionelle ou Anti-constitutionelle, mais toujours adorable comme la liberté! А. П.

14 juillet (1824).

IV. КЪ СЕРГѢЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

(Изъ Кишинева, 21 августа 1821 г.).

Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, [1] съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чужой въ Турцію род-

[1] Онъ былъ младшій братъ Александра и Николая Ивановичей, служилъ нѣкогда, при гр. Воронцовѣ, во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи

lib.pushkinskijdom.ru

ную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою.—Скоро ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? Обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана [2] брата его; Его Преосвященству [3] писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю — но до сихъ поръ не отвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ [4] — а Долгорукой меня забылъ. Пушкинъ.

21 августа (1821 г.?).

V. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ КРИВЦОВУ.

1819—1831.

1.

(Изъ Петербурга. Конецъ ноября, 1819).

Знаешь ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ твой лѣнивецъ, котораго ты, вѣрно, помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю—сердишься ли.

Я не люблю писать, языкъ и голосъ едва ли достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе; такъ бѣдно, глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить

а потомъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Послѣ осужденія брата Николая за 14 декабря 1825 г., онъ помѣшался и умеръ 1 іюня 1827 г. въ Парижѣ, куда былъ отвезенъ для леченія. Это и предыдущее письмо сохранились въ бумагахъ Николая Ивановича и напечатаны И. С. Тургеневымъ въ Вѣстникѣ Европы 1880, № 12.

[2] Николая Ивановича Тургенева.

[3] Т. е. Александру Ивановичу, состоявшему при оберъ-прокурорѣ св. Синода.

[4] Чу—арзамасское прозвище Дм. Вас. Дашкова.

lib.pushkinskijdom.ru

разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга. [1]

2.

(Изъ Одессы. Декабрь 1823).

Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О дружба, дружба! [2]

3.

(Изъ Москвы. 10 февраля 1831).

Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. [3] Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? [4] Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, [5] а я женатъ, или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я

---

[1] Съ чернового наброска. Кривцовъ былъ тогда при посольствѣ въ Англіи.

[2] Мы относимъ это письмо къ 1823 году, потому что въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 20 декабря 1823 г. Пушкинъ пишетъ, что ждетъ отвѣта Кривцова. Кромѣ того въ слѣдующемъ письмѣ, уже 1831 г., онъ упоминаетъ о полученіи письма Кривцова, отъ 1824 г., которое вѣроятно и было писано въ отвѣтъ на настоящее.

[3] Борисъ Годуновъ.

[4] Кривцовъ въ это время былъ въ отставкѣ послѣ своего губернаторства въ Тамбовѣ. Біографическія свѣдѣнія о немъ въ Р. Архивѣ 1864.

[5] Нога у Кривцова была отнята вслѣдствіе раны, полученной при Кульмѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью.

У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

10 февраля 1831.

VI. КЪ ПАВЛУ БОРИСОВИЧУ МАНСУРОВУ.[1]

(Изъ Петербурга. 27 октября 1819).

На силу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесъ! Здоровъ ли ты, моя радость; веселъ ли ты, моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу) ——мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ ½ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ—и плачетъ о Крыловой[2]———— Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты (Всеволожскаго); по прежнему подымаются на нее телескопы ———но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя.—Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; шампанское

---

[1] П. Б. Мансуровъ состоялъ въ то время адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ; въ 1812—1814 годахъ онъ былъ ординарцемъ Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конноегерскій полкъ. Въ 1825 году онъ женился и вышелъ въ отставку; позднѣе служилъ въ министерствѣ финансовъ. Точки находятся въ подлинникѣ, а черточками означены пропуски.

[2] Актриса, отличавшаяся болѣе наружностью, чѣмъ искусствомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

слава Богу здорово—актрисы также— . . . . . такъ и должно . . . . . Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однако жъ его вызывалъ за его дурную комедію,[1] а ее за посредственную игру.—Tolstoy (Яковъ Никол.) боленъ . . . . . Зеленая Лампа[2] нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишешь ли ты, мой собратъ—напишешь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, лапочка. Пушкинъ.

27-го oct. 1819.

VII. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНѢДИЧУ.

1820 — 1830.

1.

(Май 1820. С.-Петербургъ.)

Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. Пушкинъ.[3]

---

[1] «Пустодомы», играна въ первый разъ 10-го октября 1819.

[2] Дружеское общество, къ которому принадлежали и упоминаемыя въ письмѣ лица.

[3] Съ Гнѣдичемъ Пушкинъ познакомился въ засѣданіяхъ общества «Зеленой лампы» и тамъ, въ одно изъ первыхъ же свиданій, на вопросъ Гнѣдича: какъ ему нравится переводъ Иліады, начатый первоначально александрійскими стихами, говорятъ, отвѣтилъ экспромтомъ:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
Я руку наложилъ,
Погладилъ—заковилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Изъ Каменки. 4 декабря 1820).

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь,[1] почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго.[2] Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою (Русланъ и Людмила), напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическомъ покровительствѣ я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына (Отечества) доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи,[3] котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

«Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ» и пр.; они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В.,[4] который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ бестыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй,

---

[1] Пушкинъ былъ сосланъ на югъ Россіи въ началѣ мая 1820 г., въ половинѣ мая былъ уже въ Екатеринославлѣ, въ концѣ поѣхалъ съ Н. Н. Раевскимъ и его семействомъ на Кавказъ, оттуда въ августѣ въ Крымъ и наконецъ въ сентябрѣ проводилъ Раевскихъ до села Каменки, подъ Кіевомъ, потомъ отправился въ Кишиневъ и отсюда опять ѣздилъ въ Каменку и Кіевъ, въ концѣ 1820 и въ началѣ 1821 г.

[2] Мать героя 1812 г., Н. Н. Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ была за Давыдовымъ. Изъ дѣтей ея (Александръ и Василій Львовичи) старшій былъ женатъ на гр. Грамонъ.

[3] Отрывки напечатаны въ Сынѣ Отеч., а отдѣльно переводъ не изданъ.

[4] А. Ѳ. Воейковъ. Статьи см. въ № 34—37 С. Отеч. 1820 г.

lib.pushkinskijdom.ru

несчастной! (что между прочимъ очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста — критика его для меня ужасно какъ тяжка.[1] Допрощикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ.[2] Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою;[3] кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или еще готова.[4] Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4 декабря 1820.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ ли онъ съ ея высочествомъ?[5] Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа—журнала его не видалъ, писемъ также.[6]

Мой Адресъ: въ Кишиневъ — Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

---

[1] Послѣдній стихъ эпиграммы, приписываемой И. А. Крылову и напечатной въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38.

[2] Послѣ критики Воейкова въ № 38 «Сына Отечества» напечатано «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», въ которомъ N. N. предлагаетъ Воейкову вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторъ вопросовъ былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ. «Замѣчанія» на письмо Зыкова напечатаны въ № 41 «Сына Отечества» съ подписью Григорій Б—въ, а въ № 42 напечатаны новыя «Замѣчанія» въ защиту Воейкова, съ подписью П. К—въ (самъ же Воейковъ), и въ № 43 помѣщенъ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К—ва», съ подписью М. К—въ.

[3] Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Олениным, рисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

[4] Кавказскій Плѣнникъ.

[5] В. А. Жуковскій въ то время состоялъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. За границу онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ въ началѣ 1821 г.

[6] В. К. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 г. участвовалъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель».

lib.pushkinskijdom.ru

3.

(Изъ Кишинева. 24 марта 1821 г.).

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Опъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ,*
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;

---

* Гнѣдичъ, какъ выше указано, началъ продолжать переводъ «Иліады» Кострова александрійскими стихами съ риѳмами, но потомъ перешелъ къ гекзаметрамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Для музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминанье, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньéта и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой;—та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи.—Что дѣлаетъ Н. М. (Карамзинъ)? здоровы ли: онъ, жена и дѣти?—Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.— Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.—Пушкинъ.

1821. Марта 24, Кишиневъ.

lib.pushkinskijdom.ru

4.

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей идилліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.—Пушкинъ.

(Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ, найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки):

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начи-

lib.pushkinskijdom.ru

нать не имѣлъ я духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ Кавказскаго плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца...»

5.

(Изъ Кишинева. 13 мая 1822).

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ:1. Увѣрены ли вы, что цензура, по неволѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому* и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить ли дѣло предисловіемъ. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она не достойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ.

---

* Отправляясь въ ссылку, Пушкинъ проигралъ Н. В. Всеволожскому 1000 р и за это отдалъ ему для изданія приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право изданія и общій ихъ знакомый Я. Н. Толстой велъ съ Пушкинымъ переговоры

lib.pushkinskijdom.ru

Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны—я сказалъ ему; вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ.—А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о Кавказскомъ Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія о Дельвигѣ и Баратынскомъ также—но я люблю ихъ лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura.—Пушкинъ.

13 мая, Кишиневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ—да на кой чортъ имѣть его.

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ «Сынѣ Отечества.» *

(Штемпель: «Кишиневъ» и письмо исколоно).

6.

(Изъ Кишинева. 27 іюня 1822).

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобы меня искренно обрадовать. Отъ

---

* Напечатано было въ «Литературныхъ Листкахъ» Ѳ. Булгарина 1823 г. № 2, съ замѣною словъ въ 4-мъ стихѣ: при свѣтломъ; въ 6-мъ: за что, и въ послѣднемъ: я могъ свободу даровать. и съ прибавкою примѣчанія, въ которомъ стихотвореніе примѣнялось «къ выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ.

lib.pushkinskijdom.ru

сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника. Ваши замѣчанія на счетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между готовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно, долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: Какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И русской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу, но мало ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Нельзя ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя ли его разшевелить? Нельзя ли потревожить и Слѣнина, если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана»? Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери [1] и

[1] Жуковскій перевелъ изъ Томаса Мура «Пери и Ангелъ». Стихи эти были напечатаны въ «Сынѣ Отечества», 1821 г., № 20.

lib.pushkinskijdom.ru

достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ «Родригъ», Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то съ нимъ [1] дѣлается—судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.—А. Пушкинъ.

27 іюня.

7.

(Изъ Кишинева. 27 сентября 1822).

Пріѣхали Плѣнники [2]—и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего; признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился. Напримѣръ, если бъ она перемѣнила стихъ простите, вольныя станицы, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцѣлуй прелесть; ей дней ей-ей неблагозвучнѣе ночей; упоительныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы, дождь и градъ: на долы. [3] Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно, но не

---

[1] Т. е. съ Кюхельбекеромъ, о которомъ Пушкинъ вспомнилъ, написавъ слово «молдованно», потому что оно напомнило ему его же эпиграмму: «Кюхельбекерно». (См. выше, стр. 16).

[2] Гнѣдичъ одновременно напечаталъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Шильонскаго Узника».

[3] Эти опечатки исправлены были въ изд. 1828 г., но нѣкоторыя, указанныя выше въ письмѣ къ кн. Вяземскому, остались неисправленными. (См. стр. 7—8).

lib.pushkinskijdom.ru

знаю справедливо ли. [1] Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайной! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, по крайней мѣрѣ до моего пріѣзда,—а я вынырну и явлюсь къ вамъ.—Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души.—А. Пушкинъ.

27 сент. Кишиневъ.

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣнина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе—то я не согласенъ.

(Адресъ «Его Высокобл., м. г. Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ С.-Петербургъ. Въ Императорской Библіотекѣ». Штемпель: «Кишиневъ 27 сентября»).

8.

(Изъ Михайловскаго, 23 февраля 1825).

Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова.[2] Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.—Пѣсни Греческія прелесть и tour

---

[1] Къ изданію былъ приложенъ портретъ молодаго Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою, что издатели думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

[2] Первая глава «Онѣгина» вышла въ Петербургѣ, въ началѣ 1825. Разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 29 декабря 1824.

lib.pushkinskijdom.ru

de force.[1] Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины? — — —

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейской подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.—Много у меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

9.

(Въ С.-Петербургѣ. 6 января 1830).

Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени.[2] Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде.—Весь вашъ Пушкинъ.[3]

---

[1] «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ». Изд. и перевед. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ.

[2] Замѣтка о выходѣ «Иліады» помѣщена въ № 2 «Литературной Газеты» 1830. (См. томъ V).

[3] Въ черновыхъ рукописяхъ 1830 г. сохранился еще набросокъ: Всѣ благомыслящіе люди чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ. Въ то время, какъ вашъ корабль входитъ въ пристань, нагруженный богатырями Гомера, при громѣ нашихъ привѣтствій, печего говорить о моихъ мелочахъ....

lib.pushkinskijdom.ru

VIII. КЪ ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

1820—1836.

1.

Кишиневъ. 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливой путь *— я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная

---

* Письма Инзова объ этой поѣздкѣ напечатаны въ Р. Архивѣ 1863 № 12.

lib.pushkinskijdom.ru

сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ— и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовысѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы къ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юр-

lib.pushkinskijdom.ru

зуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію,[1] которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную...[2] я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя! Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига. — Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи.— Пушкинъ.

---

[1] «Погасло дневное свѣтило». [2] Пропуски въ рукописи.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Изъ Кишинева. 27 іюня 1821).

Брату. — Здравствуй Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по русски, потому что славу Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года?[1] Кто на пы? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но её чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ (Никита Всеволодовичъ)—и возьми у него на мой счетъ число экземляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что помню вечера его, любезность его V. C. P. его L. E, D. его,[2] Овошникову его,[3] Лампу его[4] — и все елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова—пожелай здравія Калмыку[5]—и напиши мнѣ обо всемъ.—Пришли мнѣ «Тавриду» Боброва. Vale.—Твой братъ А.

27 іюня.

Сестрѣ.—Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала ли опять нарвскія подземелья, замки, водопады? занимало ли это тебя? любишь ли ты по-прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? помнишь ли трагиче-

---

[1] О Русланѣ и Людмилѣ — вопросы Д. П. Зыкова въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64.

[2] V. C. P. Veuve Clicquot Ponsardin и буквы L. D.—марки вина: первая—шампанскаго-клико, вторая—шато-д'икема.

[3] Кордебалетная танцовщица.

[4] Зеленая Лампа—Общество, собиравшееся у Н. В. Всеволожскаго.

[5] Калмыкъ-слуга Всеволожскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

скую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анстой Вульфъ? ѣздишь ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? что подѣлываютъ Корфы? замужемъ ли ты? готова ли на это? не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ.

(Написано по французски; переводъ свѣренъ съ оригиналомъ).

3.

(Изъ Кишинева. 24 января 1822).

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки — ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія; Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай, въ ней каждой стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги; понимаю.

lib.pushkinskijdom.ru

Другой за то, что былъ французъ.
Клеонъ—умомъ ее стращая,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ.
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.

24 января 1822.

4.

(Изъ Кишинева. 21 іюля 1822).

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу— мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти—тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи — ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? [1]

---

[1] Въ бумагахъ поэта сохранился стихотворный набросокъ (около мая или іюня 1822), напоминающій нѣкоторыя мѣста этого письма:

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой?
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,

lib.pushkinskijdom.ru

Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Слѣнинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи ему посланные? Что «Плѣнникъ»? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что́ Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ (Кюхельбекеръ)? есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. — Отцу пишу въ деревню.

21 іюля.

(Приписка къ сестрѣ). «Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей, но они нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи замужъ.»

Написано по французски; переводъ свѣренъ съ оригиналомъ).

5.

(Изъ Кишинева августъ или сентябрь 1822).

На прошедшей почтѣ (виноватъ: съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во первыхъ о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о

И сладостныхъ заботъ и милыхъ заблужденій,
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь;
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой,
Ввѣряешься... (и т. д. 4 стиха не разобраны).

[1] Говорится о приготовлявшейся «Полярной звѣздѣ» на 1823 г.

lib.pushkinskijdom.ru

тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію — Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка,—дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому—и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ роздано — само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить.—Въ посланіи къ Овидію перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника,—прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц. Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюду драмоторжественный ревъ Глухо-рѣва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію. Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ — славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія.[1] Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...»[2] слишкомъ уже греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій упылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣлъ трудъ

[1] «Олимпійскія игры,» стихотвореніе Кюхельбекера.
[2] Сравн. выше.

lib.pushkinskijdom.ru

многимъ людямъ принадлежащій» и проч.[1] Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила.[2] Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. П.

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habits—rappelez la lui de ma part.[3]

Еще слово—скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой—у васъ пишутъ—что лучъ десницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило—что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ![4]

27 іюня.

6.

(Изъ Кишинева. 1822).

Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: не многимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему серд-

---

[1] Эти строки приведены Пушкинымъ на память, но вполнѣ вѣрно изъ рукописнаго лицейскаго журнала «Вѣстникъ» (3 дек. 1811) и принадлежатъ къ «Отрывку изъ гровы, С. Ламберта», въ переводѣ Кюхельбекера.

[2] Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 8 было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе. Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго недуга, и онъ сильно обидѣлся этимъ стихотвореніемъ.

[3] «У отца была блестящая мысль—прислать мнѣ платье; напомни ему о ней отъ меня».

[4] Дума К. Ѳ. Рылѣева, въ «Сынѣ Отечества» 1822 г., № 23.

lib.pushkinskijdom.ru

цу, которое считаю благороднымъ и добрымъ, и которое, въ добавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда не допускай никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство. — Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца, обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаймы, терпи лучше нужду: повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностію въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ, безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; не дешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло касается счастія твоей жизни.

(Написано по французски; переводъ свѣренъ съ оригиналомъ).

lib.pushkinskijdom.ru

7.

(Изъ Кишинева. 6 октября 1822).

Если бъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами Вся моя ссора съ Толстымъ[1] происходитъ отъ нескромности кн. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandal пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите,[2] но Августъ смотритъ Сентябремъ! Кстати: получено ли мое Посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его.[3] Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый.— А. П.

Другъ мой, попроси И. В. Слѣнина — чтобы онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 3 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча —и Цертелева Древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.

---

[1] Ѳ. И. Толстой, прозванный «американцемъ».

[3] Изъ «Посланія къ Овидію». [2] Т. е. Полярной Звѣзды.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

(Изъ Кишинева. Январь 1823).

Душа моя, какъ перевести по русски bévues — должно бы издавать у насъ журналъ Révue des Bévues—мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣева, его же гербъ россійской на вратахъ византійскихъ[1] (во время Олега, герба русскаго не было—а двуглавый орелъ есть гербъ византійской и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную—у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продиктовалъ Якову[2] строки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

---

[1] Въ думѣ К. Ѳ. Рылѣева «Олегъ».

[2] Камердинеръ Жуковскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.
(По сгибу письма надпись Брату).

9.

(Изъ Кишинева. 30 января 1823).

Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой,[1] за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и «Руслань» и Noël[2]—и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога люби двѣ звѣздочки;[3] онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву (Владиміру Ив.), знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи.—Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный[4]

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера,

---

[1] Дидло изъ «Кавказскаго Плѣнника» составилъ балетъ, въ которомъ роль черкешенки исполняла Истомина.

[2] Noël—рождественскій кантъ, а также народная пѣсенка на какое-нибудь событіе. Пушкинъ назвалъ этимъ именемъ одну свою шутку.

[3] Пушкинъ подписался ** подъ своими стихотвореніями въ «Полярной Звѣздѣ» 1823.

[4] Стихъ изъ «Тарентинской Дѣвы» Гнѣдича (Пол. Зв. 1823).

lib.pushkinskijdom.ru

а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ.—Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка— единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ ли царь? Впрочемъ это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей—напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они правы—да и я не виноватъ.— — —

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

Ты мнѣ пишешь объ N. N. voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть—а вѣдь непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

30 января.

10.

(Изъ Одессы. 25 августа 1823).

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ— три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и ей-Богу обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцов, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо магически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ Петер-

lib.pushkinskijdom.ru

бургъ письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: «Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр...»—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила—но служу я не по волѣ своей—и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно — крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 авг.

Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ — выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

11.

(Изъ Одессы. Въ началѣ 1824).

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись —а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его М—ровъ

lib.pushkinskijdom.ru

и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя — такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не-то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы![1] Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu?[2] На сей вопросъ Лямартина отвѣчаю — я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекарь морить—за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому? Кстати о гадости—читалъ я «Ѳедору» Лобанова — хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина. Voulez-vous découvrir la trace de ses pas—

надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ, иль темные пути—

---

[1] Изъ пѣсни: «Ахъ, гдѣ-тѣ острова» и пр.

[2] Въ рукописяхъ поэта сохранился черновой набросокъ стиховъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
«Смотрите! вы, поэтъ, уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она,
Зачѣмъ же пишете?» Я? Для себя! «За что же
Печатаете вы?» Для денегъ! «Ахъ мой Боже,
Какъ стыдно!» Почему жъ?

lib.pushkinskijdom.ru

М. его въ риѳму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hypolyte et même un peu farouche, Ипполитъ суровый скиѳской выб...—не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамент аббатъ и сводникъ —vous même où seriez vous etc... — вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровской» полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега Вѣщаго» и напечаталъ. Можетъ быть я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не разчухалъ.

12.

(Изъ Одессы. 1 апрѣля 1824).

Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.».

Ни я. Но мнѣ скажутъ: А какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышомъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все — друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голода не околѣть, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: на-

lib.pushkinskijdom.ru

пиши мнѣ, какъ «Фонтанъ» расходится—или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова — какъ можно печатать партикулярныя письма — мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать—это разбой;[1] рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно—ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на равнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1-го апрѣля 1824.

Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ,[2] адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо.

(Адресъ на оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго).

13.

(Изъ Одессы. 13 іюня 1824).

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на счетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»—выйдутъ ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться.

---

[1] Булгаринъ напечаталъ въ своихъ «Литературныхъ листкахъ» (1824, № 4), по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана», отрывокъ изъ письма Пушкина къ Бестужеву.

[2] Ив. Григ. Сенявинъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавказскаго Плѣнника» за 2000 р., кому бишь?* Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И упоительнымъ мечтамъ—и упоительнымъ. Не много... ей дней—ночей—ради Бога. Прощай.

(На оборотѣ. Штемпель почтамта: «Одесса 13-го іюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ Онѣгина: «Я помню море предъ грозою», глава первая, строфа XXXIII).

(Адресъ тотъ же: Мил. гос. Л. С. Пушкину. Въ С.-Петерб., у Обухов. моста, въ д. Полторацкаго).

14.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ октября 1824).

Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча)? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ въ томъ числѣ и «Талію» Булгарина. Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею (Вульфъ) и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-тилѣтней дѣвушки, или она—талью 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ

* См. выше, стр. 17.

lib.pushkinskijdom.ru

рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался—поставь: «швейцара мимо онъ стрѣлой». Въ «Разговорѣ» послѣ: Искалъ вниманье красоты—нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки; обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ: вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи.—Прощай, моя радость. Что жъ чухонка Баратынскаго? * Я жду.

(На оборотѣ пис ма адресъ тотъ же).

---

* Такъ называетъ Пушкинъ «Эду», поэму Баратынскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

15.

(Изъ Тригорскаго. Въ началѣ ноября 1824).

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя—скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ—я рѣшительно не хочу выносить ссору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи.[1]

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.—найдешь у St-Florent, 2. сѣрныя спички, 3. карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ), 4. жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. Что наши литературные паны и что сволочь.[2]

Я тружусь во славу Корана[3] и написалъ еще кое что—лѣнь прислать.

Прощай; отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой—а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде января. — Всѣмъ поклонъ, пиши же живѣе.

(На оборотѣ: Милостивому государю и братцу).

*

(На листѣ сѣрой бумаги).

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина—найди искусный карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ

---

[1] См. ниже, письма къ Жуковскому.

[2] Нѣсколько ранѣе (въ концѣ сентября) Пушкинъ отмѣтилъ, вѣроятно, для порученія брату высылки въ деревню и для памяти кому собирался писать: «Бумаги, перьевъ, сыру, облатокъ» и «Жуковскій, Тургеневъ, Васил. Бат., Вяземскій». За тѣмъ, около 29 ноября, записалъ: «Карты, Пугачевъ, allamattea».

[3] Пушкинъ говоритъ о своихъ стихотвореніяхъ изъ Корана.

lib.pushkinskijdom.ru

томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непремѣнно.—Да пришли калоши съ Михайломъ.

(На оборотѣ начерчены карандашомъ: крѣпость, лодка на Невѣ, набережная и опершись на нее двое мужчинъ; все помѣчено цифрами. Внизу написано: 1. Хорошъ. 2. Долженъ быть опершись на гранитъ. 3. Лодка. 4. Крѣпость Петропавловская.)*

16.

(Изъ Михайловскаго. Въ половинѣ ноября 1824).

Скажи моему гепію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! ништо проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire de b—t. Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да на долго ли его это задержитъ въ типѣ петербурской. Что погреба?—признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить пагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ. это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! (Анна Львовна). Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «Разговоромъ». Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ, Анна Николаевна (Вульфъ) на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ Прасковьѣ Александровнѣ (Осиповой) твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя, пустельга,

---

* Снимокъ съ этой картинки приложенъ къ Библіографическимъ Запискамъ 1858 г.— Въ свое время она была перерисована А. Нотбекомъ и приложена въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ, вмѣстѣ съ 5-ю другими картинками изъ Онѣгина. Пушкину приписываютъ двѣ эпиграммы на нихъ, изъ которыхъ одна неудобна къ печати, а другая печатается здѣсь съ замѣной одного слова:

Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись задомъ о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

lib.pushkinskijdom.ru

разцѣловать. Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Клярису, мочи нѣтъ какая скучная дура![1] Жду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. Ѳ. (Одоевскому)?[2] Будетъ ли картинка у «Онѣгина». Что дѣлаютъ Полярные господа?[3] Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что волъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ (Екатерина Марковна) и распечаталъ, полагая, что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

(На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки;» а близъ печати у прорваннаго мѣста: «я расковырялъ!»).

17.

(Изъ Михайловскаго. Декабрь 1824).

Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—

---

[1] «Клариса Гарлоу», романъ Самуила Ричардсона. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ» и въ «Романѣ въ письмахъ».

[2] Кн. Влад. Ѳедор. Одоевскій вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ тогда издавалъ «Мнемозину».

[3] Рылѣевъ и Бестужевъ—издатели «Полярной Звѣзды».

lib.pushkinskijdom.ru

пріѣзжай хоть съ П. А. (Плетневымъ), хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.[1]

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ — святочную пѣсенку.[2] Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить «Онѣгина» изъ подъ цензуры—слава ...[3] — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли же мнѣ всевозможные календари,[4] кромѣ придворнаго и академическаго. Кстати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

---

[1] Около этого же времени Пушкинъ началъ стихотворное посланіе къ брату. Одно четверостишіе цитировано впослѣдствіи при 45 строфѣ, IV главы Онѣгина.

Что же, будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно;
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ.
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
St. Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта красныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной....

Далѣе можно разобрать:

Но бургонское....
Мнѣ понравилось потомъ.
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья,
Безъ разбора....
Вина обхожу кругомъ....

[2] «Noël» или «сказки», о которой упомянуто выше. [3] Непечатное слово. [4] Т. е. альманахи.

lib.pushkinskijdom.ru

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ,
Тургеневѣ А.,
Сѣверинѣ,
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли ли на Воронцова?... говорятъ бѣсится—за что бы кажется, да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру; не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь пронзающую засмоленную главу (написано вмѣсто зачеркнутаго: «пробку») бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева.* Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня
Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b-t?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ да лѣнь.

18.

(Изъ Михайловскаго. 4 декабря 1824).

Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «Демона»! моего «Демона»! послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря» ни капли стиховъ отъ меня. NB г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ «Разговоромъ» поставить число 1823 годъ? Стихъ: «вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль — хорошъ. Жаль еще,

---

* Эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ и корреспонденціи за границу, вслучаѣ бѣгства.

lib.pushkinskijdom.ru

что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière neveux me devroient cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай, или дари что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ.* Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой (на оборотъ) начиналось прежде предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытіе ѳеатра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна — и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ. Пришли же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 декабря.

(Приписка сестрѣ). Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p... sur son tom-

---

* Къ подобнымъ порученіямъ Пушкинъ возвращался не разъ. Въ этой же перепискѣ сохранился листокъ съ его помѣтками: «Бумаги, перьевъ, облатокъ-чернилъ, чернильницу de voyage. Чемоданъ. Библіи 2. Шекспиръ. Вина bordeau, soterne. Champagne. Сыръ. Курильницу. Lampe de voyage. Alumettes, табакъ, гл. труб. черешн. Chemises,..., bague. Medaillon simple, montre.» (Подчеркнутое—въ подлинникѣ зачеркнуто).

lib.pushkinskijdom.ru

beau.[1] Няня исполнила твою коммисію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цѣлуетъ тебя, я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносныя.... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

(Приписки по сторонамъ письма): Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту, и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Слёнину. Присылай мнѣ Старину;[2] это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

(Адресъ: Ея сіятельству милостивой государынѣ Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Ивеличевой, въ С.-Петербургѣ, у Калинкина моста, въ собственномъ домѣ. Прошу доставить братцу Льву Серг.—Почтовый штемпель: Опочка 1824 декабря 8).

19.

(Въ концѣ декабря 1824).

Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ[3] да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

(На оборотѣ вдоль страницы): Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

20.

(Изъ Михайловскаго. Январь 1825).

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи. — Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ»: въ

---

[1] Переводъ: «Если то, что ты говоришь о завѣщаніи Анны Львовны справедливо, то это очень мило съ ея стороны. Сказать по правдѣ, я всегда любилъ мою бѣдную тетушку и досадно, что Шаликовъ ..... на ея могилу». А. Л. раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной.

[2] «Русская Старина», карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1826 годъ, А. Корниловича.

[3] «Сѣверные Цвѣты».

lib.pushkinskijdom.ru

«Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится — то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ. — Отпиши о вцечатлѣніи имъ произведенномъ. — У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 р. По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покамѣстъ я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина.—Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ..... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ «Моремъ и Землею»[1] должно было поставить: идиллія Мосха. — Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цѣлую и буду писать.

Да пришлите же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или ... Невскаго Альманаха. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья,

[1] Стихотвореніе это написано въ Кіевѣ въ 1821 г.; напечатано въ январской книжкѣ «Новостей Литературы» 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье— добро! Начало Кота Измайлова очень мило.[1]

P. S. Слѣпой поэтъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

21.

(Изъ Михайловскаго. Въ половинѣ февраля 1825).

Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ, 1, потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ; а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни ...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣстъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно—отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь что такое Fouché![2] Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ—во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно), во-вторыхъ, судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетёръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bértrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon. Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ[3]

---

[1] Басня Измайлова «Черный котъ», въ Невск. Альм. на 1825 г.

[2] Жанъ Фуше, герцогъ Отрантскій, по отзыву біографовъ, «гнуснѣйшая личность временъ республики и имперіи»; коммиссаріатскій воръ и палачъ во время революціи, онъ при Наполеонѣ I былъ министромъ полиціи и прославился какъ геніальный сыщикъ и шпіонъ.

[3] Такъ Пушкинъ почему-то называетъ Туманскаго. Въ его стихотвореніи, напечатанномъ въ «Новостяхъ Литературы» (февр. 1825), есть стихъ: Какъ будто сидя съ авторами.

lib.pushkinskijdom.ru

написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу Дѣвушка влюбленному поэту — кромѣ авторáми. А куда онъ—Коншинъ? Его элегія въ «Цвѣтахъ»[1] какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.[2]

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?.. и моральдолга ль?.. какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленія? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ — а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

22.

(Изъ Тригорскаго. 14 марта 1825).

Братъ, обнимаю тебя и пáдамъ до ногъ. Обнимаю также алжирца Всеволожскаго.. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, и переписывать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ—да книгъ conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, «Старину»

---

[1] Элегія Туманскаго: На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья».

[2] На то письмо Бестужевъ отвѣчалъ 12 февраля. Неупоминаніе объ отвѣтѣ, еще не дошедшемъ, указываетъ, что это письмо написано въ половинѣ февраля.

lib.pushkinskijdom.ru

да Sismondi (littérature), да Schlegel (dramaturgie), если есть St.-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стих.[1] да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однако жъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ — пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компаніи, и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину А. И. В.[2] Ecce foemina!

Мочи нѣтъ хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣстъ благодари его — думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однако жъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Тригорское 14 марта.

(На оборотѣ): Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что же ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?

(Адресъ): Льву Сергѣевичу Пушкину. (Подъ нимъ). I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.[3]

23.

(По полученіи рукописи. 14 марта 1825).

Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

---

[1] Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Изд. 2-е Спб. 1822—1824. 12 частей.

[2] Анна Ивановна Вульфъ, Netty.

[3] Я и сестра шлемъ тебѣ поклонъ отъ всего сердца и души.

lib.pushkinskijdom.ru

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть тебя притѣсняютъ безъ вѣдома ..... Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомь о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ.

24.

(Изъ Михайловскаго. 15 марта 1825).

Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго—не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича—не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго—Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные—и слѣдующей. Конца не люблю). Что если бъ волшебная кисть Ѳ. Толстого?

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила?..[1]

Къ тому же кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ недостоинъ его карандаша.—Впрочемъ это все наружность. «Иною прелестью плѣняется!»———

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ Богамъ непредвидима). Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ

[1] Сихъ тизъ «Модной жены» И. И. Дмитріева.

lib.pushkinskijdom.ru

кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ ~~~~~~~ и безъ ⊰⊱ и безъ ═══ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ, довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.—Простите, дѣти! я пьянъ.

15 марта.

25.

(Изъ Михайловскаго. 27 марта 1825).

Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ![1] я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аристархомъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. — Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтеньебѣсія.[2]

Получилъ ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній— дрянь и недостойны вниманія россійской публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-

[1] Повѣсть Погорѣльскаго (А. А. Перовскій) «Лафертовская маковница», гдѣ героемъ Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкинъ.

[2] Посылая къ кн. Вяземскому 2-ю главу Онѣгина черезъ Дельвига (см. выше стр. 24), Пушкинъ на рукописи надписалъ брату: «Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобъ онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости.»

lib.pushkinskijdom.ru

съ г...съ (сказать это помягче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ (Приписка съ боку: или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность и въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли на всякой случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

Великая пятница.

Я «Телеграфомъ» очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его.—Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по м...., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ — да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait).

Не напечатать ли въ концѣ Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писаны мною 14-ти лѣтъ и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ), ась? [1]

(Съ боку письма): Да тиснуть еще мою Птичку—«да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружба? легкій пылъ похмѣлья.»

[1] Весь этотъ пунктъ зачеркнутъ и написано: «нѣтъ». Изъ приписки съ боку письмо тоже зачеркнуто со словъ: «да четыре стиха».

lib.pushkinskijdom.ru

26.

(Безъ числа).

Я было послалъ это въ Сынъ Отечества, да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

27.

(Изъ Михайловскаго. Въ началѣ апрѣля 1825).

Живъ, живъ, курилка!
Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
— Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ—
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да.... плюнуть на него.

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы гдѣ напечатанъ второй разговоръ Лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ и Дамскій Журналъ).*

Подпись слѣпаго поэта (Козловъ) тронула меня несказанно Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись — а «хотѣлъ простить—простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе конецъ—прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы— по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое

---

* Вмѣсто предисловія къ «Бахчисарайскому Фонтану» кн. Вяземскій напечаталъ: Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова. Въ отвѣтъ на это въ 5 № «Вѣстника Европы» напечатанъ: «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана», вызвавшій возраженіе князя Вяземскаго въ «Дамскомъ Журналѣ». На это возражалъ Мих. Дмитріевъ (котораго Пушкинъ называлъ Лже-Дмитріевымъ въ отличіе отъ поэта Ив. Ив.) въ 8 № «Вѣстника» статьею: «Возраженіе на разборъ втораго разговора».

lib.pushkinskijdom.ru

затменіе, останется вѣчнымъ образомъ мучительной поэзіи.[1] Хочется отвѣчать ему стихами, если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два, очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» недоволенъ—кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу—а виноватъ: «Войнаровскій» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis да Child Harold—Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что нибудь новенькаго да и Старину. «Талію» получилъ и письмо отъ издателя.[2] Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея[3] показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкой моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ю пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ—а все таки на него сердить. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова.[4]

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневрizма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ да какимъ еще?

Тиснуть Сарское Село и съ нотой. Напрасно объявляли о Братьяхъ Разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ разныхъ стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Nap. (Наполеона), да цензура... лучшія строфы потонутъ.

---

[1] Говорится о поэмѣ И. И. Козлова «Чернецъ» и о его «Посланіи» къ Жуковскому.

[2] Письмо было послано Булгаринымъ вмѣстѣ съ альманахомъ. Долго не получая отвѣта, онъ вторично писалъ 25 апрѣля (Р. Арх. 1880).

[3] Комедія водевиль кн. Шаховскаго «Ворожея, или танцы духовъ», нѣсколько сценъ изъ нея и отрывки изъ комедіи Хмѣльницкаго были напечатаны въ «Русской Таліи» Булгарина на 1825 годъ.

[4] Намекъ на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову. Анахарсисъ Клодъ—полусумасшедшій демагогъ, погибшій въ гильотинѣ въ 1794 году. Этимъ именемъ Пушкинъ шутя называлъ Кюхельбекера.

lib.pushkinskijdom.ru

28.

(Изъ Михайловскаго. 7 апрѣля 1825).

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и повѣстку вѣроятно отъ Плетнева.[1] Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія — или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили. Полярную еще не получалъ. — Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12.000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ—прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми), c'est ainsi voyez-vous que j'écris à Анна Ив. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine—Господи Іисусе Христе! quelles misères... цѣлуй Ольгу—quelle amabilité et dans quelle humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги же это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de m-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія—это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину).

---

[1] Изъ письма къ кн. Вяземскому (стр. 22) видно, что присланы были Войнаровскій и Думы съ письмомъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

29.

(Изъ Михайловскаго. 22 апрѣля 1825).

Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія 6-я и проч. пѣсни), новый Walter Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ St.-Florent, а не чезъ Слѣнина. — Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбурскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою;[1] приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устрицъ).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія.—Думаю, что можно начать благословясь.—О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно.[2] Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и по сему попроси его эпиграмму и пр., отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—что жъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ (и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude mais je m'en ... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти сплетни.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

(На оборотѣ): Брату Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу.

---

[1] «Смерть Чигиринскаго Старосты» К. Ѳ. Рылѣева въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825.

[2] Въ изданіи 1826 г. строки о Ѳ. И. Толстомъ выпущены, по желанію кн. Вяземскаго. (См. выше, стр. 23).

lib.pushkinskijdom.ru

30.

(Изъ Михайловскаго. 28 іюля 1825).

Если бъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ — онѣ еще не собраны, не цензурованы — ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизустъ передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ.—Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.*

28 іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру,

---

* Можетъ быть въ минуту подобныхъ неудовольствій на брата, котораго повтъ вообще очень любилъ, вырвалась у него эпиграмма:

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёвъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный плевъ
И съ грудями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

lib.pushkinskijdom.ru

покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены ли Вяземскому 600 руб.

(На уцѣлѣвшей половинѣ оборотнаго листа рукою, можетъ быть, Всеволожскаго написано: Въ февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ, свою чёрную тетрадь. Думалъ ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣтъ?).

31.

(Изъ Москвы въ Тифлисъ. 8 мая 1829).

Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ увидѣться съ дражайшими родителями comme on dit и устроить свои денежныя дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію — не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь.—Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова, и каково вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда нибудь да перешлетъ мнѣ.—А. П.

8 мая.

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину въ Авію).

32.

(Изъ Москвы. 6 апрѣля 1831).

Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бекендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ, Харьковской губ. Оставить до востребованія. — Чужою рукою: «Въ Июмъ». Печать почтамта: Москва. 1831 апрѣля 8).

lib.pushkinskijdom.ru

33.

(Изъ Петербурга. 2 мая 1835).

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева.* Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить—А. П.

2 мая.

(Адресъ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3 мая 1835).

34.

(Изъ Петербурга. 24 апрѣля 1836).

Я замедлилъ тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важ аго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я не получилъ и 500 р. дохода; что же касается до занятыхъ 13.000, то онѣ уже истрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится: Энгельгардту 1330, въ ресторанъ 260, Дюме 220 (за вино), Павлищеву 837, портному 290, Плещееву 1500. Послѣ ты получилъ ассигнаціями 280, золотомъ 950=5767 (августъ 1834). Твое заемное письмо въ 10000 выкуплено. Сверхъ квартиры, стола и портнаго, что тебѣ вовсе ничего не стоило, ты получилъ 1230 р. Такъ какъ мать наша очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Постараюсь чтобы ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безпечности, съ которой до сихъ поръ живешь со дня на день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало бы къ нимъ обратиться.

(Написано по французски; переводъ свѣренъ съ оргиналомъ).

(На оборотѣ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ.—Печать почтамта: Спб. 24 апрѣля 1836).

---

* Оброчная деревня отца Пушкина, неподалеку отъ Болдина.

lib.pushkinskijdom.ru

35.

(Изъ Петербурга. 3 іюня 1836).

Вотъ тебѣ короткій разсчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи* стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.)—40000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца . . .	5714
Да 14-я часть на сестру	2857
Итого	8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р. На твою часть придется—15715.

Прежде сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ и, если успѣешь, то купи свои векселя, покамѣстъ кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ: долгъ Плещееву заплаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 іюня.

Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь.— О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистинева. Но видно отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

---

* Псковская деревня принадлежала матери Пушкина, скончавшейся въ 1836 г.

lib.pushkinskijdom.ru

IX. КЪ БАРОНУ АНТ. АНТОН. ДЕЛЬВИГУ.

1821—1830.

1.

(Изъ Кишинева. 23 марта 1821).

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуку вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ. — О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи— сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки.—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха. — Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу—я переваривaю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе. — Праздный міръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ*—самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я

---

* Вольтера: Histoire des voyages de Scarmentado.

lib.pushkinskijdom.ru

чувствую, что мы будемъ друзьями—и братьями не только по африканской нашей крови.—Прощай.—А Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишиневъ.

2.

(Изъ Одессы. 16 ноября 1823).

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по азіатски, не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочолъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей.* Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ, только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа — и украшу цвѣтами свой шалашъ— хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительства: я полу-Хвостовъ—люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму,

---

* Относится къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига «Н. М. Языкову»:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца Пировъ я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ возмездіе, вознагражденье.

lib.pushkinskijdom.ru

въ которой забалтываюсь до нѣльзя.[1] Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фи—дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія.—Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера! — Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

16 ноября.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника.[2]

3.

(Изъ Михайловскаго. Декабрь 1824).

Путешествіе по Тавридѣ[3] прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній—посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу[4] на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль

---

[1] Евгеній Онѣгинъ.

[2] Der Berggefangene, переводъ «Кавказскаго Плѣнника», вышедшій въ Петербургѣ въ 1823. Въ концѣ книги помѣщена «Tscherkessenlied», положенная на музыку Л. Мауромъ.

[3] «Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.», соч. Ив. Матв. Муравьева-Апостола, напечатано въ С.-Пб. въ 1823 г.

[4] Изъ Тамани въ Керчь.

lib.pushkinskijdom.ru

остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;

lib.pushkinskijdom.ru

На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.
. . . . . .
Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смятенномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ-за ржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище;

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?... и проч.*

* Письмо писано вѣроятно въ концѣ 1824 г., ибо только въ исходѣ ноября Пушкинъ просилъ брата о присылкѣ Путешествія Муравьева.

lib.pushkinskijdom.ru

4.

(Изъ Михайловскаго. 8 іюня 1825).

Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь. Не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту — или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича[1]—получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Что дѣлаютъ мои Разныя Стихотвореніе?[2] Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго комисіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего, знаешь). Что же въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски —а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ обо немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль, что нашъ

---

[1] Варвара Васильевна Чичерина, дочь полковника Вас. Ив. Чичерина, скончавшаяся въ 1824 г., и оставившая наслѣдство племяннику своему, Вас. Льв. Пушкину; Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

[2] Т. е. тетрадь стиховъ, по которой печаталась книга «Стихотвореній Александра Пушкина», изданная въ 1826 г.

lib.pushkinskijdom.ru

поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ.—Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его Мельникъ[1] хорошъ, какъ Демьянъ и Ѳока. Видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?... Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?...

(Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Имп. Публ. Библіотеку.—Почтовый штемпель: Опочка 1825, іюня 8.—Запечатано извѣстнымъ перстнемъ).

5.

(Изъ Михайловскаго. 23 іюля 1825).

Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новой Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь; не сказалъ ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону—а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ), что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря — чего жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ—онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную, я не знаю, когда и какъ я получу ихъ.[2] Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой

---

[1] «Мельникъ»—басня Крылова, напечатанная въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г.

[2] Ср. выше, стр. 111

lib.pushkinskijdom.ru

милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено.—Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.[1]

23 іюля.

П. А. уѣхала и я одинъ.[2]

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность ....?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

(На четвертой страницѣ: Б. Дельвигу).

6.

(Изъ Михайловскаго, въ октябрѣ 1825).

Брови царь нахмуря,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Памятникъ Петра.
Тотъ перепугался:
«Я не зналъ! Ужель?»
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!
Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
. . . . . .
То есть разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ:

---

[1] Свадьба Дельвига была 30 октября 1825.

[2] Прасковья Александровна Осипова, сосѣдка по имѣнію, владѣлица Тригорскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣшаютъ за шею;
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова.[1] Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго.

Писалъ и брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: своимъ пенатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣстъ еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу,[2] будущему своему тестю, а изъ жены своей сдѣлай арзамаску—непремѣнно.—Жду писемъ.

7.

(Изъ Михайловскаго, въ началѣ 1826).

Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну—мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ.[3] Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна.—Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. — Прощай, мой милый другъ.—П.

(На четвертой страницѣ: барону Дельвигу).

8.

(Изъ Михайловскаго. Январь 1826).

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ по-

---

[1] Лицейскій товарищъ.

[2] Мих. Александр. Салтыковъ, собственно не былъ членомъ арзамасскаго общества и не носилъ шуточнаго прозвища, но числился почетнымъ членомъ.

[3] Отвѣтъ Дельвига напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1880 г., кн. II. Арестованъ и скоро выпущенъ былъ Н. Н., а не А. Н. Раевскій.

lib.pushkinskijdom.ru

думать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣриться. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни— какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира.—Прощай, душа моя.—Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста они находились опять у Плетнева.

(Адресъ: Милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ, въ Б. Мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ).

9.

(Изъ Михайловскаго. 20 іюля 1826).

Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери.— Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ

lib.pushkinskijdom.ru

Кюхля не былъ славянинъ,[1] а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться[2]—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ....

Я писалъ Жуковскому—и жду отвѣта. Покамѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна (Осипова) уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякой говоритъ по своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масленицу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.— съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою.—Жду Цвѣтовъ.

(На четвертой страницѣ: Дельвигу).

10.

(Изъ Михайловскаго. 31 іюля 1827).

Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя.[3] Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ[4] и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу.[5] Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Ры-

---

[1] Т. е. не принадлежалъ къ обществу «соединенныхъ славянъ», въ дѣлѣ по 14-му декабря 1825 г.

[2] Казнь и наказанія были уже совершены 13 іюля, но Пушкинъ узналъ объ этомъ только 24-го.

[3] «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной».

[4] Въ этомъ изданіи Погодина Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе и много печаталъ своихъ стихотвореній.

[5] Онъ писалъ тогда «Арапа Петра Великаго».

lib.pushkinskijdom.ru

царскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ».[1] Ей-Богу неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его—это было бъ еще неприличнѣе.—Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь.—Пиши же.

31 іюля. Михайловское.

11.

(Изъ дер. Малинники, Твер. губ. Ноябрь 1828).

Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину[2] вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухляндію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня какъ на собаку Мунито.[3] Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ, здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ; онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ

---

[1] Это «Встрѣча съ Карамзинымъ» Ѳ. Булгарина. Напечатано въ Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г.

[2] «Напрасно, пламенный поэтъ» и пр. Этотъ отвѣтъ написанъ по поводу стихотворенія Катенина: «Старая быль», напечатаннаго въ С. Цв. на 1829 г., которое сообщилъ туда Пушкинъ при такой запискѣ: «П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши «Сѣверные Цвѣты». Катенинъ послѣ того написалъ: «Посланіе къ Пушкину», на которое поэтъ отвѣтилъ присланнымъ при этомъ письмѣ стихотвореніемъ.

[3] Ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ. Она различала цвѣта, угадывала карты и пр.

[4] Полторацкій, родственникъ Олениныхъ и Осиповой, отецъ А. П. Кернъ.

lib.pushkinskijdom.ru

по кусочку.» Дѣти разревѣлись: «не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина.» Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ).[1] Я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьи. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣг. Баронессѣ не говорю ничего, однако жъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

12.

(Изъ д. Малинники, 26 ноября 1828).

Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой, чортъ ее побери![2] Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямъ упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!—Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

26 ноября.

Что Иліада и что Гнѣдичъ?

---

[1] Ѳедоровъ. Онъ въ статьѣ о IV и V гл. Онѣгина, въ Спб. Зрителѣ 1828 г., пенялъ поэту за то, что благородныхъ барышень называетъ дѣвчонками, а «деревенскую дѣвку»—дѣвою (см. т. V).

[2] Посланіе Анны Ив. Готовцевой напечатано потомъ въ С. Цв. на 1829 г., подъ заглавіемъ «А. С. П.» Вслѣдъ за нимъ отвѣтъ Пушкина и въ томъ же альманахѣ Посланіе къ Готовцевой кн. Вяземскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

13.

(Изъ Болдина, 4 ноября 1830).

Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнуть круглой годъ.* Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душить, Полеваго или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ разцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе.—Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю.

4 ноября.

Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга—но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

X. КЪ ВЛАДИМІРУ ПЕТРОВИЧУ ГОРЧАКОВУ.

1821—1823.

1.

(Кишиневъ. 1821).

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не

* Пока Пушкинъ заботился въ Болдинѣ о «Литературной Газетѣ», она подверглась гоненіямъ со стороны Бенкендорфа, и была запрещена.

lib.pushkinskijdom.ru

гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана—хоть стихи въ ней зрѣлѣе.—Прощай, моя радость.[1]

(При письмѣ приложены были стихи изъ «посвященія» Кавказскаго Плѣнника, не попавшіе тогда въ печать).

2.

(Кишиневъ. Январь 1823).

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей, и проч...[2]

XI. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ.

1821—1836.

1.

(Изъ Кишинева. 21 сентября 1821).

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте

---

[1] Горчаковъ, тогда молодой офицеръ генеральнаго штаба, состоялъ при М. Ѳ. Орловѣ.

[2] Егоръ Кирил. Варѳоломей—изъ богатыхъ молдаванскихъ бояръ, жившихъ въ Кишиневѣ, членъ мѣстнаго управленія.

lib.pushkinskijdom.ru

письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится:[1] оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма — видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвенье—то я имъ не пеняю; забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—Пушкинъ.

21 сентября, 1821. Кишиневъ.

2.

(Изъ Одессы, апрѣль 1824).

Въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лест-

[1] Въ стихотвореніи былъ вычеркнутъ цензурою стихъ: «вольнолюбивыя надежды оживимъ».

lib.pushkinskijdom.ru

ныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному «Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ»—разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ суждсній сходствуютъ съ классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5-мъ № Вѣстника Европы второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

«Изд. Итакъ разговоръ мой вамъ не нравится? Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго Острова» писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.—Александръ Пушкинъ. *

Одесса.

3.

(Въ Петербургѣ, 13 октября 1836).

Милостивый государь Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоиче-

* Хотя это письмо собственно не относится къ частной перепискѣ, ибо самимъ Пушкинымъ было предназначено для напечатанія въ Сынѣ Отечества, но мы сочли не лишнимъ помѣстить его въ этомъ томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ское лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ. [1]

13-го окт. 1836 г.

(На конвертѣ: Его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гречу. За Синимъ мостомъ, на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ).

XII. КЪ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

1821—1824.

1.

(Изъ Кишинева. Мартъ—апрѣль 1821).

Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Грецiя возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владимiреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ, и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Сія прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и...[2] консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владимiреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгiемъ Кантакузенъ, при-

---

[1] Письмо Греча, вызвавшее этотъ отвѣтъ, напечатано въ Р. Архивѣ 1881, кн. II.

[2] Пропускъ въ подлинникѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

былъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ, княземъ Суццо и русскимъ консуломъ и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: «симъ побѣдиши»; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы!

Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены — странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже..., но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету — на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища; въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсилинти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско.[1] Онъ называется

[1] Это было вначалѣ марта, слѣд. письмо писано или въ мартѣ же или не позже апрѣля.—Для сравненія подробностей см. письмо П. И. Пестеля къ гр. Киселеву, отъ 3 марта 1821 (Гр. Киселевъ. Спб. 1882, ч. 4, стр. 10—15).

lib.pushkinskijdom.ru

главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны, отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство до послѣднлго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются; являются на политическомъ поприщѣ міра.[1] Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ!—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ[2] не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодаго мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять. [3]

---

[1] Греки и итальянцы, у которыхъ тогда происходило карбонарское движеніе.

[2] Али-Паша-Янинскій.

[3] Гр. Каподистріа сообщилъ изъ Лайбаха отъ 26 марта 1821 г. повелѣніе императора объ исключеніи Ипсиланти изъ русской службы, а Портѣ сообщено, что политика государя всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой либо страны, и что онъ желаетъ [illegible] чаго соблюденія существующихъ трактатовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Изъ Одессы 1823).

Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs des bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они.[1] Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, ни какого понятія о чести, ни какого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже палочные удары, съ хладнокровіемъ, по истинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misèrables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы.[2]

3.

(Изъ Одессы. Іюнь 1824).

Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что́ бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что случилось мнѣ говорить касательно грековъ. Исключительные

---

[1] Дѣятели греческаго возстанія.

[2] Мы привели этотъ отрывокъ въ переводѣ г. Анненкова, такъ какъ полнаго текста онъ не напечаталъ (Пушкинъ, стр. 204—205).

lib.pushkinskijdom.ru

люди, по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы; старая истина, которую все таки не худо повторить. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столь же, сколько и единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы...[1]

XIII. КЪ ДЕГИЛЬИ.

(Въ Кишиневѣ, 6 іюня 1821 г.).

Предостереженіе г-ну Дегильи, бывшему французскому офицеру.[2]

Мало быть un Jean..., нужно быть имъ открыто.

Наканунѣ... дуэли на шпагахъ, не пишутъ подъ глазами своей жены іереміады и свое завѣщаніе. Не выдумываютъ съ начальствомъ города сказки, отъ которыхъ можно заснуть стоя, съ цѣлью предупредить царапину. Не компрометируютъ два раза своего секунданта. (Выноска Пушкина: ни также генерала, который удостоиваетъ принимать въ свой домъ низкаго человѣка).

Я предвидѣлъ все, что случилось, и жалѣю, что молчалъ.

Теперь все кончено, но берегитесь. Примите увѣреніе въ чувствахъ, которыя вы заслуживаете. Пушкинъ.

6 іюня 1821.

Замѣтьте еще, что теперь, въ случаѣ надобности, я съумѣю воспользоваться моими правами русскаго дворянина, такъ какъ вы ничего не смыслите въ правахъ оружія.

(Написано по французски; переводъ свѣренъ съ оригиналомъ).

---

[1] Сравн. выше, стр. 16. Сообщенный г. Анненковымъ текстъ исправленъ по Р. Архиву 1881, кн. II.

[2]) Этого француза Пушкинъ вызывалъ на дуэль, вѣроятно для отстраненія его соперничества въ любви. Дегильи устранился отъ дуэли и получилъ приводимое письмо.

lib.pushkinskijdom.ru

XIV. КЪ ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КАТЕНИНУ.

1822—1826.

1.

(Изъ Кишинева. 19 іюля 1822).

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не италіанской глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.*

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (покрайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть—да, вѣроятнѣе нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Если бъ имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Если бъ ужъ на то рѣшился, написалъ ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна,

---

* Катенинъ принялъ на свой счетъ этотъ стихъ изъ «Посланія Чадаеву», полагая, что Пушкинъ говоритъ о комедіи «Сплетни» (въ 3 д. въ стихахъ, подражаніе Le méchant Грессе), гдѣ въ тирадахъ Зельскаго находили намеки на Пушкина. Черезъ два дня Пушкинъ писалъ о Катенинѣ и брату Л. С (выше, стр. 78).

lib.pushkinskijdom.ru

ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежомъ красенъ, но non erat his locus... — Прощай, Эсхилъ; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...[1]

19 іюля.

2.

(Изъ Михайловскаго. 14 сентября 1825).

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ не измѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію— общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant Posthume, Posthume labuntur anni.[2]

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію, въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг.[3] твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ

---

[1] Въ черновыхъ рукописяхъ сохранилось нѣсколько отрывочныхъ фразъ еще изъ письма къ Катенину, который около этого времени напечаталъ въ Сынѣ Отеч. (1822, № 13) письмо къ Гречу, по поводу его очерка русской словесности, при чемъ признавалъ первенство Пушкина надъ молодыми поэтами. Вотъ строки Пушкина: «Ты даешь мнѣ знать о себѣ только черезъ журналы. Я прочелъ ....твое письмо къ Гречу (въ его журналѣ) съ большимъ удовольствіемъ, во первыхъ потому что ты... (во вторыхъ что)...» и еще: «Но эта похвала показалась бы мнѣ не очень лестною...»

[2] У Горація: Heu, heu fugaces, Posthume, Posthume, labuntur anni.

[3] Въ «Талiи» Булгарина 1825 г. были помѣщены отрывки изъ 3 дѣйствія «Андромахи» Катенина и сцены изъ трагедіи «Венцеславъ» Ротру, передѣланной А. А. Жандромъ.

lib.pushkinskijdom.ru

живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?.. На чердакѣ кн. Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю на бѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинымъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду!—Addio, poëta, a rivederla, ma quando.

(Штемпель: Опочка. 1825 сентября 14).

3.

(Изъ Михайловскаго. 4 декабря 1825).

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4. (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я конечно печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V — словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ—ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ—вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина [1] и

[1] Петръ Андреевичъ, извѣстный артистъ скончавшійся въ 1879 г.

lib.pushkinskijdom.ru

поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь—мочи нѣтъ хочется къ вамъ.—Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.[1]

4-го декабря.

(Почтовой штемпель: Опочка. 7 декабря 1825).

4.

(Изъ Михайловскаго. Февраль 1826).

Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой[2] были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ[3] радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

XV. КЪ ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ.

1822.

(Изъ Кишинева. 26 сентября 1822).

Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу.

---

[1] Вполнѣ это письмо напечатано во «Всемірномъ трудѣ» 1868, № 5, а въ Матеріалахъ Анненкова приведено только въ отрывкахъ.

[2] «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ».

[3] Катенинъ затѣвалъ изданіе альманаха и просилъ стиховъ у Пушкина письмомъ отъ 3 февраля, на которое настоящее и служитъ отвѣтомъ. (См. Р. Архивъ 1881, I).

lib.pushkinskijdom.ru

Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ, прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;

lib.pushkinskijdom.ru

Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія калмыкъ!*

Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Бессарабской глуши не получая ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости, милый, до свиданія и до посланія!.. обними нашихъ. Что Всеволожскіе? Что Мансуровъ? Что Барковъ? Что Сосницкіе? Что Хмѣльницкій? Что Катенинъ? Что Шаховской? Что Ежова? Что Гр. Пушкинъ? Что Семеновы? Что Завадовскій? Что весь театръ?

Кишиневъ. 26 сентября 1822.

XVI и XVII. КЪ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БЕСТУЖЕВУ И КОНДРАТІЮ ѲЕДОРОВИЧУ РЫЛѢЕВУ.

1822—1825.

1.

(Изъ Кишинева. 21 іюня 1822).

Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю по неволѣ и благодарю васъ, какъ предста-

---

* Первый стихъ относится къ обществу «Зеленая лампа», собиравшемуся у А. В. и Н. В. Всеволжскихъ, а послѣдній къ слугѣ Калмыку, которому приказано было желать здравія каждому провинившемуся пошлымъ словомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

вителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю чтобъ опѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ, кажется голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень ...; повидимому, ее настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.—Пушкинъ.

21 іюня 1822. Кишиневъ.

2.

(Изъ Кишинева. 13 іюня 1823).

Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу, и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О «Взглядѣ»[1] можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу:[2] я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холод-

[1] «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи». Пол. Зв. на 1823. Тамъ же напечатаны «Романъ и Ольга» и «Вечеръ на бивакѣ», Бестужева.

[2] Въ черновомъ было: простительно Гречу (умному головѣ), но не тебѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

наго, однообразнаго Осипова,[1] и обижать Майкова? «Елисей» истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что виденъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ.[2]

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Бл.....щеніе,[3] однако жъ Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года—постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со втораго приступа овладѣть моей анѳологіей? «Разбойниковъ» я сжегъ—и подѣломъ.—Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его.[4] Впрочемъ чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.—Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времонъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви.—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужъ ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня.—Прощай, до свиданья.—А. П.

13 іюня.

---

[1] Осиповъ—авторъ шуточныхъ переложеній Энеиды и Превращеній Овидія. Объ упоминаемой же ниже поэмѣ В. И. Майкова «Елисей» Пушкинъ вспоминалъ въ очеркахъ VIII. гл. «Онѣгина»: читалъ охотно Елисея..

[2] См. въ изданіи сочиненій В. Майкова (Спб. 1867, стр. 333, 336 и 354).

[3] Въ черновомъ прибавлено было: «и мнѣ также».

[4] Отрывокъ былъ напечатанъ только впослѣдствіи въ Пол. Зв. 1825.

http://pushkinskijdom.ru

3.

(Изъ Одессы. 12 января 1824).

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! а какой же смыслъ имѣетъ: Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч.[1] Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?[2]

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу[3] Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя, sans rancune, и съ благодарностію за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, т, е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій—прелесть и чудо. Признаніе—совершенство![4] Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы набор-

---

[1] Элегія «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» была напечатана въ Пол. Зв. на 1824 г. съ 3 послѣдними стихами, впослѣдствіи исключавшимися во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тогда же напечатанныхъ, поэтъ указываетъ опечатки: вмѣсто «надъ ясной влагою» и «съ боязнью и тоской».

[2] Въ черновомъ: Я хотѣлъ было за вину твоей корректуры извиниться въ какомъ-нибудь журналѣ; публика этого не стоитъ.

[3] См. выше, письмо къ Толстому стр. 141.

[4] Въ Пол. Зв. на 1824 г. напечатаны стих. Баратынскаго: Истина, Аглая, Римъ, Признаніе и къ Къ*** (Лутковскому).

lib.pushkinskijdom.ru

щикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій[1] несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость, пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.—А. Пушкинъ.

1824, янв. 12. Одесса.

(Адресъ: Его высокобл. Ник. Ив. Гречу, въ Спбгѣ, въ газетной экспедиціи, прошу доставить г. Бестужеву).

4.

(Изъ Одессы. 8 февраля 1824).

Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти[2] въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ, но за чѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ бо́льшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли.

Арабская сказка—прелесть.[3] Совѣтую тебѣ держать за́воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича—это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль. Похвальный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову.[4] «Вчера люблю и мыслю» помѣстятъ современемъ въ грам-

[1] Отрывокъ былъ напечатанъ въ той же книжкѣ Пол. Звѣзды.

[2] «Замокъ Нейгаузенъ» въ Полярной Звѣздѣ на 1824.

[3] «Витязь буланаго коня» О. И. Сенковскаго.

[4] Въ черновомъ: должно было оставить покойному Д... (Нахимову), а не печатать въ европейскомъ изданіи.

lib.pushkinskijdom.ru

матику для примѣра безсмыслицы. [1] Плетнева Родина хороша; Баратынскій—чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ[2] шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. — Объ моей поэмѣ нечего и думать.[3] Если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.[4]

8 февраля. 1824.

(Адресъ: Его высокобл. м. г. Ник. Ивановичу Гречу въ Спбгѣ. Въ газетной экспедиціи. Прошу доставить господину Бестужеву).

5.

(Изъ Одессы. 29 іюня 1824).

Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая что я сердитъ на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другаго я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюб-

---

[1] Мадригалъ Родзянки: Къ милой, оканчивается стихами: Вчера, сегодня безпрестанно люблю и мыслю о тебѣ.

[2] Бахчисарайскій Фонтанъ напечатанъ въ 1824. Тогда онъ еще не выходилъ и здѣсь говорится о слухахъ, предшествовавшихъ его появленію.

[3] Въ черновомъ: О поэмѣ пока нечего и думать: она писана строфами едва ли не вольнѣе строфъ Донъ Жуана.

[4] Въ черновомъ зачеркнуто: «У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ, сдѣлайтесь съ цензурой, переправляйте ихъ». Вскорѣ послѣ этого письма въ рукописи замѣчено: «8 fevr. la nuit, 1824» и «joué avec Sch. et Sin., perdu, soupé chez C. E. V»

lib.pushkinskijdom.ru

лену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно ли вывѣшивать на показъ ... свои ...? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще не кстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными![1] Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей»? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю право жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду.[2]

Онѣгинъ мой ростетъ, да чортъ его напечатаетъ. — Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія «Разбойниковъ», то я никакъ его

---

[1] Въ Литературныхъ Листкахъ на 1824 г. (февраль, № 4) Булгаринъ напечаталъ изъ предыдущаго письма, что авторъ Б. Фонтана писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: «Недостатокъ плана... а печатаю потому что» и проч. (стр. 148).

[2] См. выше, письмо къ Гречу, стр. 131.

lib.pushkinskijdom.ru

не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а п...а—къ чорту его!

Кончу дружеской коммисіей—постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ.—Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо.—Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

6. КЪ РЫЛѢЕВУ.

(Изъ Михайловскаго. 29 января 1825).

Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго.* Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Pucelle и Веръ-Вера и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Ляфонтена и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности, къ

---

* Въ Полярной Звѣздѣ на 1825 г. новыхъ отрывковъ Войнаровскаго, однако, напечатано не было; а явился онъ въ началѣ того же года въ отдѣльномъ изданіи, вполнѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить! За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды.—Прощай, поэтъ.[1]

25 января.

7.

(Изъ Михайловскаго, послѣ 25 января 1825).

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ.[2] Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ.—Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно-комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума, кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но

---

[1] Мы помѣстили въ перепискѣ съ Бестужевымъ и два уцѣлѣвшія письма къ Рылѣеву (№ 6 и 9), потому что въ нихъ говорится о тѣхъ же литературныхъ вопросахъ. Восемь писемъ Рылѣева къ Пушкину напечатаны нами въ изданіи сочиненій перваго (Спб. 1874, с. 203—214).

[2] «Горе отъ ума» привезъ и прочиталъ Пушкину Ив. Ив. Пущинъ 11 января 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно того, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину—прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову, можетъ быть я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.—По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простодушія. да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листковъ Булгарина тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга.—Вели прислать.[1]

8.

(Изъ Михайловскаго. 21 марта 1825).

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда.[2] «У рим-

[1] Что письмо это написано вскорѣ послѣ предыдущаго письма къ Рылѣеву, а не 24 марта 1824, какъ указываетъ г. Анненковъ, подтверждается увѣдомленіемъ Рылѣева и отвѣтомъ Бестужева отъ 12 февраля 1825 г. (Соч. Рылѣева, 1874, стр. 206).

[2] Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 годовъ—въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г. Статья была прислана Пушкину еще до выхода альманаха въ свѣтъ, а самый альманахъ посланъ изъ Петербурга 25 марта.

lib.pushkinskijdom.ru

лянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ.» Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Люкрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moor и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

»У насъ есть критика и нѣтъ литературы», гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка; но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова.—Кумиръ Державина, ¼ золотой ¾ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. «Ода къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей», «Ода Богъ»—съ «Одой на смерть Мещерскаго», «Ода къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ—Крыловъ, который столь же выше Ляфонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо.—Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ — у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса.—Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны — вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать на оборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ! Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?» Во

lib.pushkinskijdom.ru

первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу.» Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другаго. Карамзинъ кажется ободренъ, Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ—также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго—и не говорю: слава Богу!

«Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты.» Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Во первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowley и Byron въ моемъ спорѣ завралися. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо * очень умно, но всетаки ты не правъ; все-

---

* Оно помѣчено 9 марта и не могло быть получено въ Михайловскомъ черезъ три дня, почему мы и сочли неправильнымъ указаніе Анненкова на помѣту настоящаго письма: 12 марта, вмѣсто 21-го.

lib.pushkinskijdom.ru

таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; всетаки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана (первыя 5 пѣсней—другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моей и требуешь отъ меня таковой же. — Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бъ коснулся я сатиры.—Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ. Ахъ, если бъ заманить тебя въ Михайловское!.. Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. — Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.—Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ.—Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во первыхъ, какъ истинный талантъ, во вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. — Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры!..

21 марта. Михайловское.

9. КЪ РЫЛѢЕВУ.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825).

Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго Прибавляю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и проч. Полагая, что хорошее писано съ умыслу — не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Остро-

lib.pushkinskijdom.ru

гожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи.* Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый Орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.»

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?—Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

10.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825).

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

«О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, тріумфъ—минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.»

Прости посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русской поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ:

---

* Ср. выше стр. 84.—«Войнаровскій» и отдѣльное изданіе «Думъ» вышли одновременно. «Исповѣдь Наливайко помѣщ. въ Пол. Звѣздѣ на 1825.

lib.pushkinskijdom.ru

Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего п...ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!..

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ—прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ* напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни, высказывай все начисто.—Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330), etc: но описаніе стапа литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ—прелесть; конецъ также. Впрочемъ вездѣ твоя и обыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

11.

(Изъ Михайловскаго. 30 ноября 1825).

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься.—Радуюсь и твоимъ занятіямъ—

* «Ревельскій турниръ» въ Полярной Звѣздѣ на 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій, таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.—Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было чудно-хорошо.—Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями etc.—Однако поэмы мои скоро выйдутъ.[1] И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ—молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Лямартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его «Духи»?[2] До сихъ поръ я ихъ не читалъ.—Жду твоей новой повѣсти, да возмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву,[3] какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 ноября.

(Адресъ: «Его высокобл. Кондратью Ѳедоровичу Рылѣеву, въ Спбгѣ, у Синяго моста, въ домѣ Американской Компаніи. Прошу доставить г. Бестужеву).

Штемпель: «Опочка 3 декабря».

---

[1] Изданіе поэмъ тогда не состоялось. Плетневъ предлагалъ это Пушкину въ августѣ 1825 г. (Вѣстн. Евр. 1881, № 3), но за тѣмъ дѣло остановилось только на изданіи мелкихъ стихотвореній.

[2] Шекспировы Духи, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1825.

[3] Намекъ на то, что Рылѣевъ имѣлъ обыкновеніе предварительно набрасывать планъ или конспектъ для своихъ «Думъ».

lib.pushkinskijdom.ru

12[1].

(Декабрь 1825).

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ.[2] Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что́—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста—нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Сы сердишься за то, что я хвалюсь 600 лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой—ты поэтъ и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

XVIII. КЪ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ. 1821—1835.

1.

(Кишиневъ, октябрь 1822 г.).

Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ;[3] собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ

---

[1] Кстати приводимъ этотъ черновой отрывокъ) сообщенный г. Анненковымъ

[2] См. 7-е и 8-е письма Рылѣева къ Пушкину, въ соч. Рылѣева, стр. 212—214. Послѣднее изъ нихъ писано въ исходѣ ноября 1825 г.

[3] Это письмо, равъясняющее подробности 6 и 7 писемъ П. къ брату, было незамѣчено П. Анненковымъ въ рукописяхъ Пушкина, а по напечатаніи въ Р. Старинѣ 1884, № 5, не было замѣчено Я. Гротомъ, который и не внесъ его въ свою «переписку» Плетнева (соч. его, т. 3).

lib.pushkinskijdom.ru

попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія[1] написанъ также отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаяваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности Если же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобой друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.

Я не вполнѣ утверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе[2] недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ это не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ—я разсердился послѣ Батюшкова...

Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія.

Прости. Sine ira—и пр.

2.

(Изъ Михайловскаго. 3 августа 1825 г.).

Милый мой поэтъ, вотъ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа).

Пѣвцу etc.

Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ

---

[1] «Я не сержусь на горькій твой упрекъ».

[2] Батюшковъ изъ Рима (соч. Плетнева, III, 250).

lib.pushkinskijdom.ru

шумитъ, лѣсъ шумитъ,—шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ?[1] Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio caro poeta. Scrivetemi, vi prego. Tutto il vostro.[2]

3.

(Тоже. Декабрь 1825).

Милый, дѣло не до стиховъ,—слушай въ оба уха.[3] Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать—не то, что и совѣсти марать. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ—чортъ ли въ нихъ—а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благоразумнѣе бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, который, можетъ быть, на меня сердитъ; онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя ли дамъ взбуторажить?.... душа! я пророкъ, ей Богу пророкъ! я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc.—Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька[4] также вывелъ

[1] Свадьба его была 30 октября 1825 года.

[2] «Это писано въ присутствіи той дамы, какъ всякій можетъ видѣть. Прощай, мой поэтъ. Пиши мнѣ пожалуйста. Весь твой». Эта дама была Анна Петровна Керн.

[3] Ср. ниже—письмо къ Кюхельбекеру.

[4] Извѣстный Борисъ Федоровъ тогда напечаталъ отрывки изъ своего романа: «Князь Курбскій», который вполнѣ появился только въ 1843 г. Замѣтимъ, что Пушкину недавно въ печати была приписана эпиграмма, принадлежащая Дельвигу, а по другимъ указаніямъ Соболевскому:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

lib.pushkinskijdom.ru

юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ Байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый впрочемъ гораздо милѣе Борьки—увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ.[1] Воейковъ не напроказилъ ли чего нибудь? Я его сентябрской книжки не читалъ. Онъ что-то немного труситъ. Кюхельбекера Духи—дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится.

Неужто Илья Муромецъ—Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да—какъ жаль, что онъ умеръ!

4.

(Изъ Михайловскаго. Въ началѣ 1826 г.).

Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; изданіе очень мило;[2] кое-гдѣ ошибки, это въ фальшъ не ставится. — Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно; я туда не намѣренъ,—но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ ли Жуковскій узнать, могу ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори—мнѣ всего 26. Покойный императоръ въ 1824 году сославъ меня въ деревню за двѣ строчки нерелигіозныя — другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда-нибудь, гдѣ бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ?—А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

5.

(Тоже). 2 марта 1826.

Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже многаго—ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады—или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я

[1] Вѣроятно письмо къ Кюхельбекеру (см. ниже), не имѣвшее поэтому и адреса, и письмо къ Воейкову.

[2] Первое собраніе стихотвореній, появившееся въ началѣ 1826 г.

lib.pushkinskijdom.ru

пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишите меня въ Петербургъ. Что это въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣ—пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль,[1] а Пушкину полному—шишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ),[2] по крайней мѣрѣ, пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ—и квитъ.—Получили ли мои пріятели письма мои дѣльныя т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ?—А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина.[3] Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

(Штемель: Опочка. 4 марта 1826).

6.

(Тоже. Конецъ марта 1826).

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ письмо и отъ Заикина,[4] съ увѣдомленіемъ о продажѣ стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ, какихъ же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелется—будетъ мука—тогда напечатаемъ второе добавленное, исправленное изданіе. (Однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?). Знаешь ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю

---

[1] 30 января 1826 г. Слѣпушкину была присуждена за его стихотворенія Россійской Академіей медаль средней величины и 50 червонцевъ, а кафтанъ пожалованъ государемъ.

[2] Жетоны, выдававшіеся членамъ Россійской Академіи за засѣданія и оплачиваемые послѣ деньгами.

[3] Плетневъ просилъ прислать Б. Годунова, нанявъ для переписки «писаку» въ Опочкѣ.

[4] Книгопродавецъ. Изданіе стихотвореній 1826 г. было скоро раскуплено и посту предлагали сдѣлать второе.

lib.pushkinskijdom.ru

предисловіе и можетъ быть примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ.[1] Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и и въ башмакахъ.[2] Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другаго. Впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи?[3] Въ моемъ Борисѣ бранятся по....у на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу.—Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, ни кому не давай. Они мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига.[4]

7.

Изъ Москвы, въ 1830 г. Апрѣль или май.

Милый! побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками—а ты, благодѣтель, явись къ Фонъ Фоку[5] и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется разлавить Булгарина.[6] Но прилично-ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳадѣѣ Булгаринѣ? Кажется, не прилично. Какъ ты думаешь? Рѣши.

---

[1] Вѣроятно «Графъ Нулинъ», написанный въ концѣ 1825 г. Изданіе поэмъ и 2-е изданіе стихотвореній тогда не состоялось.

[2] Подразумѣвается оффиціальное письмо къ Жуковскому, помѣщенное ниже.

[3] Жуковскій желалъ прочесть Годунова на своихъ педагогическихъ лекціяхъ.

[4] Деньги были выручены за продажу «Стихотвореній». О долгѣ Дельвига см. выше, на стр. 125.

[5] Фонъ Фокъ начальникъ 3 Отдѣленія Собств. Канцеляріи.

[6] Т. е. написать о его Самозванцѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Скажи: имѣлъ ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ Сѣверной Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? Пожалуйста отпиши—

Ахъ, душа моя, какую женку [1] я себѣ завелъ?

Сейчасъ получилъ письмо твое—благодарю, душа моя. Заключай условія какія хочешь, только нельзя ли вмѣсто 4 лѣтъ 3 года?—выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ.—Не продать ли намъ Смирдину и трагедію? Порученіе твое къ моей невѣстѣ исполнено. Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ не знаю,—кажется, отъ Петербурга не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

8.

(Изъ Москвы) 31 Августа 1830.

Хорошъ!... не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино—пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцати-лѣтняго хуже «30-ти лѣтъ жизни игрока».[2] Дѣла будущей тещи мой разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе.[3] Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ—пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ-вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню; Богъ-вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

---

[1] Тогда еще она была невѣстой.

[2] Извѣстная въ свое время драма.

[3] Помолвка была 6 мая 1830 г., свадьба 18 февраля 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ.—Грустно, душа моя.—Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

31 августа.

9.

(Изъ Болдина). 9 сентября 1830.

Я писалъ тебѣ премеланхоличное письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня холера-морбусъ. Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій,—знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня; погоревалъ, потомъ помолчавъ: какъ скучны статьи Катенина!* И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь. — А невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ.... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо, обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго. Приданое не уйдетъ. Зоветъ меня въ Москву—я пріѣду не прежде мѣсяца, а оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ: деньгами нечего шутить: деньги вещь важная—спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь, да степь; сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается—никто не помѣ-

---

* Статьи П. А. Катенина «Размышленія и Разборы» въ Литературной Газетѣ» 1830.

lib.pushkinskijdom.ru

шаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы и стиховъ.— Прости жъ, мой милый.

9 сент. 1830.

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе—не прислать ли тебѣ его? Вспомни однако жъ, что ты обѣщалъ мнѣ свое дѣльное, длинное. — А цѣна трагедіи? 10 или 12?

10.

29 сентября 1830 г. (Изъ Болдина).

Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ же отвѣчаю. Какъ же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій! Вѣроятно, я выразился дурно; но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто «я» хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тётушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна[1] etc. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ счастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—«я» а тутъ онъ будетъ мы. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери. Теперь понимаешь ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я — окончa дѣла ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ.[2] Мѣсяцъ буду въ дорогѣ по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ Филипъ[3] и здоровъ ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ прислать тебѣ

---

[1] Стихъ изъ поэмы: Цыганы. [2] Въ Москвѣ была тогда холера. [3] Французскій король Louis Philippe. Въ подлинномъ послѣ имени Филипъ зачеркнуто «Августъ».

lib.pushkinskijdom.ru

проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

11.

28 октября 1830 г. (Изъ Болдина).[1]

Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино да жду погоды. Ну, ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки[2]—да отдаленность, да неизвѣстность—вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она, и что она, до сихъ поръ не вѣдаю—Каково? то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать[3] — но дотого доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу, зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣстъ онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голинькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что моя трагедія? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: «Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому». Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. Итакъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

Драгоцѣнной для Россіянъ
памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ
А. Пушкинъ.

---

[1] (Почтовый штемпель: «Арзамасъ. 1830, окт. 30»). [2] Пребываніе въ арміи Паскевича за Кавказомъ. [3] Стихъ изъ его шуточной пѣсни на Беранже.

lib.pushkinskijdom.ru

12.

9 декабря 1830 г. (Изъ Москвы).

Милый! я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ—но слава Богу—сладилъ. Насилу прорвался я и сквозь карантины—два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но слава Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе—здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мели. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ую и 9-ую, совсѣмъ готовыя въ печать; Повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ Anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы, и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется — и которыя напечатаемъ также Anonyme. — Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. Итакъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфетной билетецъ этого несноснаго Лавинья.[1] Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его газетѣ не было и тѣни, не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ—А то шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа; здоровъ будь—это главное.

13.

7 января 1831 г. (Изъ Москвы).

Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха,

---

[1] Въ № 61 Литературной Газеты (30 окт. 1830) напечатано въ подлинникѣ четверостишіе Делявиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертельной болѣзни.

lib.pushkinskijdom.ru

ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бо риса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко[1] прочелъ; отвѣтъ ег не прочелъ. Знаю, что ты живъ—а писемъ отъ тебя все нѣтъ Ужъ не запретилъ ли тебѣ генералъ-губернаторъ имѣть с мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвѣчай же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь![2] Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами какъ помѣщикъ съ своими крестьянами: мы трудимся—а онъ сидитъ на с.... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь!—Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья![3] Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума—котораго заставятъ же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ[4] увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойный царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дервости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора?—Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риѳмъ не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно—и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ

---

[1] Гнѣдичъ. [2] Стихи Ѳ. Глинки въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г. [3] Все это относится къ другому стихотворенію Ѳ. Глинки, помѣщенному также въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1831 г. [4] Московскій пріятель Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

какъ наши: «Помилуйте-съ!»... Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе попугаи или сороки Низовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную — — Прости, мой ангелъ!— Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Баратынскаго чудо. Addio.

14.

13 января 1831 г. (Изъ Москвы).

Пришли мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для московскихъ прощалыгъ; не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ вамъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи, не какъ хочешь— какъ тетки хотятъ. Теща моя таже тетка. То ли дѣло въ П. Б.! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, что скажетъ Марья Алексѣвна.[1] Что Газета паша? Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать; то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное—да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

15.

(Изъ Москвы). 21 января 1831 г.

Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову[2] объявить ему все—и не имѣлъ духу.

---

[1] Стихъ изъ «Горя отъ ума».

[2] Тестю барона Дельвига, умершаго 14 января 1831 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію—говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы

16.

(Изъ Москвы). 31 января 1831 г.

Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ[1] остальные 4000 р.—и я тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами—но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову.[2] Онъ былъ искренно къ нему привязанъ—и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго—съ нимъ толковалъ обо всемъ что душу волнуетъ, что сердце томитъ.[3] Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучшую его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрас-

[1] Вдовѣ барона Дельвига. У нея Пушкинъ купилъ свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу бар. Дельвига. [2] Литераторъ, существовавшій только участіемъ въ изданіи Сѣв. Цв. и Лит. Газеты. [3] Стихъ Шиллера изъ Графа Габсбургскаго, перев. Жуковскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

ными чувствами, свѣтлымъ чистымъ разумомъ и надеждами— Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій[1] въ П. Б.—обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи[2] въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречь отказался.—Какъ можно чертить миѳологическое надгробіе въ н.....ѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г—ч—стомъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St. Florent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ нимъ за меня я, помнится долженъ ему около 1,.... р.[3] — я было совсѣмъ о немъ забылъ Что вдова?

17.

(Изъ Москвы). Въ февралѣ 1831 г.

Черезъ нѣсколько дней я женюсь, и представляю тебѣ хозяйственной отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р. и вотъ имъ разпредѣленіе: 11,000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно—требованія глупыя и смѣшныя—а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ—я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нее каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ,

---

[1] Василій Туманскій, литераторъ.

[2] На смерть бар. Дельвига.

[3] Уцѣлѣла только первая цифра суммы; остальныя оканчивавшія строку вырваны. Судя по запятой послѣ единицы, надо предполагать 1,000.

lib.pushkinskijdom.ru

что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Алекс.,[1] что она здорова. Кто правъ? Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній—анекдотовъ, разбора его стиховъ &c.——

(Почтовый штемпель: 16 февраля).

18.

24 Февраля 1831 г. (Изъ Москвы).

Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ Петербургѣ грипъ: боюсь за твою дочку. На всякой случай жду отъ тебя письма.

Я женатъ—и счастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось—лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется я переродился. Посылаю вамъ визитную карточку—жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Ст. Ал.[2]

Прости, мой другъ. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича.[3] Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю, и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по царски. Addio. (Съ боку приписано): Будьте жъ всѣ здоровы.

19.

26 Марта 1831 г. (Изъ Москвы).

Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало ли вновь тебѣ отъ генералъ-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго? Не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься да понапрасну друзей своихъ пугаешь. Покамѣстъ вотъ тебѣ подробное допесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны—и каждый день новыя прибы-

[1] Салтыковъ, ея отецъ.

[2] Отепанидѣ Александровнѣ, первой супругѣ Плетнева, рожденной Раевской.

[3] Въ члены главнаго управленія училищъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ваютъ. Послѣ святой отправляюсь въ Петербургъ.—Знаешь ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній, и тому подобныхъ удобностей. А домá вѣроятно нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, двора нѣтъ—квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также—П. Б. подъ бокомъ—жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakspear въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей нанялъ я въ память моей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей).[1] Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошедшій годъ (за нынѣшній не нужно; самъ за нимъ пріѣду) да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига: объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе Сѣв. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ Маѳою Посадницей.[2] Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе, чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы нехудо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что, благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 руб., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію отъ того, что ихъ дѣла раз-

[1] Рѣчь идетъ повидимому о фрейлинѣ Александрѣ Осиповнѣ Россети.

[2] Историческая драма Погодина.

lib.pushkinskijdom.ru

строены, частію и отъ того, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности — и не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. Итакъ до свиданія, мой милый.

20.

11 апрѣля 1831 г. (Изъ Москвы).

Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ; то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и П.б. малымъ чѣмъ лучше: но я, какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго? и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ: Жизнь Ф. Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ[1] приплылъ и въ Москву, гдѣ кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну.[2] Разумѣю, не стану

[1] Романъ Булгарина: «П. И. Выжигинъ».

[2] Онъ написалъ по поводу этого романа двѣ эпиграммы:

1.

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра.

2.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скотъ,
Но я поэтъ—не лицемѣрю:
Согласенъ я—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вольтеръ-Скотъ—не вѣрю.

lib.pushkinskijdom.ru

читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ ему привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ—прелесть!—Христосъ воскресъ!

21.

(Изъ Москвы). Въ апрѣлѣ 1831 г.

Ты правъ, любимецъ музъ—должно быть акуратнымъ, хотя это и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. Итакъ вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю [1] слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодаго лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка. да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ разумѣется лучше—но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе же! И тотчасъ давай намъ и знать: что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать; а мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. Итакъ былое съ нимъ сбывается опять. [2] Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочиненія. Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему превздравый совѣтъ. Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ни чуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирланд-

[1] Стихотворецъ, вышедшій изъ царскосельскаго лицея въ 1829 г.

[2] Изъ стиховъ Жуковскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

скимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о Кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо, и вижу, что я неокуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира?

Отвѣты:

1) На какой бы то ни было улицѣ Царскосельской.
2) До января, и потому квартира должна быть теплая.
3) Былъ бы особый кабинетъ,—а прочее мнѣ все равно.

За симъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

22.

3 іюля 1831 г. (Изъ Царскаго Села, во время холеры).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины.

Знаешь ли что? Я живъ и здоровъ. 3 Іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей, и желаетъ вамъ здравія.

23.

16 іюля 1831 г. (Изъ Царскаго Села).[1]

Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца.[2] Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ. По крайней мѣрѣ утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ

---

[1] Адресъ на оборотной сторонѣ листа: «Въ С.-Петербургъ. На Кушелевой дачѣ у Самсоніевой заставы».

[2] Говорится о смерти статсъ-секретаря Молчанова, который былъ въ эпоху силы графа Н. И. Салтыкова, управляющимъ дѣлами Комитета министровъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ отставкѣ, потерявъ зрѣніе

lib.pushkinskijdom.ru

безвреденъ и недостижимъ. Но кажется зараза теряетъ свою силу и въ П.б. Мы, уже обстрѣлянные въ Москвѣ и Нижнемъ равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однако жъ кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. Селѣ все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьи своемъ и своихъ.

24.

(Изъ Царскаго Села. 1831).

Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Ж., что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Ж. отсовѣтовалъ, говоря: Онъ живъ, чего жъ вамъ больше? Однако она поручила-было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ—и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля[1] — получилъ ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную.—Да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000—и вотъ какимъ образомъ: 2,000 экз. по 6 р.=12,000; 1000 за печать, 1000 процентовъ. Итого 10,000.

Что же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуковскій даетъ свою гекзаметрическую сказку.[2]—Пиши Баратынскому; онъ пришлетъ намъ сокровища; онъ въ своей деревнѣ.—Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бъ ты собрался, да на-

[1] Повѣсти Пушкина, изданныя потомъ подъ заглавіемъ: Повѣсти Бѣлкина. Эслингъ, или вѣрнѣе Геслингъ, одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, кончившій курсъ въ 1826 г.

[2] О царѣ Берендеѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

писалъ что нибудь о Дельвигѣ! то-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно; чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полеваго, да Булгарина—кстати ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига?—Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись—а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христосъ съ вами.

25.

22 іюля 1831 г. (Изъ Царскаго Села).

Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. По жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо.—Вздоръ, душа моя; не хандри — холера на дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь—мой внукъ по лицею и кажется добрый малой—я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки, прочитай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2,000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячъ моего жалованья, напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ.—Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей Богу онъ очень со мною милъ. Когда жъ мы, братъ, увидимся? Охъ ужъ эта холера! Мой Юсуповъ умеръ,

lib.pushkinskijdom.ru

нашъ Хвостовъ умеръ[1] Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

26.

3 августа 1831 г. (Изъ Царскаго Села).

Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо и 1500. Ты умно дѣлаешь что сидишь смирно въ своей норѣ, и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною Петербургѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, унынie долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю вѣроятно прекратится; но С.[2] Село будетъ еще долго окружено карантинами; итакъ свиданіе наше еще далеко. Что жъ Цвѣты? ей Богу не знаю, что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія?

Кстати: что сдѣлалось съ Литерат. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Кстати: не умеръ ли Бестужевъ-Рюминъ? говорятъ холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова: «Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?»—Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россети вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

---

[1] Извѣстіе о смерти Хвостова послѣ оказалось ложнымъ: онъ умеръ 21 октября 1835 года.

[2] Т. е. Сарское, по старинному; такъ называлось оно официально еще и во время пребыванія Пушкина въ липѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

27.

(Изъ Царскаго Села. 1831, августъ).

Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ.—Правила, коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив—ъ. Тоже и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ Смотритель назвать гусара Минскимъ и симъ именемъ замѣнить вездѣ ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти—ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю, что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здоровы — Прощай, мой ангелъ.

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ на особенномъ листкѣ (ради ширины). [1]

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ пріискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Поляр. Звѣздѣ: У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

28.

11 октября 1835 года. (Изъ Михайловскаго). [2]

Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и об-

---

[1] Между этою строкою и заключеніемъ письма вырѣзанъ большой клочекъ бумаги.

[2] Помѣта выставлена почтою на наружной сторонѣ листа, гдѣ также ни-

lib.pushkinskijdom.ru

стоятельно: ты получилъ Путешествіе [1] отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Ужели зазалягаетъ меня ос...къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ и Оріонъ;[2] я люблю имена не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера[3] заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да чаши, да плющь, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально.

Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу, черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ Путешествія, присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина;[4] но нельзя ль (разумѣется изъ за угла и тихонько, напримѣръ въ М. Набл.) объявить что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою долю грѣховъ своего Омонима? Это бы, право, было нехудо.

тается: «Получено 1835 окт. 16. Утро». Адресъ, писанный рукою Пушкина же: «У Обухова мосту въ домѣ г-жи Сухоревой башни». Такъ назвалъ поэтъ извѣстную при жизни всему Петербургу Агаѳоклею Марковну Сухареву, въ домѣ которой Плетневъ и прожилъ до 1839 г.

[1] «Путешествіе въ Арзрумъ».

[2] Мысль объ изданіи этого альманаха была вскорѣ оставлена и вмѣсто него основанъ, по примѣру Quarterly Review, Современникъ.

[3] Валерьянъ Платоновичъ Лангеръ, извѣстный въ свое время изготовленіемъ иллюстрацій къ разнымъ изданіямъ, бывшій лицейскій воспитанникъ 2-го курса, 1820 г.

[4] Въ Библіотекѣ для Чтенія появилась повѣсть «Пикникъ въ Токсовѣ», приписанная Сенковскимъ А. Бѣлкину, имя котораго было легко смѣшать съ псевдонимомъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

ВЪ ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТЪ ЦЕНЗУРЫ.

Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ его величества изъ 3-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ: «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа извстно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

XIX. КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ. *

(Одесса. Іюнь 1823).

Пишу къ вамъ не изъ неуваженія къ вамъ, но имѣю (глупость) и слабость признаться въ смѣшной страсти, и хочу объясниться откровенно... Не притворяйтесь, это будетъ недостойно васъ, и притомъ это совершенно безполезно. Кокетство будетъ легкомысленною и даже напрасною жестокостью. Въ вашъ гнѣвъ также не вѣрю.... чѣмъ могу я васъ оскорблять. Я васъ люблю съ такимъ порывомъ нѣжности (если не)... Даже ваша гордость не можетъ этимъ обижаться.

Если бы я питалъ надежды, то не наканунѣ бы вашего отъѣзда.... высказался. Приписывайте мое признаніе смущенному волненію, которое было выше моихъ силъ и доходило до обморока. Я ничего не прошу, я самъ не знаю, чего хочу—однако я васъ....

(Написано по французски.

* Это и слѣдующіе четыре черновые наброска писемъ сохранились въ бумагахъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

XX. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

(Одесса. 22 октября 1823).

Отвѣчаю на вашъ постскриптумъ, такъ какъ это всего болѣе занимаетъ ваше тщеславіе. Подобно Ларѣ Ганской, сидя на моемъ канапе́, я рѣшился болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло. Госпожа С. еще не вернулась въ Одессу; по этому я и не могъ еще воспользоваться вашимъ письмомъ. Такъ какъ моя страсть много ослабѣла и я, между тѣмъ, влюбился въ другую, то я раздумалъ, то есть не покажу вашего письма г-жѣ С., какъ сначала намѣревался, но не скрою отъ нея того, что сообщаетъ вамъ занимательность байроновскаго характера, и вотъ что я намѣренъ сдѣлать. Ваше письмо будетъ передано съ необходимыми сокращеніями. Взамѣнъ ихъ я приготовилъ длинную поправку, въ которой даю себѣ преимущество передъ вами, какъ вы въ своемъ письмѣ дали себѣ передо мною. Начинаю съ того, что го́ворю вамъ, что я вами не обманывалось, любезный Іовъ. Вижу ваше тщеславіе и вашу страсть сквозь вашъ притворный цинизмъ и т. п. Остальное въ томъ же родѣ. Вѣрьте, что это подѣйствуетъ. Но такъ какъ вы всегда мой учитель въ отношеніи морали, то прошу на все это вашего позволенія и въ особенности вашего совѣта. Но поторопитесь, потому что возвращаются. Я получилъ извѣстія о васъ. Вашъ братъ сказалъ мнѣ, что Атала Ганская сдѣлала васъ фанфарономъ и скучнымъ. Но ваше послѣднее письмо не скучно. Желаю, чтобы мое письмо развлекло васъ хоть на минуту въ вашемъ горѣ. Вашъ дядя, который, какъ вы знаете, свинья, былъ здѣсь, перессорилъ всѣхъ и самъ поссорился со всѣми. Я ему готовлю славное письмо, согласно № 2, но на этотъ разъ онъ будетъ имѣть g. j. f., чтобъ узнать тайну какъ всѣ другіе, и чтобъ не быть единственнымъ, который не понимаетъ того, что хотятъ ему сказать.

Октября 22. 1822. Одесса.

(Написано по французски).

XXI. КЪ ФИЛИППУ ФИЛИППОВИЧУ ВИГЕЛЮ.

(Изъ Одессы, въ Кишиневъ, послѣ 22 октября 1823). *

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда нибудь на грѣшный кровъ

---

* Стихотвореніе этого письма печаталось прежде почти вѣрно съ рукописью автора, но г. Бартеневъ перечиталъ его вновь и напечаталъ въ Р Архивѣ въ крайне искаженномъ видѣ, что нынѣ устранено г. Якушкинымъ

lib.pushkinskijdom.ru

Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ,
И не найду твоихъ слѣдовъ.
Падутъ, погибнутъ пламенѣя,
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ:
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотою стройныхъ дѣвъ;
Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
. . . . . .
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ,
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣю о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ-вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, грустный другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь....
Тебѣ служить я буду радъ,
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади.... *

---

* Въ черновыхъ тетрадяхъ сохранился еще набросокъ о Кишиневѣ: въ первомъ стихѣ можно разобрать только послѣднее слово: «властелинъ», затѣмъ:

Тѣснится средь толпы евреи сребролюбивый,

lib.pushkinskijdom.ru

Это стихи, слѣдственно шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю васъ разсѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыя вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ думаю годенъ къ употребленію въ пользу.... меньшой. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ. Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ А...., жезлъ, слѣдственно чортъ съ нимъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески, сестру также и скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. * Пульхеріи В. (Варѳоломей) объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣеву тоже и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодъ грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали по....

XXII. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

(Одесса, Въ началѣ ноября 1823).

Да, безъ сомнѣнія, я угадалъ тѣхъ двухъ прелестныхъ дамъ, которыя удостоили вспомнить объ одесскомъ отшельникѣ, бывшемъ отшельникѣ кишиневскомъ. Я тысячу разъ цѣловалъ строки, напомнившія мнѣ столько шалостей, мученій, остротъ, любезностей, мазурокъ и т. д. Боже, какъ вы жестоки, сударыня, если думаете, что я могу веселиться тамъ, гдѣ не могу ни встрѣтить васъ, ни забыть васъ. Увы, милая Майгинъ, вдали отъ васъ, я боленъ, угрюмъ, мои способности притупляются. Я даже утратилъ талантъ на каррикатуры, хотя жена кн. Мурузи такъ достойна внушать это. У меня только

Болтливый грекъ, и турокъ молчаливый,
И важный персъ, и хитрый армянинъ,
И злой черкесъ...

* Сравните у Липранди, въ Р. Арх. 1866, стр. 1231—2

lib.pushkinskijdom.ru

одна мысль, вернуться къ вашимъ стопамъ и посвятить вамъ, какъ сказалъ добрякъ поэтъ, кончикъ, оставшійся отъ меня. Помните ли вы о выговорѣ, который однажды сдѣлали. Боже, если вы его повторите здѣсь! Но правда ли, что вы предполагаете пріѣхать въ Одессу? Ради Бога, пріѣзжайте. Для приманки, у насъ есть для васъ балы, итальянская опера, вечера, концерты, прислужники, вздыхатели, все что вамъ угодно будетъ. Я буду подражать обезьянѣ и нарисую вамъ г-жу Вор. въ 8 позахъ Аретина.

Кстати объ Аретинѣ, скажу вамъ, что я сдѣлался пристойнымъ и добродѣтельнымъ, т. е. въ словахъ, потому что поведеніе мое всегда было такимъ. Истинное наслажденіе меня видѣть и слышать. Побудитъ ли это васъ ускорить вашъ пріѣздъ сюда. Еще разъ, ради Бога пріѣзжайте и простите мнѣ вольности, съ которыми пишу той, которая слишкомъ умна, чтобы быть чопорною, и которую я люблю и уважаю.

Что касается до васъ, прелестная злюшка, почеркъ которой заставилъ меня трепетать (хотя по великой случайности онъ вовсе не былъ контрапунктированъ), не говорите, что вы знаете мой характеръ: вы не огорчили бы меня, притворяясь, что сомнѣваетесь въ моей преданности и моихъ раскаяніяхъ.

С. который считался человѣкомъ съ противо-физическими вкусами, продѣлъ нитку черезъ иголку.... А. говоритъ объ немъ, что онъ вездѣ гдѣ нужно терпѣніе и....

(Писано по французски).

XXIII. КЪ ГЕНЕРАЛУ.

(Одесса. Послѣ 8 декабря 1823).

Посылаю вамъ 360 рублей, которые уже давно долженъ. Благоволите принять мою благодарность. Что касается до извиненій, то у меня не хватаетъ духа ихъ принести вамъ. Я смущенъ и уничиженъ тѣмъ, что не могъ до сихъ поръ отдать вамъ этотъ долгъ. Виною тому моя бѣдность. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи.

(Тоже).

XXIV. АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШИШКОВУ.

(Изъ Одессы. 1823—1824).

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ;* ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; «Милостивый государь»,

* А. А. Шишковъ, давнишній знакомецъ Пушкина (см. «посланіе» ему въ I томѣ), племянникъ А. С. Шишкова. Онъ издалъ свои стихотворенія въ двухъ сборникахъ «Восточная Лютня» (М. 1824) и «Опыты Александра Шишкова 2-го»

lib.pushkinskijdom.ru

«лестное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорнѣйшій слуга»,—такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть и поповѣсничать и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ спѣгами Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что нибудь, пришли мнѣ—право сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.—А. Пушкинъ.

Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу.[1] Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами—любить тебя есть ему время, а писать тебѣ—наврядъ.

XXV. КЪ ѲАДДЕЮ ВЕНЕДИКТОВИЧУ БУЛГАРИНУ.

1.

(Изъ Одессы. 1 февраля 1824).

Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ «Листкахъ» здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла.[2] Это въ людяхъ бѣда небольшая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса 1-го февраля 1824.

(М. 1828); а его переводы въ стихахъ нѣмецкихъ драмъ составили сборникъ: «Избранный нѣмецкій театръ» (4 ч. М. 1831). Онъ умеръ въ крайней бѣдности въ 1834 г. Посмертное изданіе его сочиненій и переводовъ сдѣлано Россійской Академіей, въ 4 частяхъ, въ 1834 1835 годахъ.

[1] Казначеевъ — правитель канцеляріи гр. Воронцова въ Одессѣ, почему и письмо мы отнесли къ Одесской жизни Пушкина, а не въ 1822 г., какъ П. В Анненковъ.

[2] Элегія (Простишь ли мнѣ) и «Нереида», см. выше стр. 146. Оба стихотворенія были напечатаны въ № 4 «Литературныхъ Листкокъ», томъ самомъ, гдѣ

lib.pushkinskijdom.ru

XXVI. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

(Изъ Одессы. Мартъ 1824).

... Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu' il ne peut exister d'être intelligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная.....*

XXVII. КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ КАЗНАЧЕЕВУ.

1824.

1.

(Въ Одессѣ. 25 Мая 1824).

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ — не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцовъ). Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны.

черезъ 10 страницъ Булгаринъ помѣстилъ и выписку изъ письма Пушкина къ Бестужеву о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ.—Въ письмахъ къ брату и кн. Вяземскому Пушкинъ упоминаетъ о своихъ письмахъ къ Булгарину, но неизвѣстно, сохранились ли они.

* Это письмо, изъ котораго извѣстенъ только приведенный отрывокъ, было прочитано на почтѣ и послужило главнымъ поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Одессы. По указанію А. И. Левшина, бывшаго тогда правителемъ походной канцеляріи гр. Воронцова, докторъ-атеистъ Гунчисонъ, учившій Пушкина философіи атеизма, впослѣдствіи, въ Лондонѣ, былъ ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви.

lib.pushkinskijdom.ru

Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риѳмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другаго.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжной торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника кромѣ его сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы можетъ быть не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.[1]

---

[1] Казначеевъ къ Пушкину относился очень дружелюбно. — Оба письма

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Въ Одессѣ. 1824).

Весьма сожалѣю, что отставка моя причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этой отставки—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Знаю, что имъ пренебрегать мнѣ нельзя, такъ какъ я небогатъ и средствъ у меня мало. Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несовмѣстимыхъ. Я не могу да и не хочу разсчитывать на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство. Мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться передъ нимъ, а ничто по моему такъ не позоритъ человѣка, какъ покровительство. У меня своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Я уже успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Главный шагъ сдѣланъ и если я все таки пишу еще не иначе, какъ подъ прихотливымъ вліяніемъ вдохновенія, то какъ скоро стихи разъ мною написаны, ужъ они кажутся мнѣ товаромъ, по столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей

(второе въ переводѣ съ фр.) напечатаны по черновымъ оригиналамъ. Недоразумѣнія съ гр. Воронцовымъ были вызваны первоначально эпиграммами Пушкина на служившихъ въ канцеляріи графа, на посѣтительницъ графскихъ баловъ и пр. Воронцовъ изъявилъ поэту свое неудовольствіе, а тотъ, по словамъ Липранди, сказалъ гдѣ-то слѣдующій экспромтъ:

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько времени графъ назначилъ его, въ числѣ другихъ, въ командировку по истребленію саранчи, но Пушкинъ принялъ это за личную обиду и написалъ графу письмо «въ сильныхъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ» (Липранди. Р. Арх. 1866). Говорятъ также, что на дѣлѣ о саранчѣ Пушкинъ сдѣлалъ надпись:

Саранча летѣла, летѣла—
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все съѣла,
И вновь улетѣла.

lib.pushkinskijdom.ru

(мнѣ не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что со мной въ моемъ отечествѣ обращаются хуже, чѣмъ съ пришлымъ пошлякомъ изъ англичанъ, который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно предъявлять свою пошлость, свое ничтожество и свое бормотанье. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи общества, но я оставлю его въ покоѣ наслаждаться тріумфомъ, потому что также мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ.

(Написано по французски).

XXVIII. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

(Изъ Михайловскаго. Іюль ? 1824).

Стыжусь, что доселѣ не имѣю духу исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ.[1] Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи.

XXIX. КЪ ДМИТРІЮ МАКСИМОВИЧУ КНЯЖЕВИЧУ. 1824.

(Изъ Михайловскаго. Конецъ сентября 1824).[2]

Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Д. Макс. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубаго неба полудня, ни италіанской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то,

[1] Дѣло идетъ о предполагавшемся бѣгствѣ за границу.

[2] По начальнымъ буквамъ, поставленнымъ П. В. Анненковымъ при первомъ напечатаніи отрывка изъ этого письма, мы отнесли его къ Дм. Макс. Княжевичу. Онъ участвовалъ во многихъ петербургскихъ журналахъ съ 1812 г. по тридцатые годы, при чемъ въ 1822 и 1823 и издалъ «Литературныя Прибавленія къ Сыну Отечества». Особенно извѣстенъ своею плодотворною для юга Россіи дѣятельностью, какъ попечитель одесскаго учебнаго округа и предсѣдатель «Общества исторіи и древностей Южной Россіи», которое имъ же и основано. Между прочимъ, имъ изданы три книжки «Одесскаго Альманаха», изъ которыхъ къ одной (1840) приложенъ видъ дома, въ которомъ Пушкинъ жилъ въ Кишиневѣ, назначеннаго тогда къ перестройкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало; я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко (совершенный Онѣгинъ); цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы кажется разъ ее видѣли; она единственная моя подруга и съ нею только одною мнѣ не скучно. Я въ перепискѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Объ Одессѣ ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога! Слово живое объ Одессѣ,—настрочите, что у насъ дѣлается... во первыхъ, выздоровѣла ли Катенька? (Гика). Графинѣ Разумовской я сердечно желаю всего счастья, почт. и благо...*

XXX. КЪ НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ АЛЕКСѢЕВУ.

(Изъ Пскова. Въ концѣ ноября 1826).

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній.
Минувшаго мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно-сидящаго моего друга или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторацiи за обѣдомъ. Нѣтъ—такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей,

[1] Съ черноваго оригинала напечатано г. Якушкинымъ, а г. Анненковъ выбралъ только 1½ строки.

lib.pushkinskijdom.ru

Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.[1]

XXXI. НИКИТѢ ВСЕВОЛОДОВИЧУ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

1.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ сентября 1824).

Ты издалъ дядю моего
Творца «Опаснаго сосѣда».
Достоинъ очень онъ того,
Хотя покойная «Бесѣда»
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь мой издатель
. . . . . .

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего «Онѣгина». Созови мой ареопагъ: ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію

---

[1] Объ этомъ Кишиневскомъ пріятелѣ Пушкина любопытныя подробности сообщены въ статьяхъ И. П. Липранди, въ Р. Архивѣ 1866 г.—Вѣроятно къ этому же лицу относится написанная въ Кишиневѣ записка въ стихахъ, гдѣ говорится о Тардифѣ, извѣстномъ прежде кухмистерѣ въ Петербургѣ, жившемъ тогда въ Кишиневѣ:

«Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди—тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура;
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ и обокралъ;
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги...»

lib.pushkinskijdom.ru

приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; говорятъ онъ...[1]

2.

(Изъ Михайловскаго. Конецъ октября 1824)

Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій,—ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ. Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ-руку въ церковь.... да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышняго Господа. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полупродалъ, полупроигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь.... родитъ задоръ.... Я раскаялся, но поздно, нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ; большая часть оныхъ ниже посредственности, годится только на...., нѣкоторые хочется мнѣ спасти.... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну—1000 р. (я знаю, что ты со мной торговаться не станешь, даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу... Надѣюсь, что стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя... обнимаю и... прошу... когда не свидимся... когда...

XXXII. КЪ ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,

СЪ ПРОЕКТАМИ ПИСЕМЪ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ И СЪ ПИСЬМАМИ КЪ АДЕРКАСУ И МОЙЕРУ.

1824—1834.

1.

(Изъ Михайловскаго. 31 октября 1824).

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою,

[1] Это и слѣдующее письмо напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ Р. Старинѣ 1884, № 7, по черновымъ наброскамъ. Ср. письма: къ Толстому, 16-е кн. Вяземскому и 22-е къ брату.

lib.pushkinskijdom.ru

безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ....

Отецъ мой воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ, и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить!

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня А. П.

31 октября.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

(Отрывки изъ этого же письма по сохранившемуся черновому наброску):

lib.pushkinskijdom.ru

Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ.... но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ таже участь... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть, Пещуровъ, осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку—короче, быть моимъ шпіономъ!... ...Желая наконецъ вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова.... Отецъ разсердился, закричалъ—я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: «что говорю ему въ послѣдній разъ». Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ! потомъ, что хотѣлъ бить... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія... Спаси меня!... ...Я сосланъ за одну строчку глупаго письма; если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что поднялъ руку на отца посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой.

Псковскому губернатору.

Милостивый государь Борисъ Александровичъ!* Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную страсти и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

---

* Борисъ Антоновичъ (а не Александровичъ) фонъ-Адеркасъ. Письмо не дошло по адресу, потому что посланный привезъ его обратно, не заставъ губернатора въ Псковѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Изъ Михайловскаго. 24 ноября 1824).

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! За чѣмъ же обвинять было сына?[1] Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только.[2] Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что жъ, милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой гречанки? Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! она родня поэтамъ по поэзіи; но А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего...

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

24 ноября.

(Адресъ: «Его высокобл. м. г. Василію Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ».—Штемпель 1 декабря 1824. Опочка).

3.

(Тоже. Декабрь 1824).

Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живое. Восьмилѣтняя Родося Сафіоносъ, дочь грека, пад-

---

[1] Въ черновомъ наброскѣ: «Экой дуракъ! Въ чемъ онъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!.. Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ». Оно содержитъ только начало бѣловаго и оканчивается фразой: «Стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ... Глупо—часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной грязи...» — Совершенно тоже, что указано г. Аненковымъ ввидѣ отрывка изъ письма къ неизвѣстному (см. выше стр. 193). Не путаница ли это?

[2] Тоже: «да онъ убилъ его словами!»

lib.pushkinskijdom.ru

шаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупянской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи. Нельзя ли сиротку пріютить? Она племянница русскаго полковника, слѣд. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье.—О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, вываливая, что у меня на сердцѣ. — Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ кого можно; прочимъ—всю душу.

ПРОЕКТЪ ПРОШЕНІЯ ГОСУДАРЮ.*

Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался на дуэляхъ—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или умертвить В... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; во второмъ я не смывалъ бы никакой обиды, потому что обиды не было; а только совершалъ бы преступленіе и приносилъ въ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ, человѣка, внушавшаго мнѣ уваженіе противъ моей воли. Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ.** Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ; а я чувствовалъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести. Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету. Съ тѣхъ поръ, если иногда у меня вырывались

---

* Приводимъ кстати этотъ проектъ, написанный въ концѣ 1824 или въ началѣ 1825 г. подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ тогда находился Пушкинъ.

** П. Я. Чаадаевъ.

lib.pushkinskijdom.ru

жалобы противъ установившагося хода дѣлъ; если я иногда предавался молодымъ разглагольствіямъ, то все таки положительно утверждаю, что всегда на словахъ и съ перомъ въ рукахъ, я уважалъ особу вашего величества, государь. Меня винятъ, что я разсчитывалъ на великодушіе вашего характера. Я вамъ сказалъ истину, съ откровенностью, которая была бы предосудительна въ глазахъ всякаго иного властителя въ свѣтѣ. Нынѣ прибѣгаю къ этому великодушію. Здоровье мое съ раннихъ лѣтъ сильно потрясено. Аневризмъ съ сердцѣ требуетъ скорой операціи и продолжительнаго леченія. Городъ, который мнѣ для того назначенъ,* не можетъ мнѣ доставить никакихъ средствъ. Умоляю в. в. позвольте мнѣ жить въ одной изъ нашихъ столицъ или назначьте мнѣ мѣсто въ Европѣ, гдѣ могъ бы я позаботиться о продленіи моего существованія.

(Писано по французски).

4.

(Изъ Михайловскаго. Май—іюнь? 1825).

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бъ царь меня до излеченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства—и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риѳмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу пофранцузски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ.** Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова?

---

* Псковъ.

** Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года.

lib.pushkinskijdom.ru

Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И. . . . . [1]

Надпись къ Гёте, Ахъ, если бъ мой милый, Генію—все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія.[2] Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза.[3] —Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вонъ на! Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ.

(Къ этому письму приложено черновое прошеніе).

Обязанный признать снисходительность в. в—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости, я долгомъ бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, если бы необходимость (одна, можетъ меня побудить), не побуждала меня нарушить его.

Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ лечиться. Аневризмъ,

---

[1] Пушкинъ пародируетъ начало посланія Жуковскаго къ Блудову: «Счастливаго пути любезному желаю» и пр. Кстати укажемъ, что еще въ 1818 г. по поводу стих. Жуковскаго «Тлѣнность», написаннаго бѣлыми стихами, Пушкинъ, тоже пародируя начало, сказалъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная?...

[2] Онъ былъ въ Михайловскомъ въ концѣ апрѣля 1825 г. Сопоставляя же съ этимъ письмо къ Дельвигу, отъ 23 іюня 1825 г., гдѣ говорится о замѣнѣ «прошенія», слѣдуетъ отнести настоящее письмо къ маю или іюню.

[3] Въ переводѣ Жуковскаго эта баллада Шиллера названа «Кубокъ».

lib.pushkinskijdom.ru

которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего нрава. Нынѣ сознаюсь, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю ваше величество дозволить мнѣ удалиться куда нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишенъ всякой помощи.

(Написано по французски).

5.

(Изъ Михайловскаго. Іюнь—іюль? 1825).

Неожиданная милость его величества тронула меня нескасказанно,[1] тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства.—Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ леченіи лошадей.[2]

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство —но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по при-

---

[1] Въ іюнѣ 1825 г. Пушкину разрѣшено было лечиться въ Псковѣ. Г. Бартеневъ, неправильно отнесшій это письмо къ 1826 г., для объясненія выраженія о «милости» придумалъ небывалое освобожденіе Пушкина въ 1826 г. отъ тройнаго надзора, тогда какъ такого предварительнаго освобожденія вовсе не было и Пушкинъ прямо получилъ полную свободу въ сентябрѣ 1826 г.

[2] В. Вселоводовъ—авторъ «Сокращенной патологіи скотоврачебной науки» 1817.

lib.pushkinskijdom.ru

казанію высшаго начальства.—Обнимаю тебя горячо—А. Пушкинъ.[1]

182..... Михайловское.

Къ Ивану Филиповичу Мойеру.

(Изъ Михайловскаго. 22 іюля 1825).

Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобъ отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго. — Александръ Пушкинъ.

Село Михайловское. 29 іюля 1825 г.

(Адресъ: «Его Прев., м. г., г-ну Мойеру, въ Дерптѣ». Штемпель: Опочка. 1825 г. іюля 30).

6.

(Тоже. 17 августа 1825).

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и ей Богу первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ (бы) управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. На дняхъ видѣлся у Пещуровя съ какимъ-то докторомъ-аматёромъ; онъ пуще успокоилъ меня—только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кон-

[1] Родные Пушкина, напуганные прежними письмами его о болѣзни, упросили Жуковскаго написать къ дерптскому профессору хирургіи Мойеру, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Псковъ для осмотра больнаго. Пушкинъ поспѣшилъ просить Мойера отложить поѣздку. Это письмо мы и приводимъ вслѣдъ за симъ (ср. также письмо къ Осиповой, отъ 29 іюля 1825).

lib.pushkinskijdom.ru

чить, въ слѣдствіе чего читаю только Карамзина, да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какого нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ. А мнѣ бы очень нужно.[1]

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій (Василій Алексѣевичъ) у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ и Везувій.

17 августа.

(Адресъ: «Его Высокобл. Василію Андреевичу Жуковскому въ Спбгѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія». Штемпель: Опочка· 1825 г. авг. 20).

7.

(Изъ Тригорскаго. 6 октября 1825).

На дняхъ увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ тележку и прискакалъ во Псковъ.[2] Губернаторъ принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лекаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ. — П. А. Осипова, бу-

---

[1] Четіи-Минеи Пушкинъ читалъ при посѣщеніяхъ Святогорскаго архимандрита, которому былъ порученъ духовный надзоръ за нимъ. Объ этомъ надзорѣ сохранилась въ альбомѣ А. Н. Вульфа шутка поэта:

Дѣдушка-игуменъ
Былъ ли намъ пріятенъ?
Жилъ ли онъ межъ гуменъ
Иль межъ голубятенъ?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Опъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot' камъ
Говорилъ ли: куры
Отчего несутся?... и пр.

[2] Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ въ Псковъ, говорятъ, Пушкинъ написалъ на стеклѣ въ гостинницѣ алмазомъ своего перстня:

Господинъ фонъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ;
Вы такой же ресторатеръ,
Какъ великій губернаторъ.

lib.pushkinskijdom.ru

дучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.—Воля твоя, мой милый, ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало.—2-е. Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности—не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лечиться во Псковѣ мнѣ невозможно — итакъ погодимъ, авось ли царь что нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: «прими его, какъ меня.»[1] Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лечиться не намѣренъ—они не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело, а отъ другаго не хочу—будь онъ тебѣ разпріятель будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру—это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество[2]—пусть трагедія искупитъ меня... Но до трагедій ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога—страшно подумать!

Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе незавидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское. 6 октября.

---

[1] Мойеръ былъ другомъ Жуковскаго и былъ женатъ на любимой его племянницѣ Маріѣ Андреевнѣ Протасовой, въ то время уже скончавшейся.

[2] Что государь проститъ его за трагедію См. выше, стр. 32.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

(Изъ Михайловскаго. Начало 1826).

Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому что мнѣ было не до себя, во вторыхъ за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ, но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости?[1] Напиши, сдѣлай милость. Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

Итакъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ,[2] съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.

Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ.

Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

---

[1] Ср. 7-е письмо къ Дельвигу, выше стр. 124.

[2] Василій Ѳедосѣевичъ—майоръ камчатскаго полка, болѣе пяти лѣтъ просидѣвшій въ тираспольской крѣпости (съ 1822) и потомъ сосланный на поселеніе. О немъ подробности у Липранди (Р. Архивъ 1866).

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же довѣрять иногда къ счастію. Прости, будь счастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдственно я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба.

9.

(Тоже. 7 марта 1826).

Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ, излагаю здѣсь исторію моей опалы.[1] Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно растроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немодленнаго леченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. — Александръ Пушкинъ.

7 марта 1826 г. Михайловское.

(Адресъ: Василію Андреевичу Жуковскому).

———

[1] Письмо это было написано по настоянію Жуковскаго, для показа императору Николаю Павловичу, къ которому вскорѣ Пушкинъ обратился съ прошеніемъ, печатаемымъ нами вслѣдъ за этимъ письмомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРОШЕНІЕ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ.

Всемилостивѣйшій государь.

Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству съ всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

Всемилостивѣйшій государь, ваше императорское величество, вѣрноподданный Александръ Пушкинъ. *

(Приложены: медицинское свидѣтельство о болѣзни и обязательство):

Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года.

10.

(4 іюля 1834).

Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsidérée; и сказалъ, que j'aimais

---

* Прошеніе это было представлено Псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу.

lib.pushkinskijdom.ru

mieux avoir l'air inconséquant qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невеселое; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа—отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести что́ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна (Хитрово). Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня конечно трогаетъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

11.

(6 іюля 1834).

Я право самъ не понимаю, что́ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь — отчего мои письма сухи? Да зачѣмъ же имъ быть сопливыми? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ, но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье. *

(На двухъ послѣднихъ запискахъ надпись: «В. А. Жуковскому»).

* Всѣ три письма см. ниже въ перепискѣ съ Бенкендорфомъ: отъ 3, 4 и 6 іюля 1834; ср. также письма къ женѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIII. КЪ ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ОСИПОВОЙ.

1825—1835.

1.

(Изъ Михайловскаго 25 іюля 1825).

Препровождаю къ вамъ, милостивая государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе его величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго, — которое, какъ бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ; умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.[1]

2.

(Тоже. 29 іюля 1825).

Милостивая государыня. Вы получили изъ Пскова безполезное письмо, которое я уничтожилъ,[2] посылаю вамъ другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сей часъ писалъ ему, умоляя его не пріѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; я уже давно утратилъ всякую надежду.—Рокотовъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и библіотеку. Тамошнее уединеніе

---

[1] Прасковья Александровна была въ первомъ замужствѣ за Николаемъ Ивановичемъ Вульфомъ и отъ этого брака имѣла дѣтей: Анну, Евпраксію и Алексѣя. Она, въ это время, уѣзжала въ Ригу съ дочерьми Анной и Евпраксіею и племянницей Анною Петровною Кернъ (ур. Полторацкая) къ мужу послѣдней, генералу Ермолаю Ѳедоровичу Керну, бывшему тогда комендантомъ въ Ригѣ.

[2] Вѣроятно письмо къ Адеркасу выше, стр. 198.

lib.pushkinskijdom.ru

полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспомнайте иногда изгнанника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго): вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

Бога ради, не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ безполезнымъ толкамъ: я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

3.

(Тоже. 1 августа 1825).

Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно.* Погода у насъ стояла ужасная, вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.

4.

(Тоже. 8 августа).

Милостивая государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего пріѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронутъ я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души, и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богдановна сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ августа; я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ Керн относительно родительскаго надзора Адеркаса надо мною? Не рѣшительныя ли это приказанія? Значитъ ли что нибудь Керн въ этомъ дѣлѣ, или это одни общественные толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что же касается новостей петербургскихъ, я ничего не знаю, что тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣренія въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго

* Младшая дочь Осиповой—Екатерина Ивановна.

lib.pushkinskijdom.ru

и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой.

(Адресъ: à M-me M-me Ossipoff, à Riga).

5.

(Тоже. 11 августа 1825).

Говорить ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. Керна, не вѣрны; но вы правы, ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете; онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я разсчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю.[1] Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ.[2]

(Адресъ: «Ея высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ»).

6.

(Тоже. 20 февраля 1826).

Вотъ новая поэма Баратынскаго, присланная мнѣ Дельвигомъ. Это образецъ граціи, изящества и чувства. Вы будете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время весело, но не столько однако, чтобъ совсѣмъ забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ. Примите и пр.... Передайте мое почтеніе вашей дочери, а также M-elle Нетти.[3]

---

[1] Генералъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ знаменитаго Арапа Петра Великаго.

[2] Ниже помѣщено письмо къ Осиповой, отъ 28-го августа, не дошедшее къ ней по желанію самого Пушкина (см. письма къ А. П. Керн).

[3] Въ началѣ 1826 г. Осипова отправилась въ тверское свое имѣніе, съ старшею дочерью Анною Николаевной. Нетти — Анна Ив. Вульфъ, племянница Осиповой.

lib.pushkinskijdom.ru

7.

(Изъ Пскова. 4 сентября 1826).

Я полагаю, м. г., что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъ-егеремъ удивилъ васъ столько же, сколько и меня.[1] Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъ-егеря; мнѣ дали его для безопасности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа этого мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, поспѣшу возвращеніемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынѣ всегда приковано.

8.

(Изъ Москвы. 15 сентября 1826).

Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ, и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ, какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 сентября, у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ саженями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб., и пригласила 1000 человѣкъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не видавъ его, не могу о немъ ничего сказать. Простите непослѣдовательность письма; оно вполнѣ передаетъ вамъ непослѣдовательность настоящей моей жизни. M-elles Annetes[2] вѣроятно уже въ Тригорскомъ; посылаю имъ издалека сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр..[3]

---

[1] Въ ночь съ 3-го сентября 1826 г. въ Михайловское пріѣхалъ изъ Москвы фельдъегерь и помчался обратно съ Пушкинымъ черезъ Псковъ въ Москву.

[2] Анна Николаевна и Анна Ивановна.

[3] Письмо это не отъ 13 сентября, какъ помѣтилъ Пушкинъ, а отъ 15, такъ какъ онъ самъ говоритъ въ началѣ письма, что онъ уже восемь дней въ Москвѣ, и за тѣмъ упоминаетъ, что пишетъ 15 сентября.

lib.pushkinskijdom.ru

9.

(Изъ Петербурга. Весной 1827).

Я очень виноватъ передъ вами, но не столько однако, какъ вы можете подумать. По пріѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же писалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получали. Это меня смутило, и я не бралъ пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Петербургъ? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я выбралъ бы Тригорское, почти также, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ». Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно разсчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покамѣстъ кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всего моего сердца.

(Адресъ: «Ея высокор. П. А. Осиповой въ Опочку»).

10.

(Изъ Петербурга. 24 января 1828).

Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снисхожденіемъ, придаютъ мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои Цвѣты на дипломатическія тернія, разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось M-elle Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ.*

(Адресъ: «à Madame Ossipof». Рукою Осиповой: «année 1828»).

---

* Написано въ Тверскую губернію, гдѣ въ это время была П. А. съ дочерьми, изъ которыхъ здѣсь упоминается о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ. Дельвигъ отправлялся въ это время съ женою въ Харьковъ, и по пути предполагалъ посѣтить Осипову.

lib.pushkinskijdom.ru

11.

(Изъ Петербурга. Мартъ 1829).

Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для M-elle Евпраксіи, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду ли имѣть счастіе видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда ли это? И однако, я все же разсчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуёва.[1] Какъ ни устроивай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ, и въ моей совершенной преданности.

(Отмѣтка Осиповой: reçue le 13 Mars. 1829).

12.

(Изъ Болдина. Сентябрь 1830).

Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполнѣ оцѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л.[2] Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнью холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могу добраться до Москвы; меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, такъ какъ Нижегородская губернія—средоточіе эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова всегда, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знакомъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалѣю, если эта фраза имѣетъ недружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что́ вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности, видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать

---

[1] Другое названіе Пушкинскаго с. Михайловскаго.

[2] Василій Львовичъ Пушкинъ (ум. 10 августа 1830 года).

lib.pushkinskijdom.ru

счастію можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастіе—это великое можетъ быть, какъ говорилъ Рабеле о раѣ или о вѣчности. Я атеистъ относительно счастія, я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только пріѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что я напечаталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности. А. Пушкинъ.

(Адресъ: «Ея высокор. м. г. Пр. Ал. Осиповой въ Опочку»).

13.

(Изъ Царскаго Села. 29 іюля 1831).

Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

Итакъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ, и котораго достойно существо столь благородное и кроткое.

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ къ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ

---

* Е. Н. Вульфъ выходила замужъ за бар. Бориса Александр. Вревскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жены моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее представить.[1]

14.

(Изъ Царскаго Сала. 29 іюля 1831).

Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня, какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца—благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ относилъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ ними, о шалости О—и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться уже нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете ли, что въ Новгородѣ, въ Военныхъ Поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подъ тѣмъ же нелѣпымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительной храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственнс карантины лишніе; нужны одпѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Если бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ, какъ всякую отраву—деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобы рецептъ этотъ не понадобился вамъ въ Тригорскомъ.—Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино[2] или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ

---

[1] 1830 г., которымъ помѣчено это письмо—явная описка вмѣсто 1831.

[2] Деревня въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ, которую Пушкинъ хотѣлъ купить. См. предъидущее письмо.

lib.pushkinskijdom.ru

намѣреній, ни надеждъ.—Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству.

(Адресъ: Ея Высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Опочкѣ, въ селѣ Тригорскомъ).

15.

(Изъ Петербурга. Январь 1832).

Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость—потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Лёвинова). Онъ долженъ заключать въ себѣ (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», которыхъ я недостойный издатель. Это—послѣдній годъ этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ казаться намъ недавнею. Прилагаю къ этому снотворныя сказки: желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услыхали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно, и чтобы здоровье ея совершенно поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ; Дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью.

Благоволите, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

16.

(Изъ петербурга. Осенью 1832).

Г. Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштадтской, въ домѣ Алымова». Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что

lib.pushkinskijdom.ru

онѣ утомили васъ также какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ свой деревнѣ и поливать капусту—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся ли нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо если бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему сеймейству.

17.

(Изъ петербурга. Май 1833).

Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, дорогая Прасковья Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякаго рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ имъ сопутствовать!.

(Адресъ «Ея высок. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ. Помѣта ея: «reçue le 20 de Mai 1833»).

18

(Изъ Петербурга. 29 іюня—13 іюля 1835).

Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, добрая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейхмана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго раззоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносить проценты въ ломбардъ. Улучшенія придутъ впослѣдствіи. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять

lib.pushkinskijdom.ru

на себя управленіе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоитъ того, чтобы его спасти, хотя бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или по меньшей мѣрѣ бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непріятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго раззоренія. Если бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П. 29 іюня. Спб.

13-го іюля. Это письмо должно было бъ быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ; не знаю, какъ случилось, что оно не было послано. Дѣла мои удержатъ меня еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все таки располагаю явиться къ вамъ.

19.

(Изъ Петербурга. Въ исходѣ августа 1835).

Вотъ я и въ Петербургѣ, милостивая государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило отъ того, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда кого нибудь изъ нашихъ людей, сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ этому печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служитъ цѣлью для злыхъ нападокъ свѣта. Повсюду говорятъ—какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человѣкъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало быть, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ ни при чемъ и за все долженъ быть въ отвѣтѣ я. Если бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла

lib.pushkinskijdom.ru

бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями—едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее уже переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня я въ жалкомъ настроеніи духа я совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая М-me Осипова, жизнь — при всемъ томъ, что она «сладкая привычка»—содержитъ въ себѣ горечь отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же—гнусная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

(Адресъ: Ея высок м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ, оттолѣ въ село Тригорское).

20.

(Изъ Петербурга. 26 декабря 1835).

Наконецъ, милостивая государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что́ подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ протекло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ собственныхъ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою—26 декабря.

Вексель вашъ готовъ и я вышлю его въ слѣдующій разъ.

(Помѣта Осиповой: «Я его никогда не получала»).

(Всѣ приведенныя письма написаны по французски).

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIV. КЪ АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВУЛЬФУ.

1824—1829.

1.

(Изъ Михайловскаго. 20 сентября 1824).

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловской прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что?—бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ—ужъ молчи!
Чудо—жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни—любви посвящены,
Ночью—царствуютъ стаканы;
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками.—Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданія, мой милый. А. П.

Приписка сестры Алексѣя Николаевича Вульфа, Анны Николаевны: Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно сбирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это будетъ только на словахъ.—Пожалуста отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову и ежели можешь употреби все стараніе уговорить его, чтобъ онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого

lib.pushkinskijdom.ru

очень желаетъ; покамѣстъ пожалуста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство на счетъ А. П. кончилось. Пожалуста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ. Я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта; не забывай тебѣ душой преданную Анну Вульфъ.—Сентября 20, 1824 года.—Левъ тебя цѣлуетъ.

(Адресъ: «Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфъ въ гор. Дерптъ»).

2.

(Тоже. Весною 1825).

Любезный Алексѣй Николаевичъ—благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова. Посланіе его и чувствительная Элегія—прелесть. Въ посланіи послѣ тобой хранимаго, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. А. П.

(На оборотѣ рукою Осиповой написано: «Очень хорошо бы было когда бъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ»).

3.

(Тоже. Сентябрь 1825).

Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ: чортъ съ ними и съ цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ.—Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. —Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться.

lib.pushkinskijdom.ru

А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. Vale, mi fili in spiritu. Кланяюсь Языкову; я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи на «Подите прочь».*

4.

(Тоже. Октябрь 1825).

Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что также случается) денегъ нѣтъ—то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились. Что скажу вамъ новаго! Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда Анны Петровны (Кернъ). Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой, вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.
Нѣтъ, Бога ради,
Нельзя ли... и проч.

Не написалъ ли Языковъ еще чего нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны.

(Адресъ: «Его благ. А. Н. Вульфу, въ Дерптъ» и помѣта Вульфа: 10 окт. 1825).

---

* Эти стихи Языкова: «Подите прочь — теперь не ночь» и пр. Вульфъ прислалъ изъ Дерпта Пушкину. — На письмѣ помѣта о полученіи его въ сентябрѣ 1825. Въ этомъ и слѣдующемъ письмѣ условный языкъ, подъ видомъ разговора объ изданіи:—цензоръ, наборщики — извѣстные агенты; посылка и удержаніе коляски—успѣхъ или неуспѣхъ плана бѣгства за границу.

lib.pushkinskijdom.ru

5.

(Тоже. Май 1826).

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — добро. Однако я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.—Неправда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ, скажите мнѣ—не чрезъ Дерптъ ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете ли вы письма отъ Анны Ник. (съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница N. N.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ противъ почтеннаго Е. Ѳ. Мое дѣло—сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ: привезите же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

(Рукою А. Н. Вульфа приписано. «7 Мая, 1826 года». Адресъ: «Его благ. А. Н. В. въ Дерптъ»).

6.

(Изъ села Малинники. 27 октября 1828).

Тверской Ловелясъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемыя отъ меня поясненія, на счетъ вашего петербургскаго поведенія, далъ я съ откровенностію и простодушіемъ, отъ чего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здраствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

27 окт. 1828 года.

(Адресъ: Его благ. А. Н. Вульфъ).

7.

(Изъ села Малинники. 16 октября 1829).

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловлясъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. 1. Въ Маллинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее: a) Евпраксія Никол. и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ, b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а, c) Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу дѣлается невиннѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

II. Въ Павловскомъ Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ. Павелъ Ивановичъ стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ: Подъѣзжая подъ Ижоры

Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило? [1]

III. Въ Берновѣ [2] я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы

---

[1] Эгельстромъ, добродушный старикъ помѣщикъ, родомъ шведъ, былъ плохой стихотворецъ и служилъ потѣхой для сосѣдей. Посланіе ему Пушкина приведено нами въ приложеніяхъ къ стихотвореніямъ 2-го тома.

[2] Старицкаго уѣзда, въ 8 верстахъ отъ Малинниковъ: оно принадлежало Ив. Петр. Вульфу, женатому на Аннѣ Ѳедор. Муравьевой, двоюродной сестрѣ

lib.pushkinskijdom.ru

знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Клярисса) въ Твери. П—ва кто-то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Ив. Ив. на строгой діэтѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

16 окт.

XXXV. КЪ АННѢ НИКОЛАЕВНѢ ВУЛЬФЪ.

1825.

(Изъ Михайловскаго въ Ригу. 21 іюля 1825).

Пишу вамъ въ грустномъ опьяненіи; видите—держу слово. Итакъ, доѣхали ли вы до Риги? одержали ли побѣды? скоро ли выйдете замужъ? нашли ли улановъ? увѣдомьте меня обо всемъ этомъ съ величайшей подробностью, ибо вы знаете, что не смотря на мои злыя шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстояніи, за то вамъ будутъ нравоученія и совѣты. Извольте прислушать. 1) Ради Бога будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями (мужескаго рода), они воспользуются этой вѣтреностью лишь для самихъ себя, тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія же тщеславныя и говорливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученой, но учености своей не выказывайте, и если уланъ скажетъ вамъ, что съ

Мих. Никит. Муравьева. Ихъ дочь Анна Ив. (Netty) была въ послѣдствіи замужемъ за Трувелперъ. Къ ней, Россети (Смирновой) и Олениной (Андро) относятся стихи:

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ—
И R. и O. позабываю
Для N. и W.

lib.pushkinskijdom.ru

вами нездорово вальсировать, не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носику, отвернитесь и заговорите о чемъ нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣдняго изданія Байрона.

Знаете ли, за что я хотѣлъ васъ побранить? нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, без... и т. д. и т. д. и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце ноетъ; вчера Алексѣй (Вульфъ) и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ничего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблекшаго геліотропа.[1] Пишу много стиховъ— все это, если хотите, очень похоже на любовь: но, клянусь вамъ, что ничего это нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и ревности; мнѣ же оно было только немного обидно.[2] Однако же мысль, что я для нея ничего не значу; что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ дни грусти; что ея прелестные глаза остановятся на какомъ нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладостнымъ выраженіемъ—нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна, скажите ей, что она убьетъ меня; —нѣтъ, не говорите ей этого, она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности— я презираю ее, слышите ли? да, презираю, не смотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ столь новымъ чувствомъ.

Простите, m-lle баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

21 іюля.

P. S. Пришлите мнѣ обѣщанный вами рецептъ, я надѣлалъ

---

[1] Позднѣйшее примѣчаніе А. П. Кернъ. Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа Пушкинъ, точно, выпросилъ у меня.

[2] Примѣчаніе А. П. Кернъ. Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

lib.pushkinskijdom.ru

столько глупостей, что мочи нѣтъ — проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ![1]

(Писано по французски).

XXXVI. КЪ АННѢ ПЕТРОВНѢ КЕРНЪ.

1825.

1.

(Изъ Михайловскаго въ Ригу, 25 іюля 1825).

Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы—легкомысліе, или кокетство дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ; я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ бы-

---

[1] Въ 1858 г. А. П. Кернъ передала намъ стихи, написанные Пушкинымъ для альбома Анны Ник. Вульфъ, при чемъ онъ два послѣдніе стиха означилъ точками и никакъ не хотѣлъ объяснить, что означаютъ эти точки:

Увы! напрасно дѣвѣ гордой
Я предлагалъ свою любовь.
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ея души не тронетъ твердой!
Однимъ страданьемъ буду сытъ,
И пусть мнѣ сердце скорбь расколетъ...
. . . . . .
. . . . . .

Къ Аннѣ же Николаевнѣ, говорятъ, написано и стихотвореніе 1825 г.

КЪ ИМЕНИННИЦѢ:

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили благодатью!
Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка (смѣю вамъ сказать)—
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

lib.pushkinskijdom.ru

лые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей, но вѣтреность всегда жестока, и всѣ вы, барыни, вертя головы какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанья, что есть душа страждущая вамъ во славу и честь.

Прощайте, божественная, бѣгусь и падаю къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Ѳедоровичу и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете ли его опять у себя на груди? Напишете ли мнѣ длинный отвѣтъ? напишите мнѣ все, что вамъ въ голову прійдетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете ли, что перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона; что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

2.

(Тоже. 14 августа 1825).

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперегъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны—въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и утѣшьтесь, потому что отъ этого вы еще милѣе. Напр. что вы хотите сказать этой печатью, которая должна быть вамъ прилична и нравиться (счастливая печать), и о значеніи которой вы спрашиваете меня?—Я рѣшительно не догадываюсь, чего вы желаете—развѣ только тутъ есть какой нибудь тайный смыслъ? Можетъ быть, вы требуете у меня девиза для нея—это было бы совсѣмъ à la Netty... Ну, пожалуй, оставьте по прежнему: «не скоро, а здорово», лишь бы только это не было девизомъ вашей поѣздки въ Тригорское—и поговоримъ о другомъ. Вы пишете, что я не знаю вашего характера—да что мнѣ за дѣло до вашего характера? Богъ съ нимъ! развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Главная вещь—глаза, зубы, руки и ноги... (прибавилъ бы и сердце, но кузина ваша слишкомъ опошлила это слово)... Вы говорите, что васъ легко узнать, т. е. вы хотите сказать—легко полюбить—съ этимъ я согласенъ, и самъ тому живое доказатель-

lib.pushkinskijdom.ru

ство. Въ отношеніи къ вамъ я велъ себя какъ 14-лѣтній мальчикъ—это негодится; но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я мало по малу возвращаю потерянное превосходство и пользуюсь этимъ для того, чтобы побранить васъ. Если когда нибудь мы свидимся, то обѣщайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я вашихъ обѣщаній; притомъ же письмо всегда такъ холодно, въ почтовой просьбѣ нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни нѣги! — Итакъ до свиданія—и поговоримъ о другомъ. Въ какомъ положеніи подагра вашего супруга? Надѣюсь, что она порядочно прихватила его на другой день послѣ вашего пріѣзда? По дѣломъ ему! Если бъ вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, я питаю къ этому человѣку!... Божество мое, ради Бога устройте, чтобъ онъ игралъ и страдалъ подагрой... Подагра! подагра! Это моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ ваше письмо, я вижу въ немъ страшное если, котораго сначала не замѣтилъ. «Если моя кузина останется, то я пріѣду нынче осенью» и пр.—Ради неба, пусть же она останется! Постарайтесь ее чѣмъ нибудь занять; нѣтъ ничего легче: прикажите какому нибудь офицеру изъ вашего гарнизона влюбиться въ нее, а когда пора будетъ ѣхать, досадите ей, отбивъ ея вздыхателя—а это еще легче.—Но не выказывайте ей этого: изъ упрямства она способна все сдѣлать какъ разъ на перекоръ... А что вы дѣлаете съ своимъ кузеномъ?—скажите откровенно. Посылайте-ка его скорѣе назадъ въ университетъ; не знаю почему, я также какъ и Керн не очень люблю этихъ студентовъ... А г-нъ Керн человѣкъ достойный, умный, разсудительный и проч., и у него только одинъ недостатокъ—что онъ вашъ мужъ. Какъ это можно быть вашимъ мужемъ?—Объ этомъ я не могу себѣ составить понятія, какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось, и я теперь въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, хоть знаю, что это несправедливо, и что я долженъ бы быть благодаренъ вамъ за прошлый разъ. Но что же мнѣ дѣлать? Умоляю васъ, божество мое, сжальтесь надъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

3.

(Тоже. 28 августа 1825).

Вотъ письмо къ вашей тетушкѣ; если ея нѣтъ уже въ Ригѣ, можете оставить его у себя. Скажите на милость, можно ли быть такой вѣтреницей? какимъ образомъ письмо, адресо-

lib.pushkinskijdom.ru

ванное къ вамъ, попало въ чужія руки?[1]—Но что сдѣлано, то сдѣлано—поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать.

Если вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ надоѣлъ вамъ, бросьте его, и знаете ли какъ? оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ и пріѣзжайте... вы думаете, въ Тригорское?— совсѣмъ нѣтъ—въ Михайловское. Этотъ прекрасный проектъ бродитъ у меня въ головѣ ужъ цѣлую четверть часа... Понимаете ли вы, какъ велико было бы мое счастіе! — Вы скажете—а огласка? а скандалъ?—Кой чортъ! бросить мужа—ужъ есть полнѣйшій скандалъ—остальное ничего не значитъ.— Но согласитесь, что въ проектѣ моемъ много романическаго... сходство характеровъ, ненависть къ препятствіемъ, органъ кражи, развитый въ сильной степени и проч. — Представьте себѣ удивленіе вашей тетушки!—Тутъ сейчасъ разрывъ. Вы начнете тайкомъ видѣться съ вашей кузиной, отчего дружба становится пріятнѣе,—а если умретъ Кернъ, вы сдѣлаетесь свободны, какъ воздухъ... Ну, что вы скажете? Не говорилъ ли я вамъ, что бываю въ состояніи дать совѣтъ смѣлый и важный?

Однако, поговоримъ серьезно, т. с. хладнокровно. Увижу ли я васъ опять? мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣшьтесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться?— невозможно; для этого нужно прежде забыть ваши спазмы... Бѣжать изъ Россіи? удавиться? жепиться?—Все это представляетъ большія трудности — до нихъ я не охотникъ. Ахъ, кстати, какъ я буду получать ваши письма? Тетушка ваша противъ нашей переписки—такой цѣломудренной, такой невинной... (да и какъ же иначе?... за 400 верстъ?...). Очень можетъ быть, что наши письма станутъ перехватывать, читать коментировать и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить почеркъ, а тамъ я увижу. Но все таки — пишите мнѣ — пишите много — вдлину, вширину и діагонально (геометрическій терминъ)...[2] А главное, не лишайте меня надежды увидѣться съ вами; иначе, я серьезно постараюсь влюбиться въ кого нибудь другаго... Да, я и забылъ сказать вамъ, что написалъ къ Нетти письмо очень нѣжное, униженное... Я безъ ума отъ Нетти... Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не наивны? Неправда ли, что я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ въ разговорѣ? Но пріѣзжайте сюда—и я обѣщаю вамъ, что буду необыкновенно любезенъ; я буду веселъ въ понедѣльникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ середу, проворенъ и ловокъ въ четвергъ; въ пятницу, въ суб-

---

[1] Г. Осипова не отдала и даже не показала г-жѣ Кернъ письма Пушкина, написаннаго по поводу отвѣта Анны Петровны на его предыдущее. Самому Пушкину П. А. написала рѣзкій выговоръ.

[2] Изъ угла въ уголъ письма написано: «Вотъ что значитъ діагональ».

lib.pushkinskijdom.ru

боту и въ воскресенье, я буду всѣмъ, чѣмъ вы прикажете и цѣлую недѣлю стану лежать у вашихъ ногъ. Прощайте!

28 августа.

Не распечатывайте прилагаемаго здѣсь письма—это нехорошо. Тетушка ваша разсердится. Но подивитесь, какъ Господь смѣсилъ все: г-жа Осипова распечатываетъ ваше письмо, вы—письмо къ ней, я—письмо Нетти, — и всѣ мы находимъ въ этихъ письмахъ много для себя поучительнаго... Просто чудеса!

Госпожѣ Осиповой.

Да, сударыня, honny soit qui mal y pense (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Только злые люди могутъ думать, что переписка въ состояніи повести къ чему нибудь. Ужъ не по опыту ли знаютъ это иныя особы? но я прощаю имъ, вы сдѣлайте тоже, и станемъ продолжать.

Послѣднее письмо ваше (писанное въ полночь) прелестно. Я смѣялся отъ всей души, но долженъ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ вашей милой племянницѣ. Правда, она вѣтрена — но вѣдь надо имѣть терпѣніе. Еще какихъ нибудь двадцать лѣтъ—и ручаюсь вамъ, что она исправится. Что же касается до ея кокетства, то вы совершенно правы: оно хоть кого приведетъ въ отчаяніе.—Какъ это она не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ счастіе нравиться сиру Керну? Такъ нѣтъ—нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату. По пріѣздѣ въ Тригорское ей приходитъ мысль—завладѣть Рокотовымъ и мною... Но этого мало: въ Ригѣ, въ ея проклятой крѣпости, она видитъ проклятаго плѣнника и становится кокетливымъ провидѣніемъ этого проклятаго каторжника! Мало и этого: отъ васъ я узнаю, что въ дѣлѣ замѣшано еще нѣсколько мундировъ!—ну, ужъ это слишкомъ! Рокотовъ узнаетъ объ этомъ, и посмотримъ, что онъ еще скажетъ. Но увѣдомьте пожалуйста, увѣрены ли вы въ томъ, что она кокетничаетъ безразлично? Сама она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ пріятнѣе вѣрить ей. Еще болѣе меня успокоиваетъ то, что не у всѣхъ одинаковая манера ухаживанья,—пусть только ея поклонники будутъ почтительны, робки и деликатны, съ меня этого довольно. Благодарю васъ, что не передали ей моего письма; въ немъ было слишкомъ много нѣжностей, а въ настоящихъ обстоятельствахъ, это смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, напишу съ тою дерзостью, которая отличаетъ меня, и рѣшительно прекращу съ ней всякія сношенія;—я отыму у всѣхъ право говорить, что я внесъ раздоръ въ семейство, не допущу Ермолая Ѳедоровича обвинять меня въ отсутствіи нравственныхъ правилъ, а жену его—насмѣхаться надо мною.

Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ «смѣла въ..

lib.pushkinskijdom.ru

и пр.» * Не такъ ли? Она и отъ этого отнѣкивается, но дѣло кончено—я ей не стану болѣе вѣрить.

Прощайте, сударыня,—съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріѣзда. Мы станемъ злословить сѣверную Нетти, которая всегда будетъ вызывать во мнѣ сожалѣніе, что я увидѣлъ ее, и еще больше, что... Простите этому черезъ-чуръ искреннему признанію человѣка, который любитъ васъ очень нѣжно, хотя совершенно иначе.

Михайловское.

4.

(Тоже. 22 сентября 1825).

Ради Бога, не отсылайте къ г-жѣ Осиповой письма, найденнаго вами въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно въ назиданіе вамъ. Оставьте это письмо у себя, а иначе вы насъ поссорите... Я было хотѣлъ помирить васъ, но послѣ вашихъ послѣднихъ сумасбродствъ, потерялъ всякую надежду на это... Кстати, вы клянетесь мнѣ всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы на ты съ своимъ двоюроднымъ братомъ, вы говорите ему: я презираю твою мать... Это ужасно! Слѣдовало сказать: вашу мать, а еще лучше, ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Право, ревность въ сторону, я совѣтую вамъ прекратить эту переписку,—совѣтую какъ другъ, преданный вамъ истинно, безъ всякихъ фразъ и уловокъ. Не понимаю, что за цѣль у васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ (къ тому же не поэтомъ), и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Вы сами знаете, что я находилъ это кокетство очень естественнымъ въ то время, когда онъ былъ подлѣ васъ, потому что надо же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ ли? Переписку—прочь! а я ручаюсь вамъ, что отъ этого любовь его не уменьшится... Теперь скажите—серьезно ли вы одобряете мой проектъ? Анета въ ужасъ пришла, когда узнала о немъ, а у меня голова кружится отъ радости. Но я не вѣрю въ счастіе—и это очень понятно; не вѣрю я, чтобъ вы, ангелъ любви, захотѣли разубѣдить мою невѣрующую и увядшую душу. Но, по крайней мѣрѣ, пріѣз-

---

* По словамъ А. П. Кернъ, въ одномъ письмѣ къ Осиповой Пушкинъ выразился такъ: «Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même: elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!» (Хотите ли знать, что за женщина г-жа Кернъ? у нея гибкій умъ, она понимаетъ все; легко огорчается и утѣшается точно также; застѣнчива въ пріемахъ, смѣла въ поступкахъ; но чудо, какъ привлекательна!).

lib.pushkinskijdom.ru

жайте въ Псковъ; вамъ это такъ легко.—При одной мысли объ этомъ, сердце мое бьется, въ глазахъ темнѣетъ, я весь изнемогаю... Неужели она, какъ и многія другія мысли, останется тщетной надеждой?... Но къ дѣлу. Прежде всего вамъ нуженъ предлогъ, напр. болѣзнь Анеты, какъ вы думаете? Или не поѣдете ли вы въ Петербургъ?—вѣдь тогда вы мнѣ дадите знать объ этомъ; да?—Не обманывайте меня, милый ангелъ! если бъ вы знали, какъ я благословляю васъ за то, что разстанусь съ жизнью, извѣдавъ счастье!—Не говорите мнѣ объ удивленіи—это не чувство... Говорите мнѣ о любви—я жажду ея. А главное—ни слова о стихахъ. Совѣтъ вашъ—писать къ его величеству—тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ... на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать... Пусть сама судьба распоряжается моею жизнью—я ни во что не хочу вмѣшиваться... У меня только и есть дорогаго, что надежда еще увидѣть васъ все еще прекрасной и молодою.. Еще разъ, не обманывайте меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки—поэтому я поѣду въ Тригорское. Вашъ планъ—выдать замужъ Анету, чтобы имѣть у нея прибѣжище—восхитителенъ, но я еще не сообщилъ его ей. Ради Бога, отвѣчайте на главные пункты этого письма—и только тогда я повѣрю, что свѣтъ стоитъ еще того, чтобы жить.

5.

Вы приводите меня въ отчаяніе. Я было принялся писать вамъ глупости. надъ которыми вы бы умерли со смѣху,—и вотъ ваши строки вдругъ нагнали на меня грусть. Пожалуйста, постарайтесь отдѣлаться отъ своихъ спазмовъ, которые очень идутъ къ вамъ, но которые—предупреждаю васъ—ни къ чорту не годятся. Отчего вы все заставляете меня бранить васъ?—Если у васъ рука болитъ, не надо было писать мнѣ... Что за сумасбродка!

Скажите, однако, что же такое сдѣлалъ бѣдный мужъ вашъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ?—Что жъ, я сознаюсь, что онъ былъ бы правъ въ этомъ случаѣ: вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите беречь людей... А хорошенькая женщина всегда властна... быть властной...* Боже меня избави читать вамъ проповѣдь, но вѣдь согласитесь, что надо сколько нибудь оказывать уваженія мужу—иначе, никому не захотѣлось бы въ мужья. Не слишкомъ прибѣгайте къ насилію, это необходимо для свѣта. Послушайте, я говорю съ полной откровенностью: за 400 верстъ вы нашли средство заставить меня ревновать... что же было

* Или: «быть любовницею»—непереводимая игра словъ

lib.pushkinskijdom.ru

бы въ четырехъ шагахъ?* — Простите, божество мое, что я не стѣсняясь, высказываю вамъ мой образъ мыслей—это доказательство самаго искренняго участія; я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Постарайтесь же какъ нибудь поладить съ этимъ проклятымъ Керномъ. Согласенъ, что онъ не геній, но вѣдь и не идіотъ же онъ. Кротость, кокетство (а главное, ради Бога, отказы и отказы)—повергнуть его къ ногамъ вашимъ—мѣсто, которому я завидую отъ всей души... Но что же дѣлать?—Отъѣздъ Анеты привелъ меня въ отчаяніе. — Во что бы то ни стало, вы должны нынче осенью пріѣхать сюда или хоть въ Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Анеты. Какъ вы думаете объ этомъ? Пишите, умоляю васъ, но ни слова не говорите объ этомъ А. Вульфу. Такъ пріѣдете? да? а до тѣхъ поръ не рѣшайте ничего насчетъ вашего мужа... Вы молоды, передъ вами цѣлая будущность, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые никогда не совѣтуютъ рѣшиться на сильную и рѣзкую мѣру... иногда это необходимо— но прежде надо поразсудить хорошенько и не дѣлать безполезной огласки.

Прощайте; теперь ночь и передо мною носится вашъ образъ, полный грусти и сладострастія; я будто вижу ваши глаза, полураскрытый ротикъ. Прощайте... мнѣ чудится, что я у ногъ вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую ваши колѣна... о, я бы отдалъ всю кровь свою за минуту дѣйствительности! — Прощайте и вѣрьте моему безумному бреду... онъ смѣшонъ, но искрененъ.

6.

Приписка въ письмѣ Анны Никол. Вульфъ.

Анна Петровна, я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну— она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь вашъ—Яблочный пирогъ.

7.

(8 декабря 1825).

Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ пріобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть—всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекутся въ незабвенныя черты. Васъ

---

* Зачеркнуто: NB. Весьма желательно мнѣ знать, почему вашъ двоюродный братъ выѣхалъ изъ Риги только 15 числа нынѣшняго мѣсяца, и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ письмѣ ко мнѣ? Отложивъ нескромность: нельзя ли это узнать?

lib.pushkinskijdom.ru

буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Лейлѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно-прекрасенъ. Итакъ васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы ангелъ-утѣшитель, а я не что иное, какъ неблагодарный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ; мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда нибудь. Можетъ быть происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ; она не иное что, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знайте, что подъ его чертами я представляю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно. — 8 декабря.—Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасы, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что снова порецѣловываю ихъ въ ожиданіи еще лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны и проч.

Всѣ письма къ Керн писаны по французски).

---

8. изъ альбома А. П. Кернъ (1828).

I.

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестной,
То тебѣ подобенъ онъ.
Я скажу тебѣ резонъ
«Невозможно!»

II.

Amour, exil—
Какая гиль!

III.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть.

IV.

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она...*

---

* Два стиха Подолинскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!»

V.

(ея сестрѣ).

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

XXXVII. КЪ ИВАНУ МАТВѢЕВИЧУ РОКОТОВУ.

Милостивый государь. Я считалъ бы долгомъ послать вамъ свою коляску, но въ настоящую минуту не имѣю въ моемъ распоряженіи лошадей. Если вы хотите за нею прислать—она къ вашимъ услугамъ. Если вашъ братъ окажетъ мнѣ честь и завернетъ ко мнѣ, я буду очень радъ его принять и возобновить такое пріятное знакомство.

Что касается до цѣны, то я хотѣлъ бы ее продать за 1500, какъ я уже имѣлъ честь вамъ сказать.

Впрочемъ я положусь вполнѣ на рѣшеніе вашего брата.

Примите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и полномъ уваженіи.

Вашъ покорный слуга, милостивый государь,
Александръ Пушкинъ.

P. S. Отецъ мой вамъ кланяется. Онъ надѣется въ слѣдующій разъ имѣть двойное удовольствіе принять въ Михайловскомъ васъ и вашего брата.*

Среда.

(Написано по французски).

XXXVIII. КЪ НИКОЛАЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПОЛЕВОМУ.

1825—1831.

1.

(Изъ Михайловскаго. 2 августа 1825).

Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ

---

* Рокотовы—сосѣди Пушкина по Михайловскому. Время, къ которому относится это письмо, неизвѣстно.

lib.pushkinskijdom.ru

покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи—это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ они понравились публикѣ.[1]

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе.—Александръ Пушкинъ.

2-го августа. Михайловское.

(На письмѣ штемпель: «Опочка. 5 августа 1825 г.» рукою Полеваго отмѣчено: «получ. 15 августа 1825 г.»).

2.

(Въ Москвѣ. 27 марта 1830).

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ знать, что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ.[2] Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь вашъ А. Пушкинъ.

27-го марта 1830 г. Москва.

(Адресъ: «Николаю Алексѣевичу Полевому»).

3.

(1 января 1831).

Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ; искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа, пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе[3] не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1 янв. 1831.

---

[1] Въ М. Телеграфѣ 1825 г. были напечатаны двѣ эпиграммы, отрывокъ «Цыганъ», «Телега жизни» и «Въ альбомъ» (Если жизнь тебя обманетъ), а въ 1826 г. Элегія (Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный), потомъ эпиграммы на Каченовскаго.

[2] Пушкинъ былъ избранъ членомъ Общества любителей россійской словесности.

[3] Послѣ этого зачеркнуто: «не имѣ».

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX. КЪ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

1825—1829.

1.

(Изъ Михайловскаго. Сентябрь 1825).

Гдѣ вы? Изъ газетъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ. Желаю, чтобъ это васъ забавляло. Что вашъ братъ? Вы ничего не говорите мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лечится ли онъ?

Вотъ что касается до меня: друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобъ получить мнѣ дозволеніе полечиться; мать писала къ его величеству и затѣмъ я получилъ дозволеніе отправиться въ Псковъ и даже тамъ жить, но я не намѣренъ воспользоваться этимъ; съѣзжу туда только на нѣсколько дней. Покамѣстъ же я совершенно одинокъ: единственная сосѣдка, которую я посѣщалъ, уѣхала въ Ригу, и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей; послѣдняя подвигается и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ. Классики и романтики основывали его законы на правдоподобіи, а оно-то и исключается самой сущностью драмы. Не говоря уже о времени и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, будто бы невидимыхъ для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напримѣръ, Филоктетъ у Ля-Гарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи» и проч. Вспомните древнихъ, и трагическія ихъ маски съ двойными лицами—все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія. 3) Время, мѣсто и проч. и проч. Истинные геніи трагедій никогда не хлопотали о правдоподобіи. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ». А! вы желаете закона 24-хъ часовъ? Извольте! — и за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего безполезнѣе, по моему мнѣнію, маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ: Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ и считаетъ, что произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какое ребячество!

Правдоподобіе положеній и истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у жен-

lib.pushkinskijdom.ru

щинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова Озлобленнаго: «онъ заплатилъ!» (ha pagato). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость—развѣ это естественно? Отсюда и неловкость и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Вы меня спросите: трагедія моя характерная или костюмная? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Это способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась—я могу творить.

(Писано по французски).

2.*

(1827 г.).

Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ Годунова. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозрѣваемыя.

Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣд-

* Кстати приводимъ этотъ набросокъ письма, имѣющаго соотношеніе къ предъидущимъ и послѣдующимъ письмамъ къ Раевскому.

lib.pushkinskijdom.ru

ные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюся, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.....

....Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго...

Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ...

Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника* отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давноминувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ

* Отсутствіе указанія на годъ показываетъ, что эти строки писаны въ годъ выхода книжки, т. е. въ 1827 году.

lib.pushkinskijdom.ru

прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ...

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное равнодушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жъ вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ риемъ назваться стихами. Г-нъ Загоскинъ предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго Журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики...

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что г-нъ Загоскинъ и публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны...

3.

(Изъ Петербурга. 30 января 1829).

Вотъ моя трагедія, такъ какъ вы непремѣнно этого хотите, но я требую, чтобъ прежде ея чтенія вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ—sine qua non.

По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ пафосомъ и проч... Стиль ея — смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось наскоро и будетъ исправлено при первой перепискѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ любви; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было высказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть—честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попробовавъ царской власти,

lib.pushkinskijdom.ru

упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращусь къ ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно какая полька, какъ...

Гаврило Пушкинъ—одинъ изъ моихъ предковъ; я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ въ числѣ семи начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ Думѣ, рядомъ съ Кузьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, короновавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ «Погорѣломъ Городищѣ»: онъ выжегъ городъ, ввидѣ наказанія, не знаю за что именно, по образцу проконсуловъ національнаго собранія.

Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ бояръ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ и замѣтьте, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтрености, которая отличала этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осыпаетъ почестями и щедротами. Что же дѣлаетъ Шуйскій, чуть было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ—и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушенъ и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушенъ къ религіи; оба они изъ политическихъ видовъ отступаются отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксеніи на его совѣсти—

lib.pushkinskijdom.ru

правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей священной обязанностію не вѣрить ему.

Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова—патріархъ, конечно, былъ человѣкъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его простакомъ.

Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи—и если бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ бы скандалъ—это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ (словесности). Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, подразумѣваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напр. Филоктетъ у Ля-Гарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи». Все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія? Истинные геніи трагедіи никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ»: а! вы желаете закона 24 часовъ! Извольте! И за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе.*

1829. 30 января.

(Писано по французски).

XL. КЪ ВИЛЬГЕЛЬМУ КАРЛОВИЧУ КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

(Изъ Михайловскаго. Декабрь 1825).

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, надѣялся найти въ ней письмо. Я трясъ, трясъ ее и ждалъ не выпадаетъ ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ «Духовъ», (Calembourl reconnais tu le sang?),

---

* Въ концѣ письма было поставлено S. P. b. зачеркнуто 30 j., вѣроятно janvier, ибо январь 1829 Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, а въ мартѣ уже уѣхалъ на Кавказъ.—Письма взяты съ черновыхъ набросковъ и первое вѣроятно не было отправлено, ибо часть его содержанія вошла въ послѣднее.

lib.pushkinskijdom.ru

сперва про себя, а потомъ и въ слухъ.[1] Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! неправда ли? Все равно, критикую. Ты сознаёшься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. Зато Калибанъ—прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго![2] Это простительно Шертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому—и рада.

«Сиръ—слово старое, прочтутъ иные сыръ» etc.[3] очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъ стада главы моей (вшей)?[4] Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc.—Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ попрежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу, — но, вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой раз-

---

[1] Въ письмѣ къ Бестужеву, отъ 30 ноября 1825 г., Пушкинъ пишетъ, что еще не получилъ пьесы Кюхельбекера, а послѣ 14 декабря не могъ бы написать такого письма, слѣд. его надо отнести къ первой половинѣ декабря.

[2] «Поэтъ» Кюхельбекера, сочиняя стихи, дѣйствительно пародируетъ «Жалобы Цереры» и монологи изъ «Орлеанской Дѣвы» въ переводѣ Жуковскаго.

[3] При своемъ стихѣ: «Грустенъ я, унылъ и сиръ». Поэтъ у Кюхельбекера замѣчаетъ:

Сиръ? слово старое; прочтутъ иные сыръ;
Сиръ никого не тронетъ;
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякой сыръ!
Сиръ! Слово сиръ мою элегію уронитъ.

[4] Я всегда въ уединеніи
Пасъ стада главы своей,
Васъ, созданья вдохновенія, и пр. (Шекспировы Духи).

lib.pushkinskijdom.ru

боръ и смотря на твой разборъ—бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай... Больше не буду! Не бей меня.

(Четвертка сложенная пакетомъ, съ надписью «Кюх.»).

XLI. КЪ ИВАНУ ЕРМОЛАЕВИЧУ ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

1826—1828.

I.

(Изъ Михайловскаго. Мартъ 1826).

Милостивый государь Иванъ Ермолаевичъ.[1]—Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина[2] получилъ и перечитываю все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣстъ и за то.

Кланяюсь князю Циціанову;[3] жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

(На черномъ сургучѣ извѣстная Пушкинская печать-талисманъ. Почтовый штемпель: «Опочка 1826. Марта 11»).

2.

(Изъ Преображенскаго. 3 іюня 1826).

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ
500 рублей, проигранныхъ тобою,

---

[1] Великопольскій (1796—1868), плохой стихотворецъ, болѣе былъ извѣстенъ своими неудачными предпріятіями и спекуляціями.

[2] Изданы въ Петербургѣ въ 1826 г., подъ заглавіемъ: «Досуги сельскаго жителя, стихотворенія русскаго крестьянина Ѳедора Слѣпушкина».

[3] Армейскій офицеръ князь Ѳедоръ Ивановичъ Циціановъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою,
Сейчасъ, мой другъ, увидишь почему.

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно Александра Пушкина.

3 іюня 1826. Преображенское.

(Написано на отдѣльномъ лоскуткѣ, а не по почтѣ).

3.

(Изъ Петербурга. Апрѣль 1828).

Любезный Иванъ Ермолаевичъ. Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ въ отвѣтъ на мою шутку.* Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться.

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ,

и ваше примѣчаніе—конечно личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мѣрѣ отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю гл. Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. — Простите. — Весь вашъ А. П.

(Надписано Пушкинымъ: «Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Енгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост И. Е. Великопольскому». Рукою Баратынскаго: «На Большой Екиманкѣ, у Калужскихъ воротъ, въ д. Еремеевой»).

---

* Обидѣвшись стихами Пушкина за «Посланіе къ автору Сатиры на игроковъ» (см. т. 2), напечатанное въ № 30 «Сѣв. Пчелы» 1828, Великопольскій прислалъ Булгарину просто уже пасквиль на Пушкина, который и не дозволилъ его напечатанія, какъ «личности».

lib.pushkinskijdom.ru

XLII. КЪ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ.

1826—1836.

1.

(Изъ Михайловскаго. Въ ноябрѣ 1826).

Милый Николай Михайловичъ—сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское — спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго—Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія! Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ мой цензоръ, выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О цензурномъ уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа

Получили ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ—пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

2.

(Изъ Москвы. 21 ноября 1826).

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода—вамъ достойному пѣвцу того и другова—пишу однако жъ изъ Москвы—куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ что я участвую въ «Моск Вѣстникѣ», слѣдственно и вы также. — Адресуйте же ваши стихи въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія.—Непремѣнно будьте же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется.

Я усталъ и боленъ—потому вамъ и не пишу болѣе—Вульфу кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство.

21-го ноября.

Тригорское ваше съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № Моск. Вѣстн.—Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи.—Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу—жаль, но что жъ дѣлать.—

3.

(Изъ Петербурга. 14 іюля 1827).

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,

lib.pushkinskijdom.ru

Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино—
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ—
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ остался я.—
Ахъ юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю—
Прости, пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву русскаго дворянства.

Стиховъ, ради Бога стиховъ! Душа проситъ. — Простите, желалъ бы сказать до свиданія.

14 іюля. С. П. Б. *

4.

(Изъ Петербурга. 18 ноября 1831).

Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные

* Сохранился черновой отрывокъ изъ письма Пушкина, писаннаго около этого же времени, гдѣ говорится о Языковѣ: «Съ чувствомъ искреннимъ удовольствія получилъ я отъ васъ перваго почт. м. поправокъ моихъ... Обстоятельства не дозволяли мнѣ до сихъ поръ вамъ отвѣчать, къ тому же я ждалъ отъ Языкова обѣщанныхъ стиховъ, надѣясь тѣмъ васъ одолжить и заслужить болѣе снисходительности къ моимъ безобразіямъ».

lib.pushkinskijdom.ru

стихи, если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; надняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія имъ привезенныя очень утѣшительны; тысяча пробитая вами очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ по прежнему прекрасны.—Торопите Вяземскаго: пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ.—А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? друзья его! ей Богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною.

Онъ говоритъ

Приближася похода къ знаку
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль
Я пѣлъ при старости Іюль

и проч. въ томъ же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

5.

(Изъ Болдина. 26 сентября 1834).

Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича,[1] который къ сожалѣнію пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково,[2] быть свидѣтелемъ его свадьбы, обѣщаясь употребить меня съ пользою—но мнѣ не возможно—жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ приняться за альманахъ, или паче за журналъ, я не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? Сами ви-

[1] Братъ Н. М. Языкова. [2] Симб. губ., Карс. у., имѣнье Н. М. Языкова.

lib.pushkinskijdom.ru

дите: щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую Набережную въ домъ Баташева—у Прачечнаго моста.—Ал. Мих. изволитъ спѣшить—и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ — А. Пушкинъ.

26 сент. С. Болдино.

Искреннее мое почтеніе и мой поклонъ Петру Михайловичу.

6.

(Изъ Михайловскаго. 14 апрѣля 1836).

Отгадайте откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? изъ той стороны гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ[1] пировали мы втроемъ—вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы съ Эммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ — и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны,[2] нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ дебелой жены въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ. — Поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, Тверской Ловлясъ—по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ.—Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнитесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. — Изъ статей критическихъ моя одна: О Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. —Посланіе къ Давыдову[3]—прелесть! Нашъ боецъ чернокудря-

---

[1] Лѣтомъ 1826 года Языковъ гостилъ у Пушкина. [2] Сестра Алексѣя Вульфа, вышедшая за барона Вревскаго. [3] См. 2-ю часть стихотвореній Н. Языкова, 1858 г., стр. 56. Посланіе было помѣщено въ «Моск. Наблюд.» за 1835.

lib.pushkinskijdom.ru

вый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ, опять его вымылъ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи—прощайте — пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новоселье (помнится) и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: Живи и жить давай другимъ. Весь вашъ Ал.

14 апр.

Пришлите мнѣ ради Бога стихъ объ Алексѣѣ Бож. человѣкѣ и еще какую нибудь легенду—нужно.

(Адресъ: «Николаю Михайловичу Языкову, въ Симбирскую губ., въ село Языково, въ Корсунь». Почтовый штемпель: Въ Карсуне получено 7 маія 1826. «Sober»).

XLIII. КЪ СЕРГѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СОБОЛЕВСКОМУ.

1826—1829.

1.

(Изъ Пскова. Въ ноябрѣ 1826).

Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однако жъ, прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову.[1] Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали.[2] Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ.—Съ Погодинымъ уговорился снова.

Перешли письмо Зубкову[3] безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ; покамѣстъ, сижу или лежу въ Псковѣ. Мнѣ пишутъ. что ты боленъ; чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

---

[1] За чтеніе въ Москвѣ «Бориса Годунова» и пр. См. письма Вѣнкендорфа. Р. Стар. 1874, № 8. О Соболевскомъ см. Р. Архивъ 1878, № 11.

[2] См. письмо къ Погодину отъ 29 ноября 1826.

[3] Вас. Петровичъ, женатый на родственницѣ Пушкина, который въ 1826 г. останавливался въ его домѣ въ Москвѣ и тамъ между прочимъ написалъ свои «Стансы» (Въ надеждѣ славы и пр.).

lib.pushkinskijdom.ru

2.

(Изъ Петербурга. 1827).

Если бы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу,[1] то я безъ хлопотъ ее бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ—и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный.

Что ты Ольдекопничаешь и Воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полеваго и проч. —

Хорошъ!

3.

(Изъ Петербурга. 15 іюля 1828).

Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ[2] и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыгане мои не продаются вовсе, деньги же эти—трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго.[3] Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть, по одёжкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай, мой другъ.

15 іюля.

4.

(9 ноября 1828).

Во-первыхъ—запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

---

[1] Онѣгина, которую Соболевскій по порученію автора печаталъ тогда въ Москвѣ; между тѣмъ 3-ю главу Пушкинъ успѣлъ уже напечатать въ Петербургѣ.

[2] Смерть матери Соболевскаго. Сыну она оставила много денегъ, но огромныя имѣнія перешли законнымъ наслѣдникамъ—Давыдовымъ и Апраксинымъ.

[3] Сергѣй Дмитріевичъ, извѣстный библіофилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари.
На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отвѣдай,
И отправься на легкѣ.
Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ—
То-то другъ мой растаращитъ
Сладострастный свой глазокъ:
Поднесутъ тебѣ форели,
Тотчасъ ихъ варить вели.
Какъ увидишь—посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси, есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ—

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

9 ноября.

5.

(Изъ Петербурга. 1829).

Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные

lib.pushkinskijdom.ru

сроки. Что, душа моя Калибанъ?[1] Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу?[2] Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всякомъ случаю въ Петербургѣ не остаюсь.

XLIV. КЪ МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

1826—1836.

1.

(Изъ Пскова. 29 ноября 1826).

Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемелется и будетъ мука́, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

2.

(1827).

Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ къ Языкову — тисните,[3] но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ № не помѣщусь.

3.

(Изъ Михайловскаго. Осень 1827).

Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шапку. Фаустъ и другіе стихи не

---

[1] Дѣйствующее лицо въ «Бурѣ» Шекспира. Этимъ именемъ Пушкинъ прозвалъ Соболевскаго.

[2] IV и V главы вышли вначалѣ 1829 г. «Атеней» издавался московскимъ профессоромъ М. Г. Павловымъ.—Иванъ Савельичъ—извѣстный въ то время московскій шутъ, о которомъ подробности см. въ Запискахъ Селиванова (Р. Стар. 1882, № 3).

[3] Напечатано въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 9.

lib.pushkinskijdom.ru

вышли еще изъ подъ цензуры; [1] коль скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы!

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ, и пр. (См. т. II).

4.

(Изъ Михайловскаго. 31 августа 1827).

Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. [2] Скажите это отъ меня господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени, впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію!!! [3] Et tu, Brute!.. Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Пѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? quod liced Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Уранiи, давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ дико-

---

[1] Ангелъ, Стансы, 3-я гл. Онѣгина, Фаустъ и Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ были предоставлены самимъ Пушкинымъ Бенкендорфу въ іюнѣ 1827 г., а возвращены изъ этой цензуры въ августѣ. (Р. Ст. 1876, № 8).

[2] Эти стихи теперь напечатаны; «Да модная болѣзнь» и пр.

[3] Погодинъ издалъ альманахъ подъ этимъ заглавіемъ на 1826 годъ, но на 1827-й годъ изданіе не состоялось.

lib.pushkinskijdom.ru

винку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка Переправа въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвально одно ревностное трудолюбіе, а хорошее однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ, отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сѐрдитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ; но что все собираюсь загладить свою вину—не знаю, увижу ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать зимою въ бѣлокаменной... Весь вашъ безъ церемоній.

31 августа. Михайловское.

PS. Еще слово: изданіе Ураніи, ей Богу, можетъ хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя «Благонамѣреннаго»; онъ совершенно правъ — публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно, какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе, но сіе было бы стыдно Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

5.

(Въ концѣ 1827).

Теперь я долженъ передъ вами вѣло извиняться за долгое молчаніе.—Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь много овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго (кромѣ Голубые глаза, взятые для Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы * пропущенные—на дняхъ

* Напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828, № 1.

lib.pushkinskijdom.ru

пришлю Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней альманашной жатвы, а писать еще некогда.—Весь вашъ А. П.

Я не лишенъ правъ гражданства, и могу быть цензурованъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ нрав. четверостишіемъ я къ высшему начальству не полѣзу — скажите это имъ.

6.

(19 февраля 1828).

Вы конечно правы, и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ.—Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ—печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило, не трогать, чего знаете.—Впрочемъ здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ! витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь и, какъ говоритъ Третьяковскій, «плюньте на суку»...

19 февраля.

На дняхъ пришлю вамъ прозу—да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

7.

(Изъ Петербурга. 1 іюля 1828).

Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна.—Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси:—должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте.—Честь и слава милому

lib.pushkinskijdom.ru

нашему Шевыреву.[1] Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно надѣюсь дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Ѳедорова. Я здѣсь надосугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ «Мысли», одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и N. N.... каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ. Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?... въ бытность свою въ С.-Петербургѣ со мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ и между нами. Т. добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану[2]—на дняхъ пишу къ нему—пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ—за симъ обнимаю васъ отъ сердца.—
1 Іюля.

Кстати, похвалите Славянина, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а N. N. Русской Академіи.—На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ бѣлокаменную съ Богомъ.
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ,
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну въ Аѳиней—что Аѳиней?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

8. Одиннадцать записокъ.

(Въ Москвѣ. Май 1830).

1. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда.[3]—А. П.

2. Могу ли къ вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги?

---

[1] Онъ напечаталъ разборъ Елены, изъ 2 ч. Фауста.

[2] С. А. Соболевскій; см. выше, стр. 257.

[3] Пушкинъ просилъ взаймы на уплату карточнаго долга; у Погодина денегъ не было и онъ обѣщалъ ихъ занять у Надеждина или кого другаго.

lib.pushkinskijdom.ru

У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не даетъ, а даритъ, кому захочетъ, такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (прости Господи мое прегрѣшеніе).

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ уничтожилъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ карреи кагульскія.[1]

3. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками.—Завтра увижу ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? (Въ трагедіи, понимается).[2]—А. П.

4. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 pr. c. или на шесть мѣсяцевъ по 5 pr. c.—Что четвертое дѣйствіе (Петра)?—А. П.

5. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

6. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ?[3]—А. П.

7. Если уже часть, такъ бо́льшую ради Бога.—А. П.

8. Надеждинъ хоть изрядно насъ тешитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было бы если (бъ) онъ теперь потѣшилъ—двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc.—Весь вашъ etc.

9. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 р. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ я не обязался именно къ которому числу.—Весь вашъ А. П.

10. Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму.—А. П.—Четвергъ.

11. Сердечно благодарю васъ, любезный Михайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ.—Какъ вамъ кажется письмо Чадаева?[4] И когда увижу васъ?

---

[1] Пушкинъ поправляетъ ошибку, сдѣланную въ Моск. Вѣстникѣ».

[2] Трагедія «Петръ I».

[3] Игра словъ: «Надоумко—псевдонимъ Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы» гдѣ онъ иногда до неприличія бранилъ Пушкина. Отсюда опять каламбуръ въ слѣдующей запискѣ: тешитъ (отъ тесать) и тѣшитъ.

[4] Рядъ философическихъ писемъ Чаадаева къ г-жѣ Пановой, урожденной Улыбышевой, былъ написанъ въ теченіе 1828 — 1829 годовъ, и письма эти тогда же распространились въ рукописяхъ. Впослѣдствіи только первое изъ нихъ, въ переводѣ Н. Х. Кетчера съ французскаго оригинала, было напечатано въ «Телескопѣ» 1836 г., что и повлекло запрещеніе журнала, ссылку редактора, отставку цензора и объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

9.

(Изъ Болдина. Декабрь 1830).

Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руку и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукьяновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы надосугѣ васъ раскритиковалъ.— А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Паѳмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ—но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы—не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную. (Приложено стихотвореніе «Герой»).

Дек. 1830.

10.

(Изъ Болдина. Декабрь 1830).

Я было опять къ вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ, смотритель, увидѣвъ, что я ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Мареу—и прочелъ ее два раза духомъ. Ура!—Я было признаюсь боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ—я все-таки при томъ же мнѣніи: Мареа имѣетъ европейское, высокое достоинство.—Я разберу ее какъ можно пространнѣе.—Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе.—Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете какъ

lib.pushkinskijdom.ru

Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его—усѣченій, сокращеній—тьма. Но знаете ли? и эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе.—Разумѣется сообразно съ духомъ его.—И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность—Скоро ли выдетъ ваша Марѳа? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другаго изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто. Разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику—вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего.—Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное—остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вамъ покорнѣйшій пономарь.—А. П.

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на царя (и по дѣломъ), а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите до свиданія. Поклонъ Языкову. Что за прелесть сцена пословъ. Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? А посадникъ? А князь Шуйскій? А князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства Шекспировскаго.

(Слѣдуетъ разборъ трагедіи «Марѳа Посадница». См. томъ V).

11.

(1831).

Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Нікодіму Недоумкѣ, приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка. — Выдавайте жъ Марѳу.

lib.pushkinskijdom.ru

12.

(Изъ Царскаго Села. Лѣто 1831).

Сердечно благодарю васъ и за письмо и за старую Статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено, оно будетъ вѣроятно убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ самый неаккуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Холера и смерть цесаревича насъ совершенно смутили. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно...., ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полеваго.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

13.

(Изъ Петербурга. 11 іюля 1832).

Исполнивъ коммиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы:

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика конечно ниже даже и публики, не только самой литературы— сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народной успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ. я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живаго, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей... Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое вѣроятно никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были увалкать N., N., N.? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каково бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите

lib.pushkinskijdom.ru

его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! * Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля 1832.

14.

(Изъ Петербурга. 5 марта 1833).

По секрету.

Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники.—Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью — вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать и я поспѣшу все здѣсь окончить. — Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

1833. 5 марта.

15.

(Изъ Петербурга. 6 апрѣля 1834).

....Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много

---

* Алекс. Александровичъ Шишковъ тогда издалъ «Избранный нѣмецкій театръ» (4 части. М. 1831). Фортунатъ, драматическая сказка Людвига Тика, въ 3-й части этого изданія.

lib.pushkinskijdom.ru

про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ.

(Надпись на конвертѣ: 1834. Апрѣля 7).

16.

(Изъ Михайловскаго. 14 апрѣля 1836).

Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ въ слѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ.[1] Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили.—Статья о вашихъ Афоризмахъ[2] писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С.-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ — порыться въ архивѣ, и свидѣться съ вами. — Весь вашъ А. П.[3]

14 апрѣля. Михайловское.

XLV. КЪ ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ СНЕГИРЕВУ.

(Въ Москвѣ. Апрѣль 1829).

М. г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было

---

[1] Смерть матери, тѣло которой Пушкинъ провожалъ въ Святогорскій монастырь, а оттуда отправился въ свою деревню.

[2] Историческіе афоризмы М. Погодина, М. 1836. Статья объ этой книгѣ напечатана въ 1-й кн. Современника 1836, стр. 296—302.

[3] Судя по нумераціи писемъ въ Москвитянинѣ 1842 г., № 10, гдѣ они были первоначально помѣщены, у г. Погодина имѣлось еще 14 ненапечатанныхъ; именно 12 послѣ № 7 (нашей нумераціи), 1 послѣ № 2, 1 послѣ № 12 и начало № 15-го. Не замѣщается ли первый пробѣлъ отчасти 11-ю записками (№ 8), помѣщенными въ «Утрѣ» 1868.

lib.pushkinskijdom.ru

напечатано и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. — А. Пушкинъ.

(Помѣта Снегирева: «Пол. апр. 9, 1829 г.»).

XLVI. КЪ МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗАГОСКИНУ.

1830—1834.

1.

(Изъ Петербурга. 11 января 1830).

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго.[1] Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы и пр.

Января 11-го, 1830. Спб.

2.

(Изъ Петербурга. 9 іюля 1834).

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе и не слыхали отъ меня спасибо.[2] Вы имѣете полное право считать

---

[1] Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій; но статья была написана самимъ Пушкинымъ (см. т. V).

[2] Говорится вѣроятно о романѣ Загоскина «Аскольдова Могила», вышедшая въ концѣ 1833 г. Кстати замѣтимъ, что одинъ изъ бывшихъ прикащиковъ Смирдина сообщилъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» 1878, № 168, «достовѣрное» свѣдѣніе, будто Пушкинъ, пріѣдя однажды въ магазинъ, написалъ два четверостишія на обложкѣ «Аскольдой Могилы» и на портретѣ О. П. Ковалевва. Оказалось, что стихи М. П. Бестужева и давно ужъ были напечатаны.

lib.pushkinskijdom.ru

меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ,[1] очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.—А. Пушкинъ.

9-го іюля 1834.

XLVII. КЪ АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕРСТОВСКОМУ

(Изъ Болдина. Въ концѣ 1830).

Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ; въ вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружескаго. И такъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго[2] не предается унынію (для чего нехудо поссориться ему съ Павловымъ,[3] яко съ лицомъ унынію наводящимъ).

---

[1] Вантрилокъ Александръ Ваттемаръ, дававшій тогда свои представленія въ Петербургѣ. Въ его альбомѣ Пушкинъ написалъ: «Votre nom est legion, car vous êtes plusieurs.—79 juin v. st. 1834. St. Pétersbourg. A. Pouchkine», (См. Р. Стар. 1880 № 5, 96, и № 9, 221).

[2] Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. Сказка о его будто бы окрикѣ на Пушкина помѣщена въ Р. Архивѣ 1874, № 3, с. 799.

Николай Филипповичъ. Объ отношеніяхъ его къ Нащокину см. Куликова въ Р. Старинѣ 1880, № 12.

lib.pushkinskijdom.ru

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно....

XLVIII. КЪ ПАВЛУ ВОИНОВИЧУ НАЩОКИНУ.[1]
1830—1836.

1.

(Въ Москвѣ. Декабрь 1830).

Сей часъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ[2] и коли можешь достань съ свой стороны тысячи двѣ.

2.

(Изъ Петербурга. Май 1831).

Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ, (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ[3] сей часъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправлю тебѣ 2000 р. для Горчакова; не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что́ ты дѣлаешь, душка? Что твоя ховяйка? Что Марья Ивановна,[4] спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

---

[1] П. В. Нащокинъ, внукъ автора извѣстныхъ «Записокъ», подружился съ Пушкинымъ еще въ царскосельскомъ лицеѣ. Онъ умеръ въ Москвѣ 6 ноября 1854 г.

[2] Мой—потому что Пушкинъ купилъ у него шаль для невѣсты. Ср. т. IV, стр. 379.

[3] Александръ Юрьевичъ—былъ женихомъ одной изъ свояченицъ Пушкина.

[4] Экономка, жившая у Пушкина въ Москвѣ послѣ его свадьбы; далѣе подъ «домомъ» Пушкинъ подразумѣваетъ оставленную квартиру.

lib.pushkinskijdom.ru

3.

(Тоже. Май 1831).

Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ Извини меня предъ Горчаковымъ;[1] онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

4.

(Изъ Царскаго Села. 1 іюня 1831).

Вотъ уже недѣля какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной. У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской,[2] и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка[3] его не надулъ—смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны,[4] и увезъ бы тебя

---

[1] Владиміръ Петровичъ—Кишиневскій знакомецъ.

[2] Она была родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина, родившейся во Франціи. Третья сестра, Софья, была за гр. Де-Местромъ.

[3] Аѳанасій Николаевичъ Гончаровъ.

[4] Цыганка, жившая у Нащокина. Объ отношеніяхъ къ ней и вообще о Нащокинѣ см. интересныя воспоминанія Н. И. Куликова: «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ». (Р. Старина 1880—1881).

lib.pushkinskijdom.ru

въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотернъ и пр.—Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другаго. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

1 іюня 1831 г.

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана («Странникъ»), очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

(На конвертѣ: получено іюня 6).

5.

(Тоже. 11 іюня 1831).

Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются ли письма? Пожалуста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй,[1] съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; пасилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы—и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили.[2] Ужасно, но надѣюсь не правда. Холера, говорятъ, всѣ не унимается. Правда ли, что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

11 іюня 1831 г. Царское Село.

---

[1] Извѣстный писатель Николай Филипповичъ. Объ игрѣ его съ Нащокинымъ см. у П. И. Куликова, Р. Стар. 1880, № 12.

[2] Матвѣй Евграфовичъ — виленскій генералъ-губернаторъ; слухъ былъ ложный.

http://pushkinskijdom.ru

6.

(Тоже. Іюнь 1831).

Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на оное; на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ[1] я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ же когда нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Сарское Село оцѣплено—такъ какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и тёща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ (Поливановъ)? Твое извѣстіе о немъ пасмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ «Заводахъ»[2] en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Александръ Юрьевичъ? Остылъ, или нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

(На конвертѣ: получено іюня 26).

7.

(Тоже. 26 іюня 1831).

Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ равнодушныхъ москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть; от-

[1] Доставлявшимъ вещи изъ Москвы въ Царское Село.

[2] Имѣніе Гончаровыхъ въ Калужской губерніи.

lib.pushkinskijdom.ru

перли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута.[1] Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости: теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій?[2] Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ горя? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь, ты скоро и моего образа. Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру.[3] Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи.[4] Кланяюсь и Андрею Петровичу.[5] Пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Дмитріевнѣ, Матренѣ Сергѣевнѣ[6] и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шолка. Все холера виновата.

26 іюня.

---

[1] Ср. письмо Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской. отъ 5 (17) іюля 1831 (Соч. его, V).

[2] Московскій картежный игрокъ, которому Пушкинъ остался долженъ по игрѣ. Кстати укажемъ на цѣлое дѣло о карточномъ долгѣ Пушкина, напечатанное въ Р. Старинѣ 1878, № 7. [3] Ѳедоръ Даниловичъ, московскій медикъ. [4] Къ чину. [5] Есауловъ, музыкантъ, незаконнорожденный сынъ Есаулова, собственно его фамилія была Петровъ. [6] Московскія цыганки.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

(Тоже. 21 іюля 1831).

Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ;[1] но это дѣло несбыточное: по крайней мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка!—Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу![2] Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ то критическомъ разговорѣ,[3] котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково. глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно—невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны....; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого.—Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожи-

---

[1] Начальникъ Кремлевской Экспедиціи; умеръ отъ холеры 15 іюля 1831 года.

[2] Рѣчь къ народу на Сѣнной площади.

[3] «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина, разговоръ». М 1831, 16 стр.—Очень рѣдкая брошюра. Разговоръ происходитъ между «Помѣщикомъ, проѣзжающимъ изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ», и «Вольнопрактикующимъ въ ономъ учителемъ русской словесности». Помѣченъ: «15 апрѣля 1831 г. Изъ Астрахани».

lib.pushkinskijdom.ru

даемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

21 іюля. 1831.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу ли что мнѣ слѣдуетъ къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.*

9.

(Тоже. 29 іюля 1831).

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что́ ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что́ и дешевле, и спокойнѣе.

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила вели-

---

* Вѣроятно къ этому долгу относится черновой набросокъ письма, сохранившійся въ бумагахъ Пушкина (ср. ниже письма 12 и 13): «Я охотно взялся бы выкупить векселя.... (но слѣдующіе вамъ 24.800 руб. обязанъ выплатить въ теченіе 4 лѣтъ)—но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣд..... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все что́ могу, за вашъ двадцатипятитысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% за годъ, т. е. 18 тысячъ рублей.... Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ и я не премину чрезъ кого вамъ будетъ угодно доставить вамъ....»

lib.pushkinskijdom.ru

аго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

29 іюля 1831.

10.

(Тоже. 3 августа 1831).

Отецъ и благодѣтель! На дняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно: да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ Пинскій? * Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ за неимѣніемъ живописца. За симъ прощенія просимъ.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ ломбардъ. Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

11.

(Тоже. 3 сентября 1831).

Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I.

---

* Матвѣй Михайловичъ—въ то время помѣщалъ свои статейки и стихи въ альманахахъ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ деп. мин. юстиціи и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ первымъ (по времени) первоприсутствующимъ кассаціоннаго уголовнаго департамента сената. Особенно сдѣлался извѣстенъ по скандальному процессу съ женой своей.

lib.pushkinskijdom.ru

Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за коимъ блохи другаго рода). Въ тотъ же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится и къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата — плоху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ; ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили-было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ.* Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

3 сентября.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

12.

(Тоже. 7 октября 1831).

Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальныя

---

* Повѣсти И. П. Бѣлкина.

lib.pushkinskijdom.ru

5 заплачу я въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику.—Весь твой Пушкинъ.

Царское Село. 7 окт. 1831.

13.

(Изъ Петербурга. 24 октября 1831).

Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. брилліанты[1] жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей и отъ лапъ Семена Ѳедоровича.[2] Дѣдушка... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000[3] и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата—въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надобно подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго—журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣпь. Кстати, я издаю Сѣверные Цвѣты для

---

[1] Заложенные брилліанты и изумруды, которые теща Пушкина предоставила ему съ женой, съ тѣмъ, чтобы они ихъ выкупили.

[2] Крѣпостной человѣкъ Гончаровой, откупившійся послѣ и имѣвшій большое вліяніе на ея дѣла.

[3] Занятыхъ у Пушкина на расходы по свадьбѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ, обнимаю тебя отъ сердца.

1831. 24...

(На конвертѣ: 1831. 24 октября).

14.

(Тоже. 5 января 1832).

Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе перешли мнѣ мой опекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ и что мои алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь Revue de Paris.. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего). Жену мою нашелъ я здоровою, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г—емъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабешку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. Sur ce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

5 января 1832 г.

15.

(Тоже. 10 января 1832).

10 янв. Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣстъ 5,500 руб., на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.). Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ.—Весь твой.

lib.pushkinskijdom.ru

16.

(Тоже. 29 января 1832).

Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ[1] получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бъ ты былъ...,[2] то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа;[3] фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свидапія.

(На конвертѣ: 29 января 1832).

17.

(Тоже. Февраль 1832).

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра пли послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

18.

(Тоже. 2 октября 1832).

Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ дѣмѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломъ-

[1] Кронцеръ, завѣдывавшій у Нащокина фабрикою. [2] Прорвано. [3] Чернильница, подаренная Нащокинымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

бардныя деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳедоромъ Даниловичемъ (Шнейдеръ), отдай ему его тысячу а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно она нужна будетъ; остальной же долгъ получишь въ январѣ, какъ я ужъ распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ,[1] и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго[2]. Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго пострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой.[3] Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продалъ, но продамъ, во что бы то ни стало.[4] Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ?

---

[1] Такъ назвалъ Пушкинъ своего Дубровскаго, написаннаго по разсказу Нащокина, который видѣлъ въ острогѣ этого Островскаго, Бѣлорусскаго дворянина, доведеннаго до нищеты богатымъ сосѣдомъ.

[2] Дм. Вас. Короткой отлично зналъ производство тяжебныхъ дѣлъ.

[3] По настоянію Пушкина, Нащокинъ разсказалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства. (Ср. томъ IV).

[4] Мѣдная статуя Екатерины, подаренная Пушкину дѣдомъ его жены. Пушкинъ продалъ ее за 3000 р. заводчику Берду и деньги были зачтены въ приданое Натальи Николаевны. О предполагавшейся покупкѣ этой статуи М. П. Мятлевымъ см. Р. Архивъ 1881.

lib.pushkinskijdom.ru

Каковы его обстоятельства и что его опера?[1] Прощай, кланяюсь твоимъ,—цѣлую Павла.[2]

2 октября. Петербургъ.

Въ Морской въ домѣ Жадиміровскаго.

(На пакетѣ клеймо почтамта: 1832).

19.

(Тоже. 23 февраля 1833).

Что́ любезный Павелъ Воиновичъ? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ѳедору Даниловичу, справилъ ли остальную тысячу въ Ломбардѣ, пришлешь ли мнѣ что нибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: «2,525 руб. доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Моросѣйкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ него росписку». Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что́ твои дѣла? Заглаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ[3] тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ,[4] и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни сё. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся до сыта. Путешествіе мнѣ нужно нравственно и физически.

(На конвертѣ: 23 февраля 1833).

---

[1] Передѣлка «Лѣтней Ночи» Шекспира для оперы Есаулова.

[2] Сынъ Нащокина.

[3] Ювелиръ, ростовщикъ.

[4] Въ Тюфелевой рощѣ подъ Симоновымъ, гдѣ у Нащокина была разорившая его фабрика.

lib.pushkinskijdom.ru

20.

(Тоже. 24 ноября 1833)

Что́, Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous êtes éminement un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа, ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то же похоже—сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ [1] и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Лёлинька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ, т. е. молчаливъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. «Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ—полно ему воевать!» Дома я нашелъ все въ порядкѣ; жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ—и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопристроенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

(На конвертѣ: 24 ноября 1833 г).

---

[1] Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, шуринъ князя П. В. Вяземскаго. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ Нащокинъ освободился отъ своей цыганки.

lib.pushkinskijdom.ru

21.

(Изъ Петербурга. Декабрь 1833). [1]

Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ) пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алёшѣ (зачеркнуто и сверху написано; «Лёлинькѣ») не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію (Пугачевскаго бунта), то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный.[2] Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому

---

[1] Письмо это не дошло до Нащокина. Оно было послано съ отправлявшимся въ Калугу И. Ѳ. Антипинымъ, который, не заставъ Нащокина въ Москвѣ, увезъ письмо съ собою и хранилъ у себя болѣе 35 лѣтъ. Этотъ Антипинъ съ другимъ калужаниномъ Ѳ. И. Абакумовымъ приходили видѣть Пушкина на «Полотняный заводъ» (имѣніе тещи) и Пушкинъ написалъ имъ на память: «Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27 мая 1830. П. Заводъ».

[2] Сынъ поэта Александръ.

lib.pushkinskijdom.ru

что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину, и желаю вамъ обоимъ счастія.—А. П.

(Адресъ: Его высокобл. м. г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, у священника въ домѣ).

22.

(Тоже. Мартъ или апрѣль 1834).

Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ, получаю отъ тёбя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ коихъ я не вѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастія. Наталья Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною,* и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ.—Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Отъ того-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, сообразясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъ-ель-ва и пліе, для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ, что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способностей къ доброму и прекрасному; какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно мы квиты, если ты мнѣ обя-

---

* Жена Нащокина, на которой онъ тогда только что женился, разставшись съ цыганкой, отъ которой уѣхалъ тайкомъ изъ Москвы для женитьбы

lib.pushkinskijdom.ru

занъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя надняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить) слава Богу здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами—скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе подсыщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое?—Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя.—О чемъ же горе?—Жить нечѣмъ до октября.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ.—Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только!

Вотъ тебѣ другія новости; я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ—убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что,

lib.pushkinskijdom.ru

конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

23.

(Тоже. Въ концѣ 1834).

Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немедленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться! Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домѣ Баташева у Прачешнаго мосту (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

lib.pushkinskijdom.ru

24.

(Тоже. 20 января 1835).

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1.500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другаго. Впрочемъ это дѣло дамское.

Ты видѣлъ вѣроятно Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

20 января 1835 г. С.-Пб.

25.

(Тоже. Октябрь 1835).

Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому, что въ ссорѣ съ московскою почтою.[1] Услышалъ я, что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей

[1] Письма Пушкина прочитывались на почтѣ и выписки изъ нихъ доставлялись Бенкендорфу А. Я. Булгаковымъ. Получивъ указаніе на это, Пушкинъ умышленно написалъ женѣ, чтобъ она была осторожнѣе въ перепискѣ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтдиректоромъ н—й Булгаковъ, который не считаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными д....и.—Письмо это не дошло ни до жены, ни до Бенкендорфа. (Р. Ст. 1880 № 9 и 10).

lib.pushkinskijdom.ru

заставила меня воротиться въ городъ.[1] О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15.000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно.—Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. — Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жиденокъ-лекарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданья, мой другъ.

26.

(Тоже. 27 мая 1836).

Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожныхъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB.),[2] и

[1] Пушкинъ взявъ отпускъ съ 27 авг. по 23 дек., отправился въ Михайловское, но по случаю болѣзни матери вернулся въ октябрѣ.

[2] Сотрудниковъ журнала «Московскій Наблюдатель».

lib.pushkinskijdom.ru

вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во вторыхъ деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея коммиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.*

Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю за чѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: Азя! дай мнѣ чаю—я просить не буду.**

(На конв. 27 мая 1836).

XLIX. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ХМѢЛЬНИЦКОМУ.

(Изъ Москвы. 6 марта 1831).

Милостивый государь Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но въ слѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

---

* По словамъ Нащокина у него были еще письма, но два изъ нихъ взялъ Каишицевъ, родственникъ Дубельта, и удержалъ. Въ одномъ Пушкинъ извѣщалъ, что государь пожаловалъ ему 5000 рублей годоваго жалованья, «pour faire jouer ma marmite; больше онъ дать не могъ, ибо это превышало бы и генеральскій окладъ».—Пушкинъ писалъ Нащокину и съ Кавказа, во второе путешествіе. Въ одномъ письмѣ говорилъ, что онъ путешествовалъ съ особымъ деньщикомъ, и солдаты, видя его можетъ быть одного изъ русскихъ разъѣзжающимъ въ статскомъ платьѣ, считали нѣмецкимъ попомъ. Еще въ одномъ, писаномъ не задолго до смерти, Пушкинъ писалъ, что ему надо достать 5 тысячъ, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ и увезти жену въ Псковскую деревню.

** Этой приписки нѣтъ въ полномъ изданіи г. Бартенева, а въ «матеріалахъ» г. Анненкова она помѣщена (стр. 419).

lib.pushkinskijdom.ru

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

6 марта 1831. Москва.

Давъ офиціальный отвѣтъ на офиціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго впрочемъ я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ.*

(Помѣта Хмѣльницкаго: 13 марта).

L. КЪ ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

1831—1836.

1.

(Изъ Царскаго Села 6 іюля 1831).

Другъ мой, я буду говорить съ вами на языкѣ Европы; онъ мнѣ знакомѣе нашего, и мы будемъ продолжать наши бесѣды, начавшіяся когда-то въ Царскомъ Селѣ и такъ часто прерывавшіяся.

Вы знаете, что дѣлается у насъ въ Петербургѣ; народъ вообразилъ, что его отравляютъ. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но къ несчастію народъ не умѣетъ читать и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ отчего я не видалъ ни Блудова, ни Белизара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите ли вы, чтобы я отослалъ ее вамъ; но что вы станете дѣлать съ нею въ Некрополисѣ (Москвѣ)? Оставьте мнѣ ее еще на нѣсколько времени. Я только что перечиталъ ее; мнѣ кажется, что начало очень связано съ предшествовавшими разсужде-

---

* Въ 1820 г., по мысли знаменитаго гр. Мордвинова, министерство внутреннихъ дѣлъ предложило губернаторамъ приступить къ открытію публичныхъ библіотекъ. Хмѣльницкій немедленно на собственныя средства и вызванныя пожертвованія устроилъ такую библіотеку въ Смоленскѣ, и отнесся съ просьбою къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ того времени, въ томъ числѣ и къ Пушкину, о пожертвованіи ихъ сочиненій.

lib.pushkinskijdom.ru

ніями и съ идеями гораздо ранѣе развитыми, болѣе ясными и положительными для васъ, но не для читателя. По этому первыя страницы нѣсколько темны, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе. Я готовъ былъ также замѣтить вамъ безпорядокъ и отсутствіе метода во всей статьѣ, но разсудилъ, что это вѣдь письмо и что этотъ родъ извиняетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это laisser aller. Все, что вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, что является портретомъ и картиной—все широко, блестяще и грандіозно. Съ взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я однако жъ не могу всегда соглашаться: напримѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду (псалмамъ котораго удивляюсь и я, если только еще они имъ и написаны). Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не находится и въ Библіи? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то есть въ папѣ. Не въ идеѣ ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою; потомъ сдѣлалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите же мнѣ, другъ мой, если бы даже вамъ пришлось бранить меня. Лучше, говоритъ Екклезіастъ, слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца.—6 іюля Ц. С.

(Адресъ: Его высокобл. м. г. Петру Яковлевичу Чадаеву. Въ Москвѣ. На Дмитріевкѣ, въ домѣ Рѣшетникова).

2.

19 октября 1836.

Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника. * Что ка-

* Пушкинъ, когда писалъ это, не имѣлъ въ рукахъ французскаго подлинника «Философическихъ писемъ»; иначе онъ не похвалилъ бы очень произвольный переводъ Н. Х. Кетчера. Кромѣ пропусковъ, смягченій и искаженій ради пензуры, есть опущенія безпричинныя, и неточности, обнаруживающія плохое пониманіе подлинника. Слова trouble dans les idées переведены «возмущеніемъ въ мысляхъ»; слова chez nous опускаются тамъ, гдѣ въ нихъ вся суть дѣла; causer la peine «возбудить страданія». Слогъ перевода тяжелый, семинарскій. Слово zèle передается «ревнительностью», dissiper en rosée—«преобратиться въ росу». Выраженіе à la face du monde не поняно и переведено словами «на землѣ» и проч. пр. Въ. «Телескопѣ» напечатано только первое письмо и, по преданію, заготовлено къ печати второе. Всѣхъ писемъ четыре

lib.pushkinskijdom.ru

сается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «схизма» насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили монгольское завоеваніе. Татары не посмѣли перейдти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не осквернило себя мерзостями папства, и конечно не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу.

Что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это таже жизнь кипучей отваги и безцѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе Татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ—цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ, и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что должно

(четвертое объ архитектурѣ); но къ намъ относятся только первыя два. Обращены они къ пріятельницѣ Чаадаева, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой, урожденной Улыбышевой (братъ которой извѣстенъ своими французскими сочиненіями по исторіи музыки). Напечатаны они по кончинѣ Чаадаева Іевуптомъ Гагаринымъ въ 1862 году, въ книгѣ: Oeuvres choisies de Pierre Tchadaieff. П. Б.

lib.pushkinskijdom.ru

поразить будущаго историка? Думаете ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь что вижу вокругъ себя; какъ писатель я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы ни перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ ее послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ столькихъ возраженій, я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубокой правды. Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ производитъ ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ-за нея не выйдетъ шуму.

Читали ли вы 3-й нумеръ Современника? Статья о Вольтерѣ и Джонъ-Теннеръ мои. Козловскій былъ бы для меня провидѣніемъ, если бъ онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите N и N,* поклонитесь имъ отъ меня. Что говорятъ они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

(Оба приведенныя письма написаны по французски).

На послѣдней, четвертой страницѣ послѣдняго письма рукою Пушкина написано:

«Воронъ ворону глаза не выклюетъ—Шотландская пословица, приведенная В. Скоттомъ въ Woodstock».

LI. КЪ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КОНШИНУ.

1831—1835.

1.

(Изъ Царскаго Села. Лѣтомъ 1831).

Собака нашлась, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я далъ ему за труды 10 рублей,

---

* Два собственныхъ имени густо-зачеркнутые, вѣроятно, Жуковскимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

онъ не взялъ говоря: мало; по мнѣ и онъ и собака того не стоятъ, но жена моя другаго мнѣнія. Здоровы ли вы и скоро ли увидимся. А. П.

(Адресъ: Николаю Михайловичу Коншину).

2.

22-го декабря 1836 г. (Изъ Петербурга).

Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ—увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо! Все-таки вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволяю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу... Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе.—А. П.*

(Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Николаю Михайловичу Коншину).

LII. КЪ ИВАНУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ЯКОВЛЕВУ.

(1830—1831?).

Любезный Иванъ Алексѣевичъ. Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобъ они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 т. Во всякомъ случаѣ ты получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а

---

* Коншинъ былъ одинъ изъ множества посредственныхъ писателей и стихотворецъ 20—30 годовъ. Въ Р. Архивѣ 1877 г., будто бы по воспоминаніямъ его, напечатана совершенная нелѣпица о поэтѣ, напр. что у Пушкина, въ день дуэли, въ передней разложены были пистолеты, будто самъ онъ, собираясь на дуэль, плакалъ и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 т. даны тобою мнѣ въ займы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ кучка, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь. — Весь твой А. П.

(Адресъ: Его высокобл. м. г. Ивану Алексѣевичу Яковлеву).

LIII. КЪ МИХАИЛУ ЛУКЬЯНОВИЧУ ЯКОВЛЕВУ.

1831—1836.

1.

(Изъ Царскаго Села. 19 іюля 1831).

Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, сдѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой, и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня, написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Махайловнѣ[1] и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. На дняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхля и его же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву.[2] Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя. Плетневъ и я мы бы постарались что нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей от-

[1] Вдова Дельвига. [2] Вѣроятно говорится о стихотвореніи: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный». Изъ пьесъ же Кюхельбекера въ печати явилась только одна мистерія «Ижорскій».

lib.pushkinskijdom.ru

правился туда, отколь никто не воротился? Прости, до свиданья.—А. П.

19 іюля. Ц. Село.

(На конвертѣ: «Его высокобл., м. г. Михайлѣ Лукьяновичу Яковлеву, въ Спбгѣ, во 2-е Отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи». Штемпель: Царское Село. 20 іюля 1831).

2.

(Въ Петербургѣ. 3 іюля 1834).

Милостивый государь Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторіи Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 іюля 1834. Спб.

3.

(Половина августа 1834).

Вотъ 18-й листъ.[1]—Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинутъ имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.—№ 14. [2]

---

[1] 2-й части Исторіи Пугачевскаго бунта. Говорится о неисправности списка Рычкова, можетъ быть даже объ этомъ мѣстѣ: «злодѣи жъ, усмотря, что имъ здѣсь прекратя и намѣреніе свое сдержать никоимъ образомъ не можно».

[2] Въ слѣдующихъ запискахъ говорится о годовщинѣ основанія лицея. Пушкинъ не соглашается на празднованіе вмѣстѣ съ позднѣйшими курсами, о чемъ хлопоталъ Энгельгардтъ. Записки подписаны лицейскимъ нумеромъ комнаты поэта

lib.pushkinskijdom.ru

4.

Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда л и?— № 14.

19 окт. (1834).

5

Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить.—№ 14.

(1836).

6.

Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичъ! я было тебя зазвалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другаго раза—прости великодушно — не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

(19 ноября 1836).

(Надпись: «Его высокородію м. г. Михайлу Лукьяновичу Яковлеву. У Казанскаго моста, въ домѣ казенной типографіи». Помѣта Яковлева: 19 ноября 1836).

7.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ.
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни. — А ввечеру тебѣ доставлю.—Весь твой А. П.*

(На оборотѣ: «М. Л. Яковлеву»).

---

* Гр. Соллогубъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ, что во второй половинѣ ноября 1836 г., прогуливаясь съ Пушкинымъ и остановясь ждать его у дверей книжной лавки Смирдина, импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь—
—«Илъ въ Булгарина наступишь!»

добавилъ Пушкинъ, которому графъ сказалъ первые четыре стиха.

lib.pushkinskijdom.ru

LIV. ДВА ПРОТОКОЛА ПРАЗДНОВАНІЯ ЛИЦЕЙСКИХЪ ГОДОВЩИНЪ. [1]

1828.

Собрались на пепелищѣ скотобратца курнофеюса Тыркова, по прозвищу кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тося, Илличевскій—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячекъ-морданъ, Стевенъ—шведъ, Тырковъ (смотри выше), Комовскій — лиса, Пушкинъ французъ (смѣсь обезіаны съ тигромъ).

a. Пѣли извѣстный лицейскій пеанъ Лѣто знойна.

Пушкинъ-французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ сочинитель Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго привѣта Лѣто знойно пѣть какъ выше означено. [2]

b. Вели бесѣду.

c. Выпили вдоволь ихъ здоровій.

d. Пѣли рефутацію г-на Беранжера. [3]

e. Пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ. [4]

f. Пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ.

g. Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся.

h. Тырковіусъ безмолвствовалъ.

i. Толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія скотобратцевъ.

k. Паясъ представлялъ восковую персону.

l. И завидѣвъ на дворѣ часъ первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лицея Пушкину-французу, иже написа сію грамоту. (Слѣдуютъ собственноручныя подписи присутствовавшихъ съ ихъ прозвищами).

(Протоколъ оканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ Пушкина):

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора. [5]

---

[1] Помѣщаемъ ихъ въ дополненіе къ предыдущей перепискѣ.

[2] Неизданное стих. Илличевскаго, въ духѣ Тредьяковскаго:

Лѣто знойно, дщерь природы,
Идетъ къ намъ въ страну.

[3] Часть ея приведена нами вслѣдъ за этимъ протоколомъ.

[4] По словамъ Якова Грота, обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно

О Соломонъ,
Въ билiи первый пѣвецъ и первый мудрецъ. и проч.

[5] Пушкинъ тогда же уѣхалъ изъ Петербурга и 27 октября былъ уже въ деревнѣ Вульфовъ Малинникахъ (Тверской губ.), какъ свидѣтельствуетъ написанное тамъ въ тотъ же день посвященіе къ только что оконченной «Полтавѣ»

lib.pushkinskijdom.ru

РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.[1]

Soldat, t'en souviens tu, disait un capitaine.
(Emile Debraux).

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье,
Мусье французъ, ... капитанъ,
Какъ помнятся у насъ въ простонародьи
Надъ нехристемъ побѣды россіянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать;
Но встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи?...
Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ, въ расплохъ?
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ.
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?...
Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
. . . . . .
Ты помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ казакъ иль полковой нашъ попъ
Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе...
. . . . . .

1836.

Праздновали двадцатипятилѣтіе лицея (за тѣмъ собственноручно каждымъ: «П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ»).

Собрались выше упомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева, и пировали слѣдующимъ образомъ:

1. Обѣдали вкусно и шумно.
2. Выпили три здравія (по заморскому toasts):
   a. За двадцатипятилѣтіе лицея,
   b. За благоденствіе лицея,
   c. За здоровье отсутствующихъ.
3. Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.[2]
4. Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.

---

[1] Пѣсня, которой первый стихъ поставленъ эпиграфомъ, вѣроятно, была завезена подъ чужимъ именемъ какимъ нибудь гр. Нулинымъ («съ послѣдней пѣсней Беранжера»). Она принадлежитъ Эмилю Дебро, талантливому поэту, умершему въ 1831 г. 36 лѣтъ отъ роду.

[2] С. Д. Комовскому.

lib.pushkinskijdom.ru

5. Поминали лицейскую старину.

(Конецъ протокола дописанъ Яковлевымъ):

6. Пѣли національныя пѣсни.

7. Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-ти лѣтіе лицея; но всѣхъ стиховъ не приномнилъ, и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Собрались всѣ въ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го.

LV. КЪ АЛЕКСАНДРУ ѲЕДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ.

(РЕДАКТОРУ ЛИТ. ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ Р. ИНВАЛИДУ).

(Изъ Царскаго Села. Между 21—25 авг. 1831).

Сей часъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу.[1] Мольеръ и Фильдингъ вѣроятно были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты по своему обыкновенію нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

---

[1] Это было сообщено Пушкину самимъ Гоголемъ въ письмѣ отъ 21 августа 1831 (Р. Арх. 1880, II). О выходѣ 2-го изд. «Вечеромъ» см. замѣтку въ V томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

LVI. КЪ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

1831—1835.

1.

(Изъ Царскаго Села. 25 августа 1831).

Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ.[1] Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась.[2] Не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?— Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ—съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца.[3] У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна[4] благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно кажется мудрено. А. П.

25 августа.

2.

(Май 1834).

Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о вашей.[5] Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

---

[1] Въ письмѣ отъ 21 авг. 1831 г., Гоголь предлагалъ написать эстетическо-ученый разборъ романовъ: П. И. Выжигинъ (Булгарина) и Соколъ былъ бы соколомъ да курица съѣла (Орлова), причемъ Булгарина сравнить съ Байрономъ.

[2] «Торжество дружбы» и пр. напечат. въ 13-й книжкѣ Телескопа 1831 г.

[3] Н. А. Полевой, издававшій тогда М. Телеграфъ и передъ тѣмъ напечатавшій тамъ непріязненную статью о Борисѣ Годуновѣ.

[4] Въ письмѣ Гоголя, отъ 21 августа, жена Пушкина названа Надеждою.

[5] Въ письмѣ отъ 13 мая 1834 г. Гоголь просилъ Пушкина похлопотать передъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто засталъ Гоголя «еле-жива».—Телеграфъ запрещенъ въ апрѣлѣ 1834 г. и именно благодаря Уварову.

lib.pushkinskijdom.ru

3.

(1835).

Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки.[1] Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!—А. П.

4.

ЗАПИСКИ ЧУХИНА, СОЧИН. ЕТС.

(1835).

Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина ни мало не уступаетъ его прежнимъ...[2]

LVII. КЪ АЛЕКСАНДРУ АѲИМОВИЧУ ОРЛОВУ.

(Изъ Петербурга. 24 ноября 1831—9 января 1832).

М. г. Александръ Аѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность.[3] Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего «Выжигина» есть новое доказательство неисто-

---

[1] Говорится о приключеніи съ поручикомъ Пироговымъ въ повѣсти «Невскій Проспектъ» (Арабески, 1835).

[2] «Записки Чухина» вышли въ 1835 г.

[3] Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Орлова, благодарившаго его за статьи въ «Телескопѣ» 1831 г. «Торжество дружбы» и «О мизинцѣ Булгарина» (см. томъ V).

lib.pushkinskijdom.ru

щимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Аѳиимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ «Молвѣ» [1] объявленіе о намѣреніи вашемъ писать «Исторію русскаго народа»: можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ А. Пушкинъ.

24-го ноября 1831. Спб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Аѳиимовичъ! но отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Луговаго—мое дѣло сторона.—А. П.

1832. 9-го янв. Спб.

LVIII. КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.
1832—1836.

1.

(Изъ Петербурга. 14 февраля 1832).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить,—драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что

---

[1] «Молва» издавалась ввидѣ еженедѣльнаго приложенія къ «Телескопу» Надеждина. «Исторію русскаго народа» тогда издавалъ Полевой, и объявленіе о таковой же Орлова было помѣщено Надеждинымъ на смѣхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ щедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ въ слѣдствіи доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ![1] Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета—устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

14 февраля. С. П. Б.

2.

(Октябрь 1833).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностью вашего высокопревосходит., осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшею просьбою.—Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева: собственныя письма Екатерины Бибикова, Румянцова, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже), вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины?

---

[1] Въ одной изъ статей Европейца отысканы были двусмысленные выраженія о нѣмцахъ и о конституціи.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, м. г., вашего высокопревосходительства покорн. (слугою)...

(По черновому оригиналу).

3.

(Изъ Петербурга 14 февраля 1835).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.[1]

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря,[2] умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Не извѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. К.,[3] слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ

---

[1] Выдержка изъ Записокъ Дмитріева напечатана въ Исторіи Пугачевскаго бунта: описаніе казни.

[2] П. И. Соколовъ ум. 9 января 1835. Дмитріевъ и Пушкинъ были членами Россійской академіи.

[3] Т. е. къ Андрею Никол. Карамзину; говорится о графѣ Хвостовѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

14 февраля 1835. С. П. Б.

4.

(Изъ Петербурга 26 апрѣля 1835).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное ободреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который вѣроятно, за сходную цѣну, возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ Лобановъ и Аяксъ Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора).[1] Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентъ князь Дондуковъ-Корсаковъ фокусникъ, а Фуссъ его паясъ.[2] Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой одинъ кувыркается на канатѣ , а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, вашего высокопревосходительства, милостивый

[1] Переводчикъ Шлецерова изслѣдованія о Несторѣ.

[2] Князь Мих. Андреевичъ былъ назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ 7 марта 1835.

lib.pushkinskijdom.ru

государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

26 апрѣля 1835 С. П. Б.

5.

(Изъ Петербурга. 14 іюня 1836).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастіе найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло.[1]

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй № Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ.[2]

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

14 іюня С.П.Б.

LIX. КЪ ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

1832—1835

1.

(Въ Петербургѣ. 14 декабря 1832).

Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему

[1] Кончина матери.

[2] Во 2-мъ томѣ Современника помѣщено «Увѣдомленіе» о томъ, что появлявшіяся въ Моск. Вѣдомостяхъ и Литер. Прибавленіяхъ статьи съ подписью И. Д. не принадлежатъ Ив. Ив-чу. Въ Мольеровской комедіи «Амфитріонъ», Меркурій, сынъ Юпитера, принимаетъ на себя видъ одного слуги, именемъ Созія, и дурачитъ послѣдняго.

lib.pushkinskijdom.ru

моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе: познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣстъ прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ

14 декабря 1832 г.

2.

(Изъ Петербурга. 1 мая 1834).

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

1 мая, 1834. С. П. Б.

3.

(Изъ Петербурга. 3 іюня 1834).

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon: Великое множество біографическихъ статей, вами заготовлен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете ли вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 іюня 1834. С. П. Б.

4.

(Изъ Петербурга. 26 января 1835).

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разскащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны—научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.—Изъ примѣчанія къ пятой главѣ (16) вмѣсто Тобольскъ—Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть, м. г., вашего превосх. покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 января 1835. С. П. Б.

(Адресъ: Его Прев., м. г., Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева).

5.

(Изъ Петербурга. 2 апрѣля 1835).

М. г. Дмитрій Николаевичъ. Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому же безпечному коммиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ

lib.pushkinskijdom.ru

почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

2 апрѣля 1835.

(Адресъ: Его Прев. м. г., Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому).

LX. КЪ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЫШОВУ.

1.

(Въ Петербургѣ 9 февраля 1833).

Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 года, 3) Донесенія его 1799 года, 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.*

2.

(Въ Петербургѣ 8 марта 1833).

Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получилъ имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 года по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть... и проч.

* Письмо ошибочно помѣчено въ подлинникѣ «7 февраля», тогда какъ оно служитъ отвѣтомъ на письмо гр. Чернышова отъ 8 февраля. Дѣло идетъ о собираніи матеріаловъ для задуманной Пушкинымъ «Исторіи Суворова».

lib.pushkinskijdom.ru

LXI. КЪ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ СОКОЛОВУ.

(Май 1833).

Получивъ отъ вашего превосходительства извѣщеніе о выборѣ гг. См. (?) и Бар. въ члены Россійской Академіи, спѣшу доставить вамъ избирательный свой голосъ. Съ глубочайшимъ.....*

LXII. КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЛАЖЕЧНИКОВУ.

1833—1836.

1.

(Изъ Петербурга. Іюнь 1833).

Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева.— Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи.— Съ истиннымъ и проч.**

2.

(Изъ Петербурга. 3 ноября 1835).

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! Во-первыхъ долженъ я просить у васъ прощеніе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художе-

* Этотъ черновой набросокъ сохранился въ бумагахъ П. Записка относится вѣроятно къ выборамъ Павл. Ив. Свиньина и Дм. Осип. Баранова.

** Первое письмо печатается по черновому, а два прочихъ сообщены въ «Запискахъ» Лажечникова, гдѣ говорится и о рукописи Рычкова.

lib.pushkinskijdom.ru

ственномъ отношеніи «Ледяной домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово хоботъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.[1]

3 ноября 1834 г. С.-Петербургъ.

3.

(Съ Тверской станціи, проѣздомъ. 1836).

Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ. — Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.— Отлагаю до сентября,[2] то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству. Сердечно васъ уважающій Пушкинъ.

---

[1] Томъ VII страница 318, сочин. Лажечникова. Отвѣтъ на это письмо въ Р. Архивѣ 1881, I.

[2] Въ 1836 г. Пушкинъ два раза ѣздилъ въ Москву: съ 26 февраля по конецъ марта и съ начала мая до 27-го числа того же мѣсяца. Не предполагалъ ли онъ въ сентябрѣ «возвратиться» въ Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

LXIII. КЪ БАРОНУ МОДЕСТУ АНДРЕЕВИЧУ КОРФУ.

1833—1836.

1.

(Въ Петербургѣ. 1833).

Сейчасъ былъ у Смирдина и; кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. (Бакунинъ) можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille и требовать ту же цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.[1]

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнилъ твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.[2]—Весь твой Александръ Пушкинъ.

Пятница.

(Адресъ: Его превосх. м. г. Модесту Андреевичу барону Корфу).

2.

(Въ Петербургѣ. 14 октября 1836).

Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ.[3] Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитированныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять!—Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская

---

[1] Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо б. Корфа, который просилъ доставить работу Бакунину въ предположенной къ изданію съ 1834 г. «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина (Р. Арх. 1881, I).

[2] Поздравленіе относилось къ рожденію сына Александра.

[3] Ввиду работъ Пушкина для Исторіи Петра Великаго, Корфъ прислалъ ему составленный имъ каталогъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи. (Письмо Корфа въ Р. Арх. 1881, I).

lib.pushkinskijdom.ru

природа въ особенности). До свиданія. Завтра вѣроятно увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный А. П.

14 октября.

LXIV. КЪ АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ АНАНЬИНУ.

(Въ Петербургѣ. 26 іюля 1833).

Милостивый государь Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню, вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1,500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

26 іюля.

(На оборотѣ: Его высокобл. м. г. Александру Андреевичу Ананьину).

LXV. КЪ АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ФУКСЪ.

1833—1836.

1.

8 сентября, 1833 года (въ Казани).

Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностію посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности, за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани.[1] Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

[1] Пушкинъ тамъ былъ при поѣздкѣ за собираніемъ матерьяловъ для Исторіи Пугачевскаго бунта.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

19 октября, 1834 г. С. П. Б.

Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ими ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы.[1] Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ; да еще въ какой!... право совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получалъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ, но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу,* коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и проч.

3.

15 августа, 1835. С. П. Б.

Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева, наконецъ его получилъ, и спѣшу

---

[1] Дѣло идетъ, можетъ быть о стихотвореніи г-жи Фуксъ: «На проѣздъ Александра Сергѣевича Пушкина черезъ Казань» (Заволжскій Муравей, 1834, № 1).

* Мужъ г-жи Фуксъ.

lib.pushkinskijdom.ru

препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и проч.

4.

20 февраля, 1836. (Спб.).

Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч.

LXVI. КЪ КН. ВЛАДИМІРУ ѲЕДОРОВИЧУ ОДОЕВСКОМУ 1833—1836.

1.

(Изъ Болдина. 30 октября 1833).

Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на-шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новоселья ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька.

lib.pushkinskijdom.ru

Недостоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться! * Теперь донесу вашему сіятельству, что будучи въ С., видѣлъ я скромную отщельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Не дурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобъ нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ па пять. А тамъ ужъ какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка.[1]—Весь вашъ А. Пушкинъ.

30 окт Болдино.

2.

(Въ Петербургѣ. 1836. До 31 марта).

Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру «Путешествія» (въ Арзрумъ) прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. А. П.

3.

У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера—грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать «О враждѣ къ просвѣщенію»; ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и «Разборъ Постоялаго Двора», подъ названіемъ: «О нѣкоторыхъ романахъ». Разрѣшаете ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цензура, но я не очень

---

* Говорится объ альманахѣ: «Тройчатка, или альманахъ въ три этажа», который предполагали издавать подъ своими псевдонимами Одоевскій (Гомозейка), Гоголь (Рудый Панько) и Пушкинъ (Выкинъ), при чемъ каждый бралъ себѣ особый «этажъ».

[1] Намекъ на извѣстный анекдотъ о монахинѣ, прочитавшей «не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть закорючка».

lib.pushkinskijdom.ru

имъ доволенъ; къ тому же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ.[1] Увижу ли васъ дотолѣ? Весь вашъ А. П.

«Разговоръ недовольныхъ» не помѣстилъ я, потому что ужъ «Сцены» Гоголя были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

4.

(1836. Ноябрь?).

Конечно Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется «письмо тестя» холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ «?». Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду ли,[2] Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. А. П.

5.

Статья г. Волкова[3] въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однако жъ я ся не помѣщу, потому что по моему мнѣнію правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера.[4] Россія не можетъ бросить 3.000.000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привиллегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы съ нея и начать... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось

---

[1] Пушкинъ съ 26 февраля по конецъ марта былъ въ Москвѣ, а вернувшись поѣхалъ въ Михайловское, провожать тѣло умершей матери. Статьи, указанныя въ письмѣ, помѣщены въ Современникѣ, кромѣ Сегелѣля.

[2] Повѣсть въ письмахъ «Сильфида» была процензурована 11 ноября 1836 г., а напечатана въ № 1 Современника на 1837 г. Письмо тестя—было Одоевскимъ переправлено.

[3] Матвѣй Степ. Волковъ—полковникъ инженеровъ путей сообщенія былъ профессоромъ строительнаго искусства. Потомъ онъ долго жилъ въ Парижѣ и въ 50-хъ годахъ издалъ «Письма о френологіи» и пр.—Статья его была написана, по просьбѣ кн. Одоевскаго, по поводу статьи Наркиза Отрѣшкова противъ желѣзныхъ дорогъ. Эпиграфъ статьи: «бѣда, коль...» и пр.

[4] Ф. А. фонъ-Герстнеръ, австріецъ, главный учредитель компаніи царскосельской желѣзной дороги, напечаталъ тогда докладъ о пользѣ ея.

lib.pushkinskijdom.ru

правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ орогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я бы желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны.

6.

(1836. Декабрь).

Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ, [1] то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ. А. П.

7.

(Около 28 декабря 1836).

Также зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однако жъ не все уничтожатъ. На всякой случай спросъ не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ? [2]

---

[1] Иванъ Петровичъ—извѣстный археологъ. О немъ Одоевскій писалъ Пушкину уже по выходѣ 4 кн. Современника, слѣд. вначалѣ декабря, къ которому времени надо отнести и эту записку.

[2] На засѣданіе академіи наукъ 28 декабря 1836 г. Пушкинъ отправлялся съ А. А. Краевскимъ, и тамъ, указывая ему на М. А. Дундукова-Корсакова, шепнулъ: «а вѣдь сидитъ-то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно, не вертится!» Эпиграмма эта была написана въ сентябрѣ 1835 г.

Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?...

lib.pushkinskijdom.ru

LXVII. КЪ ГР. ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СТРОГОНОВУ.

(Въ Петербургѣ. Около 11 апрѣля 1834).

Графъ! Печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако жъ весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди... Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ. *

(Написано по французски).

LXVIII. КЪ БѢДНОЙ ВДОВѢ.

(Въ Петербургѣ. 1835).

Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго, постараюсь; но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ. Съ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть покорный къ услугамъ А. Пушкинъ.

1835 г.

LXIX. КЪ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ КЛЕЙНМИХЕЛЮ.

(Въ Петербургѣ. 19 ноября 1835).

Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства гр. Чернышова, возвращены мною въ военное министерство.—Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.) Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить

* Письмо это неправильно относили къ 1831 г. Въ дневникѣ своемъ, подъ 11 апрѣля 1834 г., Пушкинъ указываетъ на только-что полученный отъ графа листокъ франкфуртскаго журнала и приводитъ подробную выписку. Графъ былъ въ родствѣ съ семьей Гончаровыхъ, а потомъ опекуномъ дѣтей Пушкина

lib.pushkinskijdom.ru

на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.*

LXX. КЪ СЕМЕНУ СЕМЕНОВИЧУ ХЛЮСТИНУ.

(Въ Петербургѣ. 4 февраля 1836).**

М. г. Позвольте мнѣ возстановить нѣкоторые пункты, по которымъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Я не помню, чтобы вы приводили какую-либо ссылку изъ той статьи. Заставило же меня объясняться, можетъ-быть, съ излишнею горячностью, ваше замѣчаніе, что я напрасно наканунѣ принялъ къ сердцу слова Сенковскаго. Я вамъ отвѣчалъ: «Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ.» Васъ отожествлять съ свиньями и мерзавцами—несомнѣнно нелѣпость, которая не могла ни придти мнѣ въ голову, ни даже сорваться съ языка моего при всемъ жару спора. Къ моему великому удивленію вы мнѣ возразили, что вы вполнѣ принимаете за свой счетъ обидную статью С. и именно выраженіе «обманывать публику». Я тѣмъ менѣе былъ подготовленъ къ такому заявленію, исходящему отъ васъ, что ни наканунѣ, ни при послѣднемъ нашемъ свиданіи вы ничего ровно не сказали мнѣ такого, что могло бы относиться къ статьѣ журнала. Мнѣ показалось, что я васъ не понялъ и просилъ васъ объясниться, что вы и сдѣлали въ тѣхъ же выраженіяхъ. Тогда я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что то, что вы высказали, совершенно измѣняетъ вопросъ, и я замолчалъ. Разставаясь съ вами, я вамъ сказалъ, что я не могу оставить это безъ послѣдствій. Это можетъ быть сочтено вызовомъ, но не угрозою. Ибо наконецъ, я вынужденъ повторить: я могу пренебречь словами какого-нибудь Сенковскаго, но я не могу презирать ихъ, какъ только человѣкъ подобный вамъ принимаетъ ихъ на себя. Вслѣдствіе этого я поручилъ г. Соболевскому просить васъ отъ моего имени просто на просто взять ваши слова назадъ, или же дать мнѣ обычное удовлетвореніе. Доказательствомъ тому, насколько мнѣ послѣднее рѣшеніе было противно, то, что я сказалъ именно Соболевскому, что я не требовалъ извиненій.

---

* Дѣло идетъ о матеріалахъ, которыми Пушкинъ пользовался изъ военнаго министерства для своей Исторіи Пугачевскаго бунта.

** Хлюстинъ (1811—1844), родной племянникъ извѣстнаго Ѳ. И. Толстаго, вызывалъ Пушкина на дуэль за рѣзкое его замѣчаніе по поводу разсказовъ Хлюстина, на основаніи статьи Сенковскаго, что будто бы Пушкинъ обманулъ публику, издавъ чужое произведеніе (Вастолу) съ своимъ именемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Мнѣ прискорбно, что г. Соболевскій во всемъ этомъ поступилъ со свойственною ему небрежностью.

Что касается до того, что я невѣжливо не поклонился вамъ, когда вы отъ меня уходили, прошу васъ вѣрить, что то была разсѣянность совершенно невольная и въ которой я отъ всего сердца прошу васъ меня извинить. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.—А. Пушкинъ.

4 февраля.

(Написано по французски).

LXXI. КЪ КН. НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РЕПНИНУ.

1.

(Въ Петербургѣ. 5 февраля 1836).

Князь! съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ безпокоить ваше сіятельство; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности.

Однако же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительные обо мнѣ отзывы, будто бы произнесенные вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, что вы поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.*

5 февраля 1836.

(Написано по французски).

2.

(11 февраля 1836).

Милостивый государь, князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

* 9 февраля князь отвѣчалъ, что Пушкинъ повѣрилъ пустымъ разсказамъ, что съ Боголюбовымъ онъ ничего не говорилъ и желаетъ поэту употреблять свой талантъ на пользу и славу отечества, а не на оскорбленіе частныхъ людей.

lib.pushkinskijdom.ru

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

11 февраля 1836.

LXXII. КЪ СЕРГѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ГЛИНКѢ.

(Въ Петербургѣ. Мартъ 1836).

Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше (извините галлицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ—а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Ѳедору Николаевичу?—Весь вашъ А. Пушкинъ.

(Адресъ: Его высокородію м. г., Сергѣю Николаевичу Глинкѣ. На Сергіевской, въ домѣ Болдырева № 37 на дворѣ).

LXXIII. КЪ АЛЬФОНСУ ЖОБАРУ.

(Въ Петербургѣ. 24 марта 1836).

М. г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, м. г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опу-

lib.pushkinskijdom.ru

бликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Честь имѣю быть вашимъ, милостивый государь, нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.—А. Пушкинъ.*

С.-Петербургъ. 24 марта 1836.

(Написано по французски).

LXXIV. КЪ НАДЕЖДѢ АНДРЕЕВНѢ ДУРОВОЙ.

(Изъ Петербурга. 1836).

Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное—оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно. ** Будьте смѣлы—вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся.—Весь вашъ А. П.

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева, у Прачешнаго мосту.

---

* Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а съ 1822 г. профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Магницкимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», испрашивая разрѣшенія напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину. (Р. Стар. 1880, № 7, 555—564).

** Придуманное издателемъ Записокъ названіе было отмѣнено, но и Пушкинское не принято. Книга явилась подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-Дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій». (Спб. 1836 г. 2 части). Пушкинъ самъ хотѣлъ было издать эти Записки и напечаталъ изъ нихъ отрывокъ въ Современникѣ (см. т. V настоящаго изд.).

lib.pushkinskijdom.ru

LXXV. КЪ ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

1.

(Изъ Петербурга. Іюнь 1836).

Я сейчасъ изъ Москвы... Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ.[1] (Чортъ побери генерала Винценгероде!) А жаль, что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда же кстати тутъ же было заколоть у подножія Вандомской колонны генерала Винценгероде, какъ жертву примирительную! Я было и рукава засучилъ! Вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои (очи?) безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ.

2.

(Изъ Петербурга. 1836 октябрь).

Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима?[2] Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и

---

[1] Статья «Воспоминанія объ осадѣ Дрездена» напечат. въ № 4 Современника.

[2] Эта напечатанная въ № 3-мъ «Современника» статья, была представлена на цензуру А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.—Въ письмѣ Давыдова къ Жуковскому, отъ 14 апрѣля 1836, есть указаніе еще на одно письмо: «Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи, что мой бѣлый хоконъ дыбомъ станетъ отъ восторга». Оба письма взяты съ черновыхъ оригиналовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

LXXVI. КЪ ГЕНЕРАЛУ УШАКОВУ.

(Изъ Петербурга. Іюнь 1836).

Возвратясь изъ Москвы, имѣлъ я честь получить вашу книгу,* и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда графъ Эриванскій позволилъ мнѣ въѣхать въ имъ завоеванный Арзрумъ. Съ глубоч. etc.

LXXVII. КЪ АНДРЕЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖАНДРУ.

(Іюнь 1836).

Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодаго человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ прибылъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ умепъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ... Онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. Я обѣщалъ его тебѣ представить. Отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

* «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 г.» О Пушкинѣ упомянуто во 2 т., стр. 305.—Письмо напечатано по черновому оригиналу.

lib.pushkinskijdom.ru

LXXVIII. КЪ КН. НИКОЛАЮ БОРИСОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

(С.-Петербургъ. 10 ноября 1836).

Тысяча разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, брошеннаго въ недруговъ нашего отечества.[1] Я видѣлъ уже три перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ лицу высокопоставленному изъ моихъ друзей, но ни который не стоитъ вашего. Зачѣмъ вы не перевели этой пьесы болѣе вовремя; я переслалъ бы ее во Францію, чтобъ дать щелчокъ всѣмъ возгласамъ палаты депутатовъ.—Завидую вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше возбудило во мнѣ множество воспоминаній всякаго рода: тутъ колыбель моего Онѣгина, и вѣроятно вы узнали нѣкоторыхъ лицъ. Вы меня извѣстили о переводѣ въ стихахъ моего Бахчисарайскаго Фонтана; я увѣренъ, что переводъ вамъ удастся, какъ все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, хотя родъ литературы, которому вы себя посвящаете, изъ самыхъ трудныхъ и, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе неблагодарныхъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить русскіе стихи французскими; ибо при сжатости нашего языка никогда нельзя быть достаточно краткимъ. Слѣдовательно, честь тому, кто такъ мастерски управляется съ языкомъ, какъ вы.—Прощайте; надѣюсь скоро васъ видѣть въ нашей столицѣ, особенно зная вашу легкую подвижность. Весь вашъ А. П.[2]

(Написано по французски).

LXXIX. ѲЕДОРУ АѲАНАСЬЕВИЧУ СКОБЕЛЬЦЫНУ.

(Въ Петербургѣ. 8 января 1837).

Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ въ займы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить.—А. Пушкинъ.[3]

8 янв. 1837.

---

[1] Клеветникамъ Россіи—Aux détracteurs de la Russie.

[2] Кн. Н. Б. Голицынъ, умершій 23 октября 1866 г., 72 лѣтъ, былъ очень близокъ съ Пушкинымъ. Онъ оставилъ много оригинальныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ, и нѣсколько переводовъ съ перваго на послѣдній.

[3] Скобельцынъ, пріѣхавъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, чтобъ имѣть для нихъ протекцію, прикинулся поклонникомъ Пушкина, Жуковскаго и пр., и вошелъ въ ихъ кругъ, гдѣ его и считали богатымъ человѣкомъ. Письмо Пушкина онъ передалъ кн. И. А. Вяземскому, съ запиской—что не можетъ ничего дать, ибо самъ нуждается.

lib.pushkinskijdom.ru

LXXX. КЪ АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ ИШИМОВОЙ.

1.

(Въ Петербургѣ. 25 января 1837).

Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

2.

(27 января 1837).

Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ піссы, отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете — увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу «Исторію въ разсказахъ», и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

27 января 1837.

LXXXI. КЪ ТЕЩѢ, НЕВѢСТѢ И ДѢДУ.

I. КЪ НАТАЛЬѢ ИВАНОВНѢ ГОНЧАРОВОЙ.[1]

(1829).

Ставъ на колѣна, проливая слезы благодарности—вотъ какъ долженъ былъ бы я писать вамъ теперь, послѣ того какъ гр. Толстой[2] привезъ мнѣ отвѣтъ вашъ. Этотъ отвѣтъ не есть отказъ; вы дозволяете мнѣ надежду. И если я еще ропщу, если печаль и горечь еще примѣшиваются къ ощущенію счастія — не обвиняйте меня въ неблагодарности: я понимаю осторожность и нѣжность матери. Но простите нетерпѣнію сердца больнаго и (ошьяненнаго?) блаженствомъ. Я ѣду тотчасъ и увожу въ глубинѣ души образъ небеснаго существа, вамъ обязаннаго жизнью. Если имѣете для меня приказанія,

[1] Писано передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ.

[2] Извѣстный подъ именемъ Американца графъ Ѳ. И. Толстой, по просьбѣ Пушкина, ѣздилъ къ Н. И. Гончаровой сватать за Пушкина Наталью Николаевну, на этотъ разъ безуспѣшно.

lib.pushkinskijdom.ru

соблаговолите передать ихъ графу Толстому, который сообщитъ ихъ мнѣ. Примите дань глубокаго моего почтенія. Пушкинъ.

2. КЪ НЕЙ ЖЕ.

(1830).

М. г.! Вы мнѣ дозволили писать къ вамъ и, взявшись за перо, я чувствую въ себѣ такое же волненіе, какъ бы находился въ присутствіи вашемъ. Мнѣ такъ много нужно высказать, и чѣмъ больше о томъ думаю, тѣмъ больше приходитъ мнѣ въ голову мыслей печальныхъ и отнимающихъ смѣлость. Я изложу ихъ вамъ, во всей ихъ искренности и безсвязности, взывая къ вашему терпѣнію, а всего болѣе къ вашей снисходительности.

Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, красоту ея только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ ту же ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; и тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ,[1] надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Ошибки первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Они были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличила ихъ; по несчастію, молва о нихъ сдѣлалась всеобщею. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи.

Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи![2] Ваше

---

[1] Этого письма не отыскано.

[2] Г. Бартеневъ сообщаетъ выдержку изъ записаннаго имъ разсказа Сергѣя Никол. Гончарова: «Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ американца графа Толстаго, старшаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣздилъ и спросилъ позволенія привести Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе, что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину на прямикъ не отказали; но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо пріѣздъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ то-

lib.pushkinskijdom.ru

молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Натали, столь легкій, столь невнимательный! У меня не достало духу объясниться. Я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что играю смѣшную роль; я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ конечно не можетъ понравиться молодой особѣ въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ друзей моихъ ѣдетъ въ Москву, передаетъ оттуда слово благоволенія, возвращающее меня къ жизни, и теперь, когда нѣсколько милостивыхъ выраженій, которыми вы меня удостоили, должны бы исполнить меня радостію,—я несчастнѣе нежели когда-либо. Постараюсь объясниться.

Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется; но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится, среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея. Такія впушенія, если бы даже они и не были неискренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа: мысль эта—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я мало забочусь о немъ. Моего мнѣ было до сихъ поръ достаточно. Но достанетъ ли женатому? Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она въ правѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполнѣ свободною и прихотливою. Но во всякомъ случаѣ не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе ее въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно, какъ ей подобаетъ и какъ бы я желалъ?

Таковы отчасти мои скорбныя опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными. Есть еще одно, но я не могу рѣшиться повѣрить его бумагѣ....

Примите, милостивая государыня, дань полной моей преданности и высокаго почтенія. Суббота. А. Пушкинъ.

ропливо раздѣвавшійся. Войдя онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла идти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели».

lib.pushkinskijdom.ru

3. КЪ А. Н. ГОНЧАРОВУ.*

(Изъ Москвы. 3 мая 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 мая 1830. Москвы.

4. КЪ НЕМУ ЖЕ.

(Изъ Москвы. 7 іюня 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника,** то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, м. г. Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что со временемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

7 іюня 1830. Москва.

---

* Дѣдушка Натальи Николаевны А. Н. Гончаровъ проживалъ старымъ вдовцомъ на Полотняномъ Заводѣ, не выдѣляя имѣній единственному своему сыну, такъ какъ онъ находился въ умственномъ разстройствѣ.

** Статуя Екатерины.

lib.pushkinskijdom.ru

5. КЪ НЕМУ ЖЕ.

(Изъ Москвы. 28 іюня 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло — не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь затруднительная, но все легче; ибо зависитъ единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ; но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга. Александръ Пушкинъ.

28 іюня 1830. Москва.

Письмо Сергѣя Львовича Пушкина.

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Почитая сына моего совершенно счастливымъ, входя въ почтеннѣйшее семейство ваше и принимая по любви моей къ нему живѣйшее въ семъ участіе, за обязанность поставляю поручить себя въ благосклонное вниманіе ваше, какъ перваго виновника его благополучія. Счастливымъ почту и себя, когда буду имѣть случай лично принести вамъ за него мою признательность и увѣрить въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашъ покорнѣшій слуга. Сергѣй Пушкинъ.

С.-Петербургъ. Іюля 20-го дня 1830-го года.

lib.pushkinskijdom.ru

Приписка Надежды Осиповны Пушкиной.

Позвольте и мнѣ, милостивый государь, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ поручить себя въ благосклонность вашу и изъявить вамъ благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливымъ.

При засвидѣтельствованіи вамъ искренняго почитанія, честь имѣю пребыть, милостивый государь, покорнѣйшая ваша Надежда Пушкина.

6. КЪ НЕВѢСТѢ.*

(На конвертѣ: M-lle Natalie Gontcharoff. — (Изъ Петербурга въ Москву. Отъ 20 іюля 1830).

Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками — на второй та же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г.—Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ Наталья Кириловна въ деревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.—20 іюля.—Спб.

7.

(На конвертѣ: Ея высокобл. м. г. Нат. Никол. Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.—Между 20 и 30 іюля 1830).

Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не росписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я

* Всѣ письма къ невѣстѣ за исключеніемъ напечатанныхъ здѣсь подъ № 16 писаны по французски. Русскій переводъ сдѣланъ И. С. Тургеневымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ мнѣ Кирилловнѣ. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.—Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. пр. Она не приняла моихъ резоновъ:—Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. — Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ — и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на маневрахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ la Grand' maman de Zavode—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это — такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее! прошу любить и жаловать. Затѣмъ, кланяясь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданья.

8.

(Тотъ же адресъ.—Отъ 30 іюля).

Вотъ письмо Аѳанасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Натальи Ивановны—и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки—тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны; она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. Аѳанасію Николаевичу слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную Grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только если Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳанасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это—другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.—30 іюля.

Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма? *

---

* Сохранился еще черновой набросокъ письма: Je voudrair pouvor éspérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavode — (mais c'est avec delire que j'obéis à vos ordres); me voilà donc à Moscou si triste si ennuyeuse, lorsque vous n'y êtes pas; je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikitskaja, encore moins de venir demander des nouvelles.... Vous ne sauriez imaginer l'angoisse que me donne votre absence, je.... d'avoir quitté Zavode. Toutes mes craintes

lib.pushkinskijdom.ru

9. КЪ А. Н. ГОНЧАРОВУ.

(Изъ Москвы. 14 августа 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! По приказанію вашему являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него по крайней мѣрѣ обѣщанія не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

14 августа 1830. Москва.

10. КЪ НЕМУ ЖЕ.

(Изъ Москвы. 24 августа 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

24 августа (1830). Москва.

---

reviennent plus vives et plus noires. (Que sais-je?) Je voudrais ésperer etc. Je compte les quarts d'heures qui me séparent de vous....

lib.pushkinskijdom.ru

11.

(Mademoiselle Natalie Goutcharoff.—Въ концѣ августа. [1])

Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться.—А. П.

Въ Москву изъ Болдино. [2]

12.

(отъ 9 сентября).

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна—я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это

---

[1] Получивъ отъ отца, по случаю своей женитьбы, имѣніе въ селѣ Болдинѣ, Пушкинъ отправился, въ августѣ, для его осмотра, чрезъ Москву и Нижній. Эту записку онъ написалъ въ самую минуту своего отъѣзда изъ Москвы, послѣ какой-то размолвки съ будущей тещей, и уже простившись какъ съ нею, такъ и съ невѣстой. Можетъ быть ко времени неувѣренности въ бракѣ и размолвокъ съ будущей тещею, относятся и черновыя строки, сохранившіяся въ рукописяхъ Пушкина: C'est aujourd' hui... c'est l'anniversaire du jour où je vous ai vu pour la première fois ce jour... de ma vie, c'est.... Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la votre: je suis né pour vous aimer et vous suivre, tout autre soin de ma part est erreur ou folie. Loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que je... tout et que je vienne tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en... est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là je pourrais venir en pelerinage... autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir...

[2] Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда.

lib.pushkinskijdom.ru

какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ Натальѣ Ивановнѣ; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы.—9 сентября.—Болдино.

13. КЪ А. Н. ГОНЧАРОВУ.

(Изъ Болдина. 9 сентября 1830).

М. г. Аѳанасій Николаевичъ! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на счетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

9 сентября 1830. Село Болдино.

14.

(Подробный московскій адресъ невѣсты. — Штемпель: Арзамасъ 1 октября).

Вотъ я и совсѣмъ почти готовъ сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородецкѣ не болѣе

lib.pushkinskijdom.ru

6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что́ можетъ меня утѣшать, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это. Что́ вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что́ говоритъ le Grand papa? Знаете ли что́ онъ мнѣ писалъ? La Grand'maman, — говоритъ онъ, сто́итъ не болѣе 7,000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять? — это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m-r Serge. Имѣете ли извѣстіе о другихъ?—30 сентября.

15.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Арзамасъ, 18 октября. Письмо проткнуто по случаю холеры).

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Ска-

lib.pushkinskijdom.ru

жите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только la canaille умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетэнь о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится — до святости. Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какова? московскаго!). Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. Je ris jaune, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики нашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.—11 октября.

16.

(Тотъ же адресъ. — Штемпель: Арзамасъ, октября 30; проткнуто). NB. Весь текстъ по русски.

Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ

lib.pushkinskijdom.ru

по русски, а вы, мой ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренесчастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что́ вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ— и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я пріѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то пріѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей Богу не шучу—но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Лукояновскій) уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

17.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель:—Арзамасъ, ноября 6; проткнуто).

9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ— онъ хочетъ посмотрѣть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ—овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были

lib.pushkinskijdom.ru

написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ «Кавказскаго плѣнника».

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д.... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ—я хочу сказать: revenons à nos moutons. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, Адріана, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но, Наталья Ивановна, но вы!—ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ Болдино; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.—5 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

18.

Тотъ же адрессъ—штемпель: Арзамасъ, ноября 20; (проткнуто).

Болдино, 18-го ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы—14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—«Вы не по казенной части изволите ѣхать?—Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей.—Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.—Давно ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль.—И эти св—и губернаторы, не даютъ этого знать?—Мы не виноваты-съ.—Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной,—сижу въ Болдинѣ, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ мой берлоги.

lib.pushkinskijdom.ru

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На-дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

19.

(Письмо проткнуто.—Подписано 26 ноября).

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и проч. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, покрайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Это послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботился обо мнѣ, comme de l'an 40) останав-

lib.pushkinskijdom.ru

ливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, послав жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ и никто объ этомъ ничего не зналъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.—26 ноября.

Абрамово—вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаете—а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ наслово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе.[1] Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

20.

(Тотъ же адресъ.—Отправлено частнымъ путемъ и потому не проткнуто; подъ адресомъ подпись: «самонужнѣйшее».—Въ концѣ ноября).

Вотъ и еще одинъ[2] документъ. Переверните страницу.

[1] Упоминаемыхъ документовъ нѣтъ при письмѣ.

[2] Вѣроятно, въ дополненіе къ двумъ вышеупомянутымъ. Собственно, этотъ

lib.pushkinskijdom.ru

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моемъ несчастномъ похожденіи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На-дняхъ я писалъ вамъ письмо, нѣсколько жосткое,—но это потому, что у меня голова шла кругомъ—простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

21.

(Тотъ же адресъ.—Отправлено частнымъ путемъ, но проткнуто.—Отъ 2 декабря).

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовской карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потомъ извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ, ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли ду-

---

документъ есть отвѣтное письмо Пушкину Д. Языкова, изъ Нижняго. Вотъ его текстъ, въ сохраненіи орѳографіи: «Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part á votre position ayant moi-même des parents á Moscou, et je conçois le desir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir pu vous être util, en cette occasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite votre très humble serviteur—Dmitri Jasikoff. le 22 novembre, 1830.—Nigni.». На оборотѣ этого письма Пушкинъ и сдѣлалъ свою приписку.

lib.pushkinskijdom.ru

мать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г.? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жосткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не оцѣпленъ—карантины были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-r Serge.—2 декабря.—Платово.

22. Къ А. Н. Гончарову.

(Изъ Москвы. 24 февраля 1831).

М. г., дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ! Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ* сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь на счетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что́ касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могъ взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ Александръ Пушкинъ.

24 февраля 1831. Москва.

---

* Старшій братъ Натальи Николаевны.

lib.pushkinskijdom.ru

Приписка Натальи Николаевны.

Любезный дѣдушка! Имѣю счастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы по прежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть навсегда покорная внучка Наталья Пушкина.

23. КЪ Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

(Изъ Царскаго Села въ Москву 26 іюня 1831).

Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Наталѝ, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталѝ; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ вамъ взаймы. Я не требую

lib.pushkinskijdom.ru

уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — Александръ Пушкинъ.

Царское-Село 26 іюня 1831.

LXXXII. ПИСЬМА КЪ ЖЕНѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ИЗЪ ПОѢЗДКИ ЗИМОЮ 1831 Г. ВЪ МОСКВУ.

24.

(М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.—Штемпель: Москва, 7 декабря).[1]

. . . . . .

. . . . . .

Сегодня мочи нѣтъ, усталъ—Цѣлую тебя женка, мой ангелъ. 6 дек.

25.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва. 9 декабря).

Здравствуй, женка мой ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ. Жидъ

[1] Выѣхавъ изъ Петербурга по личнымъ дѣламъ, Пушкинъ, очевидно, далъ слово женѣ извѣстить ее хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о своемъ прибытіи въ Москву—что и исполнилъ. Записка написана карандашомъ, и первыя ея двѣ строки отрѣзаны въ оригиналѣ. Эта записка имѣетъ въ настоящемъ видѣ только значеніе точнаго указанія дня, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

забавлялъ его во всю дорогу пріятнымъ разговоромъ, напримѣръ по нѣмецки разсказывалъ ему Ivan Wijiguin (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ; за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются, очень разспрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ вѣроятно скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ что я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстати: я кошелекъ обратилъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ именинъ. Москва полна еще пребываніемъ двора, въ восхищеніи отъ царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлала въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ ли твой портретъ? была ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога; кромѣ кадрилей не пляши ничего; наши, не притѣсняютъ

lib.pushkinskijdom.ru

ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.—8 дек.

26.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 11 декабря).

Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора. Все это однако жъ не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т.-е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе, да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать. — Христосъ съ тобой.—10 дек.

27.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 16 декабря).

Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ истратилъ на меня 200 р. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они какъ я вижу обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ — эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣляюсь по моемъ пріѣздѣ. Василія вѣроятно принужденъ буду выпроводить

lib.pushkinskijdom.ru

съ его возлюбленной—enfin de faire maison nette; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю какъ бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя.—Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и недружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьозно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфу ты хорошо сдѣлала что отослала—дѣло не о чинѣ, а все таки нужное.—Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго — и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здоровьи. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

28.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 19 декабря; писано карандашомъ).

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... За чѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что

lib.pushkinskijdom.ru

дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ—время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это по неволѣ меня бѣситъ. Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бабковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ норъ голова болитъ.—Тоска, мой ангелъ—до свиданья.—16 дек.

Въ Петербургъ изъ поѣздки осенью 1832 г. въ Москву.

29.

(М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.—Штемпель: Москва; 22 сентября).

Четвергъ. Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву, вчера въ середу. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади разковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. На силу дотащился въ Москву, обо...нную дождемъ и встревоженную пріѣздомъ двора. Теперь послушай съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей Богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Іосифъ вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ к..., и видитъ, что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяземскому; княгиня завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера.

lib.pushkinskijdom.ru

Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь со 20-го числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но дворъ еще безпокоенъ, и государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты поскачу въ Петербургъ. Не можешь вообразить какая тоска безъ тебя. Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится, ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ, женка душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

30.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 26 сентября).

Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ; взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя—хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верьхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ вознесенія.[1] Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы.

[1] Это—день свадьбы Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу, и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякій день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не св....й Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня доупаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ—мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣстъ прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ.—Воскресеніе.

Важное открытіе: Иполитъ[1] говоритъ по французски.

31.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 27 сентября).

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—Нехорошо только что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать Пушкина тебѣ не слѣдовало,

[1] Камердинеръ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

во-первыхъ потому что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ и Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Иполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ—а въ московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цѣлую ручку у К. Ив. Не забудь же.

32.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 30 сентября).

Вотъ видишь что я правъ: нечего было тебѣ принимать Пушкина. Просидѣла бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разсчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не к...-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадоны etc. etc. — Знаешь русскую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ.—Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отгово-

lib.pushkinskijdom.ru

рился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы какъ торговки на вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія.[1] Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, за то что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяземскаго; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкина (Владиміръ), Aurore, ея сестра, и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ тёткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякой день. У него въ домикѣ былъ пиръ: подали на столъ мышонка въ смѣтанѣ подъ хрѣномъ въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно за него примусь; но покамѣстъ, голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову;[2] авось вывезетъ. Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

33.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 3 октября).

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и доѣхавъ до мѣста свинья свиньею, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются, до 12 часовъ—а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другаго дня. Видишь ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата?

---

[1] Профессоръ Каченовскій, прекратившій не за-долго предъ тѣмъ изданіе «Вѣстника Европы», гдѣ онъ нападалъ на Пушкина.

[2] Наркизъ Ив. Отрѣшковъ (впослѣдствіи принявшій фамилію Тарасенко-Отрѣшковъ), служившій при гр. Киселевѣ. Онъ потомъ былъ производителемъ дѣлъ по опекунству семьи Пушкина и участвовалъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій.

lib.pushkinskijdom.ru

Виновата 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!—Но оставимъ это. Ты мнѣ кажешься, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счеты, доишь кормилицу — ай да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ[1] здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскіе ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда головы приклонить. Хочешь камеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки причосанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловѣйкѣ. Москва ожидаетъ царя къ зимѣ, но кажется напрасно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя и Машу. Прощай душа моя—Христосъ съ тобою.

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ОРЕНБУРГЪ И УРАЛЬСКЪ, ВЪ 1833 г.

34.

(Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургъ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.—Штемпель Торжокъ, 21 августа).

Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь,

[1] Гончаровъ.

lib.pushkinskijdom.ru

что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веревка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что-то было съ вами, петербургскими жителями? Не было ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съ дуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону въ Ярополецъ,[1] а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярополица. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о своей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ. Однако все таки не кокетничай. Кланяюсь и цѣлую ручку съ Ермоловской нѣжностію Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься, и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

35.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 26 августа).

Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловска; между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣ-

---

[1] Имѣнье Гончаровыхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

роятно я тебѣ много разсказывалъ. Вчера своротя на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ, Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который поподчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я варенъемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; также ли ты хороша какъ сказываютъ—и какая ты: брюнетка или блондинка, худинькая или плотнинькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополицъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополицѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я встрѣтя ее (?) ахнула. А надобно тебѣ знать что m-lle Pojarsky ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и нѣтъ ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотнинькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась ли ты въ зеркало, и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ—а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица, Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя крѣпко.

lib.pushkinskijdom.ru

36.

(Изъ Москвы, 26 августа).

26 авг.—Москва. Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи—и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій—изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополицъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ, и о Кат. Ив.—Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Семенъ Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополица. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ варенiемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай что дѣлается съ Дм. Ник.[1] Онъ какъ владѣтельный принцъ влюбился въ гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse; Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой, и выполнила коммиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала на отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ

[1] Гончаровымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому), для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь ли ты жениться? Видишь какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью, и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ[1] меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не п..... ни явнымъ ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казани буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

37.

(Изъ Москвы, 27 августа).

Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Кирѣевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ за неимѣніемъ бальнаго платья, и за небритіе усовъ, которые отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна

[1] Старикъ Гончаровъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали—а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тёзка его князь Петръ Долгорукой—получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ англ. клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ—чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Но мнѣ надоѣли мои старые знакомые. Никого не увижу. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Ростопчинымъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ мосту. По своему обыкновенію бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги взятыя мною въ дорогу перебились, и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цѣлую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

38.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Нижній, 2 сентября).

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ счастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties. Ѣду на ярманку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь,

lib.pushkinskijdom.ru

m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извивается, ты безпокоишься—сердишься на меня—и по дѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарывы, что если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи.—Пугачевъ не стóитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы—роскошь! такъ ли у васъ? Гуляешь ли ты по Черной рѣчкѣ или еще въ заперти. Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цѣлую всѣхъ васъ равно крѣпко—тебя въ особенности.

39.

(Изъ Нижняго. 2 сентября).

Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которые очень мало меня уважаютъ несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него засталъ я его дочерей, и Всеволожскаго le coeur, который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ Петербургъ.—Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не поѣхалъ жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть—но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой ангелъ, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ не морщась по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина, (да какой вечеръ! шампанское, ляфитъ, зазженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго.—Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?—Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, qu'avez vous fait

lib.pushkinskijdom.ru

de mon manuscript petit-Russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерледями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать ли тебѣ словечко, утерпитъ ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего роковаго мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и нараспѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете.—Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну, это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали за 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вотъ то-то что нехороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у губернатора ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку — я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни попало, Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedrò.—

lib.pushkinskijdom.ru

40.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Казань, 11 сентября).

Казань, 8 сентября.—Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова ли ты? здоровы ли вы всѣ? Дорóгой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій — вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цѣлую тебя.

41.

(Изъ окрестностей Симбирска, отъ 12 сентября).

Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.—Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ—но я все таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну, такъ и быть — дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой.—Я радъ что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ Ив. Ник. говорить нечего. Надѣюсь, что свадьба его разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцомъ и съ дядей-башмачникомъ дуэли кажется не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди сдѣлаешь новые долги не расплатясь со старыми.

lib.pushkinskijdom.ru

Я путешествую кажется съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами, и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень — и я радъ что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Болдино.

42.

(Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.—Штемпель: Симбирскъ, 14 сентября.)

Симбирскъ, 14.—Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей — гляжу нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза

lib.pushkinskijdom.ru

въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ—около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ—наконецъ взъѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

43.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Оренбургъ, 19 сентября).

Оренбургъ, 19 сент.—Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ — взялся за гужъ, не говори что не дюжъ—то есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю, что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московского канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные, дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня да и только. Свѣтъ-то мой Иполитъ! Кстати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мущинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ—я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья — и тебѣ, женка. Прощай, женка—не жди отъ меня ужъ писемъ до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путе-

lib.pushkinskijdom.ru

шественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

44.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель Лукояновъ, 4 октября).

2 окт.—Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня—думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду — и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній (годъ) была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я попова, и также озлился на нихъ какъ на симбирскаго зайца. Недаромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80 лѣтними старухами. А на молоденькихъ з..... шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75 лѣтнюю казачку, ко-

lib.pushkinskijdom.ru

торая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенiе приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка—будь умна и здорова.

45.

(М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.—Штемпель: Лукояновъ, 10 октября).

Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять въ Арзамасскомъ уѣздѣ; а то чего добраго: въ Нижег. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово; такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори что ты изкокетничалась; я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о (Пугачевѣ), а стихи еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи, очень благодарю за новости и сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращенiемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германiю; Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на к. Хилковой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться

lib.pushkinskijdom.ru

весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ, и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь да и только. Что такое 50 р. присланныя тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты ли 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни того ни другаго. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитрово первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь съ твердостію, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? Въ самомъ дѣлѣ . . . . . Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александа. Цѣлую и благославляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.—8 окт.

46

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: станція Абрамово, 11 октября).

Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1776) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое бр....? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Ц., ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ акуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты

lib.pushkinskijdom.ru

всѣмъ взяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Говоритъ ли Маша? ходитъ ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю.—Прощай.—11 окт.

47.

(Тотъ же адресъ, съ той же станціи, 25 октября).

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4-го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма, и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. Сол.—Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Княгинѣ В. скажи, что напрасно она безпокоится о портретѣ Вигеля, и что съ этой стороны честное мое поведеніе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; попеняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго вѣроятно ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на К. Н? и что К. Н. будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю просьбы: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы!—а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что работаю я лѣниво, черезъ пень

lib.pushkinskijdom.ru

колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мной дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Пріѣду оживиться твоею молодостію, мой ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться, взялся за гужъ, не скажу что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.—Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами.—Прощай, спать хочу.—21 октября, Болдино.

48.

(Изъ Болдина, отъ 30 октября).

Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ изкокетничалась. Смотри не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься за что тобою, какъ . . . . . , бѣгаютъ. . . . . ; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что . . . . . Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобой ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которыя, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись.—Да, ангелъ мой, пожа-

lib.pushkinskijdom.ru

луйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты вовсе тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю всего что пахнетъ московской барышней, все что не comme il faut, все что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христось, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода — молодцу похвала; выду на улицу дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верьхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ, да грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Никол., княгинѣ и княжнамъ Вяземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами.—Благословляю и цѣлую васъ.—30 окт.

49.

(Прежній адресъ, съ той же станціи, 8 ноября).

Болдино, 6 ноября.—Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню что я тебѣ писалъ. Помнится я былъ немножко сердитъ, и кажется письмо немного жостко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего: курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по боль-

lib.pushkinskijdom.ru

шимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего?—Для тебя, женка; чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.—не говоря объ c...ge, о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ также неспособенъ, какъ и къ военной, но у него по крайней мѣрѣ .... здоровая и на сѣдлѣ онъ все таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда нибудь, да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши, занятіе пріятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Василья Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ Петербургъ.— При семъ письмо къ отцу—вѣроятно уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку, и Машку; цѣлую Машку—и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.*

---

* Пушкинъ возвратился домой только 28 ноября, и провелъ всю зиму съ 1833 г. на 1834 г. въ Петербургѣ, занятый своей «Исторіей Пугачевскаго бунта».

lib.pushkinskijdom.ru

Изъ Петербурга въ Москву и въ деревню: Ярополецъ и Полотняные Заводы, въ 1834 г.*

50.

(Ея Благородію М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончаровой. — Штемпель: Спб., 17 апрѣля).

17-го апрѣля.—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣстъ, вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля, и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ—ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме. и покамѣстъ стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка

---

* Весною 1834 года, Пушкинъ отправилъ свою семью къ роднымъ въ деревню, а самъ прожилъ все лѣто въ Петербургѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ обширной перепискѣ. Въ августѣ Пушкинъ отправился за женою, перевезъ ее въ Москву, оттуда она съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ проѣхалъ дальше въ свое Болдино, Нижегородской губерніи, чтобы лично изслѣдовать причины разстройства этого имѣнія.

lib.pushkinskijdom.ru

пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились, и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія—беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали подчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе.—Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня—буду ей писать, а покамѣстъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.—

51.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Спб., 19 апрѣля).

Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость, не забудь перечесть инструкцію Спасскаго, и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче, а мнѣ!... Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь остороэкна, пляши умѣренно, гуляй по немножку, а пуще скорѣе добирайся до деревни. Цѣлую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ ботвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлѣбаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина, ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина — Какъ, нѣтъ? — Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник., я на діэтѣ—и пью воду. Надобно

lib.pushkinskijdom.ru

было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣевича—который уже ко мнѣ вѣроятно обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ—и подчивалъ Льва Сергѣевича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣстъ — прощай, ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.—19 апрѣля.

52.

(Писано 20 и 22 апрѣля).

Пятница.—Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ—и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что рапортуюсь больнымъ и боюсь царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди; и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку;[1] второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю; отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ .... своимъ тестой, съ моимъ тестой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуйста побереги себя, особенно съ начала; не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи; не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ, онъ можетъ ихъ испугать и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай скверныхъ

[1] Этотъ анекдотъ о встрѣчѣ императора Павла съ младенцемъ Пушкинымъ въ Юсуповомъ саду былъ разсказанъ П. В. Анненковымъ; самъ Пушкинъ шутилъ впослѣдствіи, говоря, что «сношенія его со дворомъ начались при императорѣ Павлѣ». См. Вѣст. Евр., ноябрь 1873 г.

lib.pushkinskijdom.ru

книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты мнѣ кажется слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всенощной, и теперь лежишь въ растяжку въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой ангелъ. Такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала! Нынче великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что рапортуюсь больнымъ, да и я въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Наталья Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней какъ свидѣтелю. Еще новость; Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Неудалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться, Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ—прелесть. Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

53.

(Прежній московскій адресъ.—Штемпель: Спб. 28 апрѣля).

Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разсчету ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій четвергъ (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы,

lib.pushkinskijdom.ru

Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи царя Давида и всю кротость его! — Съ отцомъ пожалуйста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на него, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Расчислено, что полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 руб. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо, и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьи и пококетничила со мною изъ . . . . ты (кареты?).* Сегодня отправляюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой ангелъ; цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Adio.—Суббота.

54.

(Писано 30 апрѣля).

Ѳомипъ понедѣльникъ. — Вчера былъ наконецъ дворянскій

* Въ этомъ мѣстѣ вырванъ кусокъ бумаги.

lib.pushkinskijdom.ru

балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу, и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Недождавшись сумерковъ, пошелъ я въ англійскій клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое происшествіе. У меня въ клобѣ украли 350 руб., украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и московскій! Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sontag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой безделицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой.—Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ—и письма не хочу продолжать.

55.

(Прежній московскій адресъ. — Штемпель: Спб., 1 мая).

Жена моя милая, женка мой ангелъ — я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ-то неудалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной, и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который

lib.pushkinskijdom.ru

проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ; что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго, и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба. Воронцовъ женится—на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій,—ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо вѣроятно получишь ты уже въ Ярополицѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки, и скажи много нѣжнаго.—Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ.—А. П.

56.

(М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополицъ.—Штемпель: Спб., 14 мая).

Какая ты дура, мой ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалергардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и неревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ съизнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія на счетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьи Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у Карамзиной, ей не встащить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; графиня Строгонова тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. Вяземскаго.—Волочиться, я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе, но что жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н... подъ арестъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Сюда ожидаютъ прусскаго принца, и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягодняшняго дня. — Кланяюсь сердечно Нат. Ив., цѣлую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещерскія и Sophie Karamsine ѣдутъ за границу? Sophie ужъ плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно я довезу ее до Кронштадта

57.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Спб., 18 мая).

Мой ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цѣлую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не именинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Ярополька получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова ли ты и дѣти? спокойна ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь—что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь, если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая скверным и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны, нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.*

Вчера я былъ въ концертѣ данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ее не видала. Пѣли новую музыку Вельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верхомъ. Я еще не знаю какъ ты ѣздишь; вѣроятно смѣло; да крѣпко ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здо-

* Также см. выше, на стр. 290.

lib.pushkinskijdom.ru

ровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить барiномъ! Непріятна зависимость; особенно когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

58.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Спб., 18 мая).

Давно, мой ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ видно было некогда. Теперь вѣроятно ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала; и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьи и о здоровьи дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Нат. Ив.—Тебя цѣлую.—На дняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ.—16 мая.

59.

(Писано въ концѣ мая).

Что это, жена? вотъ уже 5 дней какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву ли, въ Волоколамскъ ли, въ Калугу ли? Надняхъ на что нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сол. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.—Погода у насъ славная, а у васъ вѣроятно еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои..... Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сейчасъ въ (5 час.)

lib.pushkinskijdom.ru

сидѣла у меня тетка, она тебя цѣлуетъ.—Лѣтній садъ полонъ. Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.—За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ те Христосъ; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ-ума сошла, что ли. Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться.—Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо, и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Серг. начинаетъ уже сердить.—Откажусь ото всего—и стану жить припѣваючи.

60.

(Въ Калугу, на Полотняные Заводы.—Штемпель: Спб., 29 мая).

Благодарю тебя, мой ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что ты пугаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о Sophie, о которой забираешь въ голову всякой вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека радуетъ и тѣснится. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ къ сожалѣнію не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакія успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идетъ по маленьку; скоп-

lib.pushkinskijdom.ru

ляю матерьялы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ.—Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣстъ прощай, мой другъ. У меня жолчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Н.

61.

(Писано 3 іюня).

Что это мой другъ съ тобой дѣлается? вотъ ужъ девятый день какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня по-неволѣ безпокоитъ. Положимъ: ты выѣзжала изъ Яропольца, все-таки могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно, безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые! У меня отгадай кто теперь остановился?—Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Царское Село къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Н. Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обѣдаю у Вяз., у котораго сынъ именинникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи, и раскаяваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресеніе представлялся я вел. княгинѣ. Я поѣхалъ къ ея выс. на Каменный островъ въ томъ пріятомъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила,

lib.pushkinskijdom.ru

что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. княгиня сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paroit.—Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго году. Гр. Сол. встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцѣловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то нехорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ, и что жолчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ жолчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не сказалъ бы. — Цѣлую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу скрѣпя сердце. — 3 іюня.

62.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 8 іюня).

8 іюня.—Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя, и не смѣть даже писать тебѣ все что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата,

lib.pushkinskijdom.ru

а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣсти о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Дешегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; Петербургъ пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а жолчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Ярополицѣ. Но будь осторожна... вѣроятно и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность.

63.

(Писано 11 іюня).

Нашла за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго. Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyois pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг.

lib.pushkinskijdom.ru

ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Левъ Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало. Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Ярополицѣ, какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ Прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Озеровъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я смотря на нее, думалъ о тебѣ, и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою же тетёхой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма, и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.—11 іюня.

64.

(Писано въ одинъ день съ предыдущимъ).

Въ тотъ же день.—Сейчасъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ, да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь что я думаю? не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду какъ снѣгъ на голову; если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ вѣроятно откажутъ; а во вторыхъ коли и возьмутъ, то подумай что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу.—Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди; овдовѣешь, поста-

lib.pushkinskijdom.ru

рѣешь—тогда пожалуй будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ быть подалѣ отъ двора; ..... Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ.—Но вы, бабы, не понимаете счастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidement la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцѣлуй за просто, Дм. Ник. также—дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вельгорскаго, который вѣроятно жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I-й идетъ; того и гляди напечатаю 1-й томъ къ зимѣ. На того я пересталъ сердиться, потому что, toute reflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающемъ. А живя въ н..... по неволѣ привыкнешь къ ....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ.

65.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 19 іюня).

Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались, и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ надняхъ. Она ѣдетъ въ Царское Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ.—П.

Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

66.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 21 іюня).

«Ваше благородіе, всегда понапрасну лаиться изволите» (Недоросль).

Помилуй, за что въ самомъ дѣлѣ ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякій день;

lib.pushkinskijdom.ru

пиши сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся в. княгинѣ, дежурная была не С., а моя прищипленая кузинка Чичерина, до которой я не охотникъ, да хотьбы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться.—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи какъ въ petite misère ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того и другаго, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться, Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабёнка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ?— . . . . . а теперь принуждены на двое раздѣлить. Сегодня кажется девятый день—и слышно мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюстина, а Алекс. Ник. за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго, я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ; улизнулъ. Цѣлую тебя и дѣтей и благословляю васъ отъ души. — Ты я думаю такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже. — Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

67.

(Писано въ концѣ іюня).

Мой ангелъ, сей часъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся ли тебѣ когда нибудь его видѣть.

lib.pushkinskijdom.ru

Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская, да Фикельмонъ. Принимаютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ее мнѣ не высосутъ.— Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. Надняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать — разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича о сдачѣ квартиры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего; я упрямъ, и хочу переспорить весь домъ—включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ жолченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня во свояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить—но

lib.pushkinskijdom.ru

до другаго дня.—Пока прощай. — Цѣлую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя—кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. надняхъ въ офицеры произведенъ, и хлопочетъ о мундирѣ.—А. П.

68.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб. 2 іюля).

Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Шишкову въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour (pas) autrement. Исторія же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшнаго. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ —и жить съ тобою въ разлукѣ также глупо, какъ и тяжело. Но что жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ.—Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Никол. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться.—Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину, и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не-то я пріѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цѣлую въ особенности.—30 іюня.

Пожалуйста не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ пи-

lib.pushkinskijdom.ru

семъ. Мысль что мои распечатываются, и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выйду, тогда переписка нужна не будетъ.

69.

(Писано 11 іюля).

Ты, женка моя, презалаберная (вычеркнуто) пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ, и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ тебѣ извѣстнымъ, не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имѣніе, и вожусь и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя. Теперь разскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебя знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу, съ нарядными дамами, то я смутился какъ нѣмецкій профессоръ; насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это за-просто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря ужъ о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянные. Вотъ наѣлся я мороженаго, и пріѣхалъ себѣ домой—въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ, и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай да баба!—а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. Надняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился—и трухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть и онъ не правъ. Сегодня былъ на

lib.pushkinskijdom.ru

дачѣ у Плетнева; у него дочь именинница. Только вмѣсто его, нашелъ я кривую кузину—и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ—в. княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка—спать хочу. Цѣлую тебя и васъ—и всѣхъ благословляю—Христосъ съ вами.—11 іюля.

70.

(Калужскій адресъ.—Штемпель Спб., 14 іюля).

Ты хочешь непремѣнно знать, скоро ли буду я у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца, это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева, это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь и обниму тебя, и дѣтей разцѣлую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю—но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости.—А о какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу что́ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ, и ѣдетъ ихъ перезакладывать—по случаю неурожая—а наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ ли? А ты, бабёнка, за неимѣніемъ того и другаго, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ. Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. Надняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего, Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

вать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня. — Прощай, цѣлую тебя.—А. П.

71.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 16 іюля).

Всѣ вы дамы на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры. А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь!—Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода—и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цѣлую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти покамѣстъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться—радуюсь, онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней еще не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Ник. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. Унасъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну—и займусь своими дѣлами. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что слава Богу мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты

lib.pushkinskijdom.ru

Тетка въ Царскомъ Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь. — Прощай. Обнимаю тебя—дѣтей благословляю — тебя также. Всякій ли ты день молишься стоя въ углу?—14 іюля.

72.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 26 іюля).

Наташа мой ангелъ, знаешь ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку; боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ, и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни — Льва Сергѣевича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу — и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ.* Слышишь-ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible & malade). Цѣлую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нее покамѣстъ ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: печатать,— такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на манёврахъ. Знай нашихъ. Цѣлую тебя и ихъ, Господь васъ благослови.

---

* Деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

73.

(Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 30 іюля).

Что это значитъ, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какіе балы? какія побѣды? ужъ не больна ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать. Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы, не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два, и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро—до 4 часовъ — никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клобѣ—возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо—и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска—

Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу припасу ему 2,500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай—будьте всѣ здоровы. Цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

74.

(Писано 3 августа).

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить мнѣ нечего. Кокетничать я самъ тебѣ поз-

lib.pushkinskijdom.ru

волилъ—но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую— благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ бы счастливъ.

Вяземскія здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Maria похорошѣла, и въ бѣдной и загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетёхой, по твоему обѣщанію: смотри жъ! не поставь меня въ лгуны. Надняхъ встрѣтилъ я M-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ, и спрашивала о твоемъ здоровьѣ; я сказалъ, что надняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsi vous me ferez uneur grand plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того, что ты выкинула. Надѣюсь однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolées. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.—3 авг.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Изъ Болдина въ Петербургъ, въ 1834 г.*

75.

(Писано 15 сентября).

15 сент.—Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота, итакъ это письмо нескоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня въ четвергъ поутру—вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать на Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлёшенекъ; c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобой побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, мепѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось, не знаю придетъ ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и вѣроятно купитъ полъ-Болдина. Охъ! кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичокъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги... Вотъ ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, на силу отвязался. Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ, на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ Петербургъ молодцомъ, и обладателемъ села Болдина ——

Сей часъ у меня были мужики, съ челобитьемъ и съ ними принужденъ я былъ хитрить—но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хоть я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ, какъ читаю Conquêtes de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

---

* Съѣздивъ въ калужскую деревню, Пушкинъ взялъ оттуда семью, довезъ ее до Москвы, откуда его жена съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ онъ отправился въ Болдино.

lib.pushkinskijdom.ru

— Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в..... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцовъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ в..... (незаконный)? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь вѣроятно ты въ Яропольцѣ, и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамаскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.—Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

76.

(Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачешнаго моста, въ домѣ Баташева.—Штемпель: станція Абрамово, 26 сентября).

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ; и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отдѣлалась ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Яропольцѣ) сутки—и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужто близъ тебя, не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула, и что тебѣ надобно себя беречь.—Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ. Но по всѣмъ моимъ разсчетамъ ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами няньками, и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ буде сказано Пелагеѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя чай голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь—видно, что мнѣ надобно спѣшить.—Прощай, Христосъ васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко—будьте здоровы.

lib.pushkinskijdom.ru

ИЗЪ МИХАЙЛОВСКАГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ, ВЪ 1835 Г.*

77.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Новоржевъ, 16 сентября).

Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. губ. въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Прасковьи Ал.** еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли съ графиней Канкриной, и что отвѣтъ? На всякой случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?(я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа: цѣлую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Ази и Кóко мой сер-

---

* Возвратившись въ октябрѣ 1834 года въ Петербургъ изъ Болдина, гдѣ, какъ говорилъ Пушкинъ: «Управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно»;—онъ прожилъ всю зиму и весну 1835-го года въ столицѣ. Въ декабрѣ вышла «Исторія Пугачевскаго бунта»; на это изданіе Пушкинъ возлагалъ большія надежды, но денежный успѣхъ былъ ниже его потребностей и долговъ; немного помогло въ этомъ отношеніи и сдѣланное имъ весною 1835 г. изданіе «Поэмъ и повѣстей». Въ августѣ Пушкину была выдана изъ казны ссуда въ 30,000, съ постепеннымъ вычетомъ ея изъ его жалованья въ 5 тысячъ рублей, и данъ отпускъ въ деревню, съ августа по декабрь.

** Прасковья Александровна Осипова.

lib.pushkinskijdom.ru

дечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

78.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Новоржевъ, 23 сентября).

Жена моя, вотъ и 21-ое, а отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала, не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же и почта изъ Петербурга идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ-половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ нѣтъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ, грустно.—Поцѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои за 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй—что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабёнка, но толста какъ Меѳодій, нашъ псковскій архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та же, какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю что не взялъ съ собою англійскаго. Кстати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montagne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая вѣроятно будетъ сегодня въ Тригорское. — Я много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яица въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цѣлую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ

lib.pushkinskijdom.ru

отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-серы, иль бель-сери? Прощай.

79.

(Писано 25 сентября).

Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки. — Это меня сердитъ и безпокоитъ.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: Во Псковъ, Ея Высокородію, Пр. Ал. Осиповой для доставленія А. С. П. извѣстному сочинителю—вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая, сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, иногда даже чистымъ, русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда: одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что́ я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разскажи что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc.—Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе, Евпраксія Ник. и Алекс. Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ.—Прощай, цѣлую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ. — Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой ангелъ.

80.

(Тотъ же адресъ; безъ штемпеля.—Писано 29 сентября).

Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма: они

lib.pushkinskijdom.ru

очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разчета; твои теряютъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Ае. Ник.— Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ вѣроятно отъ оплошности твоихъ фрейлинъ, которымъ безъ меня житьё! слава Богу что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me Кернъ; дура вздумала переводить Занда, и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Аннѣ Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ также вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? думаетъ ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустова въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя слывы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю—въ англ. клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ—будьте здоровы. Цѣлую тебя. Какъ твой адресъ глупъ—такъ это объясненіе! Въ Псковскую губернію въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто жъ его знаетъ. Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку и про мать!

lib.pushkinskijdom.ru

Je remercie vos soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

81.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: 4 октября).

2 окт.—Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжѣ и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ—а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится, кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что Кат. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, если бъ она была не на шутку больна. Всетаки напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко, и думаю: нехудо бы, если бъ вдругъ въѣхала на дворъ карета, а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужъ поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc.—пиши обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю ребятъ.

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ, ВЪ 1836 Г.*

82.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 5 мая).

4 мая, Москва, у Нащокина—противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой.—Вотъ тебѣ, царица моя, подробное донесеніе:

---

* Зиму съ 1835 года на 1836 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, приготовляясь къ изданію своего новаго журнала «Современникъ». Въ то же время онъ получилъ командировку въ Москву для занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, и въ концѣ апрѣля уѣхалъ изъ Петербурга. Около этого времени вышла первая книжка «Современника».

lib.pushkinskijdom.ru

путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы разумѣется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ, и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста не прогони его, какъ прогнала ты прусака Криднера (Крюгера?). Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малой, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства — недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая нѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали, и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣятся, что у ней бѣлая горячка, но врядъ ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; [1] дочь у него такъ же почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лечится омеопатически. Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W. (Вяземской).—Я секретничаю покамѣсть. Прости—мой другъ,—цѣлую тебя еще разъ.

---

[1] «Американецъ». Дочь его – Сара Толстая.

lib.pushkinskijdom.ru

83.

(Писано 6 мая).

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Полетику и далъ за нее пощечину Гринвальду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя идутъ кой-какіе толки, которые не вполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ, однако жъ видно, что ты кого-то довела до такова отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Не хорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разсказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по счастію пуля вышибла только передній зубъ. Однако полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны я то-же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ. — При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №.— Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ, что твое бр...., и что твои деньги? Я не раскаяваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ ли ты? Какъ ты съ

lib.pushkinskijdom.ru

хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Недаромъ же пустился въ журнальную спекуляцію — а вѣдь это все равно что золотарьство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть чистить н..... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ жолчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

84.

(Писано 11 мая).

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ какъ вздумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? они мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ это не важно.— Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла его идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. Надняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.), который прошлаго разу казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица — говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отъ роду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего «Путешествія въ Сицилію». Не побранить ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Өед. Гагарина, и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи какъ бы съ бала. На-

lib.pushkinskijdom.ru

щокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клобъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ.—Письмо мое похоже на Тургеневское—и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ, и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцевой—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стбитъ Послѣдняго дня Помпеи), приговаривая: «Замѣть какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ такой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу, пьяница онъ,.....» Умора! Ну прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы—Христосъ съ вами.—11 мая.

85.

(Писано 16 мая).

Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ, и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на 6, что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужескъ. полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю — а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ пе-

lib.pushkinskijdom.ru

чати, и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли и со мною? право боюсь. Баратынскій однако жъ очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу. — Зазываю Брюлова къ себѣ въ Петербургъ.—Но онъ боленъ и хандритъ. Хотятъ здѣсь лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей мертвой неподвижности; я говорю: «у меня дома есть красавица, которую когда нибудь мы вылѣпимъ». Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичъ, pas une belfemme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона: одинъ маіоръ-мистикъ; другой пьяница-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.—14 мая.

Насилу отдѣлался отъ буфоновъ—въ томъ числѣ отъ Норова. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ вѣроятно въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое б...о? Благословляю тебя, мой ангелъ, Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.—Цѣлую ручки у Кат. Ив.—Прощай.—А. П.

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо—отвѣчать некогда—благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ.—16 мая.

86.

(На особомъ листкѣ, къ предыдущему. написано карандашомъ).

Сей часъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. — Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ, теперь покамѣстъ, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

87.

(Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва 18 мая; Спб., 21 мая).

Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать:— Это мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся — вотъ и все. Новое твое распоряженіе, касательно твоихъ доходовъ, касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть кажется лучше имѣть дѣло

lib.pushkinskijdom.ru

съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'interet de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію—а не смертной казни. Утопленіе Столыпина—ужасъ! неужто невозможно было помочь! У насъ въ Москвѣ, все слава Богу смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? Помнѣ драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смѣкая, что если выдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело, нечего сказать.—Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.—18 (мая, 1836 г.).

88. послѣдніе стихи къ женѣ.

Пора мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ.
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь, все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля;
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Юность не имѣетъ нужды въ at home; зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удались онъ домой. О скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню. Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь etc. Религія, смерть.

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы
И въ рощѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы,—
Пріютъ, сіяньемъ Музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И нимфы Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И вѣтру въ даръ на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

LXXXIII. КЪ АЛ. ХРИСТОФ. БЕНКЕНДОРФУ.

1826—1836.

1.

Псковъ 29-го ноября 1826 года.

Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, такжс какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ кото-

lib.pushkinskijdom.ru

ромъ она сочинена.[1] Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.[2]

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. — Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ. (Помѣта: получено 9-го декабря 1826 г.).

2.

(3 января 1827).

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ва, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества, касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.[3]

3 января 1827 г.

3.

22 марта 1827.

Стихотворенія, доставленныя барономъ Дельвигомъ вашему пр—ву давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха: Сѣверные Цвѣты, и должны быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Вслѣдствіе высочайшей воли я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ барону Дельвигу прежде всего представить оныя вашему пр—ву.

---

[1] Пушкинъ получилъ «внушеніе» за чтеніе въ Москвѣ Бориса Годунова и др. стихотвореній, безъ представленія ихъ на просмотръ.

[2] Списокъ этотъ былъ возвращенъ поэту.

[3] Ему было предложено передѣлать Бориса Годунова въ историческій романъ, на подобіе Вальтеръ-Скоттовыхъ.—Настоящій отрывокъ мы беремъ изъ статьи чиновника III отдѣленія М. М. Попова, равно какъ указанія на содержаніе писемъ, въ статьѣ ненапечатанныхъ ни въ отрывкахъ, ни въ извлеченіяхъ, и не появившихся въ статьѣ г. Сухомлинова (Историч. Вѣст. 1884, № 1).

lib.pushkinskijdom.ru

Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно пьесы 19-е октября.* Непремѣнно напишу барону Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ исключено.

Медлительность моего отвѣта происходитъ оттого, что послѣднее письмо, которое удостоился получить отъ в. пр—ва, ошибкою было адресовано во Псковъ.

4.

(24 апрѣля 1827 г. Пушкинъ писалъ, что семейныя обстоятельства требуютъ его присутствія въ Петербургѣ. Пріѣздъ разрѣшенъ).

5

20 іюля. 1827.

Въ 1824 году г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавказскій Плѣнникъ», и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «Кавказскаго Плѣнника» для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другаго способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ пр—мъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр—ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

---

* Представлено было Цыганы, два отрывка изъ 3-й гл Онѣгина, 19 октября 1825, Къ ***.—Бенкендорфъ нашелъ, что поэту не слѣдовало бы говорить «объ опалѣ и несчастіяхъ», когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ; заглавныя же буквы друзей могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ для автора заключеніямъ

lib.pushkinskijdom.ru

6.

(Изъ Опочки. 10 сентября 1827).

Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ дастъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр—ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ. [1]

7.

(Получивъ замѣчаніе, чтобъ стихи представлялъ не чрезъ посредниковъ, и что государь съ удовольствіемъ читалъ «Нулина», въ которомъ и въ «Фаустѣ» указалъ однако неприличные стихи, и что «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» тоже неприличны къ напечатанію, Пушкинъ извинялся, и писалъ 10 сентября 1827 г., прибавляя):

Съ благоговѣніемъ и благодарностью получилъ я чрезъ ваше пр—во отзывъ государя императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ.

8.

5 марта 1828.

Позвольте мнѣ принести вашему пр—ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе—обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію. [2]

9.

(21 апрѣля 1828).

Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренно сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены, [3]

---

[1] Отвѣта не послѣдовало никакого.

[2] Бенкендорфъ писалъ, что государь одобрилъ представленную ему VI главу Онѣгина, равно и стихотвореніе «Друзьямъ», но не желаетъ, чтобъ послѣднее было напечатано.

[3] Въ половинѣ апрѣля Пушкинъ просилъ ходатайства Бенкендорфа объ опредѣленіи въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію. Тотъ отвѣтилъ, что государь не изъявилъ на это соизволенія (Р. Стар. 1874, IX, 392—399).

lib.pushkinskijdom.ru

съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему пр—ву за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев—ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, имѣю честь быть, м. г., вашего пр—ва всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Спб. 1828 г. 21-го апрѣля.

10.

(Октябрь 1828).

Осмѣливаюсь замѣтить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже и въ тѣхъ, въ коихъ... не видно ни направленія къ безвѣрію, ни кощунства надъ религіе*. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ въ настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ произведеніе жалкое и постыдное...

(Съ чернового оригинала).

11.

Тоже.

Г. оберъ-полицмейстеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я не буду печатать безъ разрѣшенія обычной цензуры. Повинуясь священной для меня волѣ (т. е. императора), тѣмъ не менѣе прискорбна мнѣ сія мѣра. Государь императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры. Я далъ честное слово государю, которому измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ Его В., какъ царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и далъ бы и въ томъ честное слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры, если государю императору угодно

lib.pushkinskijdom.ru

уничтожитъ милость, мнѣ оказанную, то я, съ благоговѣніемъ и горестію пріемля знакъ его неблаговолѣнія, прошу ваше пр—во разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь поступать съ моими сочиненіями, которыя какъ извѣстно составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше пр—во поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣлилось объясняться. Она знаетъ искреннято уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз.....

(Съ чернового оригинала).

12.

(9 марта 1829 г. Пушкинъ поѣхалъ на Кавказъ, былъ въ лагерѣ Паскевича и въ Арзерумѣ. На запросъ Бенкендорфа о причинѣ поѣздки, онъ отвѣчалъ, «что отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ Тифлисѣ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что сверхъ того ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій; что наконецъ поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія»).

13.

7 января 1830.

Генералъ! явившись къ вашему прев—ству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе, г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію, но не получилъ на то прямаго разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ не богатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы, тысячъ въ 15 руб., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ. Поручая себя вполнѣ вашему благорасположенію, остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

14.

18 января 1830.

Генералъ! Я получилъ письмо, которымъ ваше пров—ство меня почтили. Сохрани Богъ, чтобъ я хоть малѣйше противорѣчилъ волѣ того, который осыпалъ меня столькими благодѣяніями. Я подчинился бы ей далѣе съ радостью, лишь бы только быть увѣрену, что я не навлекъ на себя его неудовольствія.[1] Весьма не во-время хочу прибѣгнуть къ благосклонности вашего пров—ства; но буду говорить о дѣлѣ для меня священномъ и обязательномъ! Я связанъ узами дружбы и признательности съ однимъ семействомъ, которое нынѣ находится въ большомъ несчастіи: вдова генерала Раевскаго пишетъ ко мнѣ и проситъ поговорить въ ея пользу съ тѣми лицами, которыя могли бы довести о ней до свѣдѣнія его величества. Уже то самое, что она обратилась ко мнѣ, свидѣтельствуетъ, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способовъ. Половина семьи въ изгнаніи, другой грозитъ полное разореніе.[2] Доходовъ едва достаетъ на уплату процентовъ по несмѣтнымъ долгамъ. Г-жа Раевская проситъ, чтобы полное жалованье ея мужа было обращено въ пенсію ей и, послѣ ея смерти, ея дочерямъ. Этого будетъ довольно, чтобы предохранить ее отъ нищеты. Обращаясь къ вашему пров—ству, я надѣюсь, что вы, не какъ министръ и лицо государственное, а какъ воинъ и человѣкъ съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, примите участіе въ судьбѣ вдовы героя 1812 года, человѣка великаго, котораго жизнь была такъ блистательна и конецъ такъ печаленъ. Примите и проч.

15.

24 марта 1830.

Г. Булгаринъ, имѣющій по его словамъ у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ.[3]

---

[1] Бенкендорфъ писалъ ему, по волѣ государя, что всѣмъ дворянамъ присвоенъ мундиръ той губерніи, гдѣ имѣются помѣстья, и что русскому дворянину приличнѣе въ этомъ нарядѣ являться въ собраніи (на балѣ у французскаго посланника всѣ были въ мундирахъ, только Пушкинъ во фракѣ).

[2] За 14 декабря 1825 г. изъ родственниковъ Раевскихъ В. Л. Давыдовъ и кн. С. Г. Волконскій были сосланы въ каторгу; М. Ѳ. Орловъ былъ въ полной немилости и устраненъ отъ службы. При вдовѣ были двѣ дочери дѣвицы, отецъ которыхъ Н. Н. Раевскій, герой 1812 года, умеръ 16 сентября 1829.

[3] О выходѣ Булгарина и перепечатку его статьи см. въ «Истор. Вѣсти.», 1884, № 3: Полемическія статьи Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

16.

(30 марта 1830 г. Бенкендорфъ требовалъ объясненія объ отъѣздѣ въ Москву безъ спроса. Пушкинъ отвѣчалъ, «что съ 1826 г., когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говорилъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что Бенкендорфъ остается единственнымъ его защитникомъ. «Если завтра вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». Особенно онъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостію своей къ Бенкендорфу. Ѳ. В., по словамъ поэта, «злобясь на него за критики, впрочемъ вовсе не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все»).

17.

16 апрѣля 1830.

Еще одну милость: въ 1826 году я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Только для того, чтобы оправдать себя, я послалъ вамъ свою трагедію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобъ можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. Итакъ, надо обращать вниманіе на духъ, въ которомъ написана вся пьеса, и на впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполнѣ искреннее, и я не могу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ ту свободу, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мнѣ руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть.

lib.pushkinskijdom.ru

18.

(Въ апрѣлѣ 1830 г., извѣщая о намѣреніи вступить въ бракъ, Пушкинъ просилъ «доложить государю императору». Снова при этомъ жалуясь на свое тягостное положеніе, онъ писалъ: «Мать невѣсты страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ государя». Бенкендорфъ 28 апрѣля увѣдомилъ, что государь съ удовольствіемъ услышалъ объ этомъ намѣреніи и поручилъ увѣрить, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества и что довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя).

19.

18 января 1831 г.

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше пр—во, какъ голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.*

20.

(Въ началѣ іюля 1831).

Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ лицея), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ

---

* Борисъ Годуновъ былъ возвращенъ поэту въ 1826 г. для исправленій; затѣмъ Плетневъ представилъ исправленный текстъ 20 іюля 1829 г., но и тогда приказано было перемѣнить нѣкоторыя «тривіальныя мѣста» и только послѣ новыхъ поправокъ, 22 октября 1830 г., разрѣшено печатаніе «подъ собственной отвѣтственностію», съ замѣной нѣкоторыхъ словъ и выраженій и опущеній нѣкоторыхъ мѣстъ. (См. «Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ Пушкина», М. Сухомлинова, въ «Историч. Вѣстникѣ», 1894, № 1).

lib.pushkinskijdom.ru

слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не напоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.....

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ, исполнить волю его величества.* Съ радостію взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе историографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

21.

(Іюль 1831, по полученіи разрѣшенія).

У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстѣ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ

* Такъ въ черновомъ наброскѣ, а въ статьѣ Попова: «...перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю его величества и готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей.... Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю.....» и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ.*

22.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности, читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

(Литераторы, во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо по крайней мѣрѣ составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать: отчасти изъ великодушія (къ несчастію мы того не понимали или не хотѣли понимать), отчасти изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя, я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ).

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на

---

* Этотъ черновой набросокъ въ статьѣ Попова наложенъ такъ: «Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ, — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію».—Въ добавокъ приводимъ, изъ черновыхъ рукописей, объясненіе о необходимости изданія и программу журнала.

lib.pushkinskijdom.ru

престолъ нынѣ царствующаго императора, обратили вниманіе его величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась 3,000 рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія, Р. Инв. и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. Сѣв. Пчела пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ, но журналы чисто литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ по 80.000, между тѣмъ какъ литературная едва ли окупаетъ издержки изданія.

Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или даже безпристрастія и нелицемѣрія было бы невозможно и не справедливо.

Такимъ образомъ литературная торговля находится въ ру-

lib.pushkinskijdom.ru

кахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы. Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или мною.

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ этомъ издатели священною обязанностію почитаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ доходу двумъ семействамъ, и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство были бы съ ихъ стороны столь же безразсудны, какъ неблагодарны.

23. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія. Полит. Полемика.

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. Внѣшняя литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор

lib.pushkinskijdom.ru

матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

Пособіе: повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Оффиціальность. [1]

24.

7 января 1832.

Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. [2] Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

---

[1] Въ рукописяхъ записаны и предположенія по изданію журнала: «Контора подъ вѣдом. Редактора.—Подписка въ эксп. и на почт.—Разсылка (по дом.).—Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающ. денегъ, 3) Книга прихода и расхода (Groszbuch), 4) Отд. счетъ съ бумагой, 5) Книги съ разнощ. жалобъ. 6) Сотрудники, 7) Покупки.—Исполнитель.—Сотрудники.—Дневникъ». Друзьямъ же своимъ Пушкинъ писалъ: «Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de S.-Petersbourg. безъ прав. примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли; внутреннія извѣстія—о дождяхъ и объ урожаѣ etc. Разныя извѣстія—о курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и пр.—Литературная часть,—критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобопомѣщаемыя на двухъ столбцахъ... И выдетъ газета немного хуже «Сѣверной Пчелы», вотъ вамъ и программа. Шутки въ сторону: отъ моей газеты я многаго не ожидаю—часть политическая будетъ оффиціально ничтожна; литературная—существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещи, которая никого не интересуетъ, начиная съ литератора.—Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ; но остальное время угождать публикѣ восхищеніями пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полеваго—было бы слишкомъ низко. Стиховъ печатать въ ней не буду: Богъ запретилъ метать бисеру передъ публикой, на то проза-мякина.»

[2] Бенкендорфъ спрашивалъ, почему стихотвореніе «Древо яда» было напечатано въ альманахѣ безъ предварительнаго просмотра государя.

lib.pushkinskijdom.ru

25.

24 февраля 1832.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ.[1] Драгоцѣнный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію. (При этомъ Пушкинъ просилъ еще): дозволить разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловымъ, для составленія его исторіи Петра Великаго.

26.

30 іюля 1833.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

(Содержаніе всего письма, котораго отрывокъ приведенъ г. Анненковымъ по черновому наброску, Поповъ излагаетъ такъ «Въ августѣ 1833 г. онъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ Дерптъ, для свиданія съ г. Карамзиной, а потомъ мѣсяца на три въ свое имѣніе, въ Нижегородской губ., а также въ Оренбургъ и Казань; послѣдніе два города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ большая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго, и что онъ надѣется окончить его въ уединеніи въ деревнѣ. При этомъ объяснилъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, занимаясь одними историческими розысканіями, онъ не писалъ ни одной строки чисто литератур-

[1] Какая это была книга—неизвѣстно.

lib.pushkinskijdom.ru

ной; что романъ доставитъ ему деньги, въ которыхъ онъ нуждается; что хотя ему совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ ему способъ жить въ Петербургѣ; что кромѣ жалованья, опредѣленнаго ему щедростію государя императора, у него нѣтъ настоящаго дохода, тогда какъ жизнь въ столицѣ дорога, а съ умноженіемъ его семейства умножаются и его расходы»).

27.

(Августъ 1833).

Обстоятельства принуждаютъ меня отправиться сейчасъ на 3 или 4 мѣсяца въ мое Нижегородское имѣніе. Я желалъ бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съѣздить въ Оренбургъ и Пермь, которыхъ я еще не..... Я умоляю его величество дозволить мнѣ видѣть архивы этихъ двухъ губерній.

(Съ чернового французскаго оригинала).

28.

6 декабря 1833.

(Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала «Библіотека для чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ — утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивалъ на то дозволенія; при этомъ прибавлялъ):

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

29

(1834).

Повергая на разсмотрѣніе его величества томъ II-й Пугачева, я осмѣливаюсь говорить съ вашимъ сіятельствомъ объ обстоятельствахъ, касающихся до меня, и прибѣгнуть къ вашей обыкновенной благосклонности.

lib.pushkinskijdom.ru

Дозволяя печатаніе этого сочиненія, его величество обезпечилъ мое состояніе. Сумма, которую извлеку изъ этого труда, дастъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я долженъ былъ отказаться по недостатку 4000 руб. и т. д.

Это сочиненіе мнѣ принесетъ такую сумму, если самъ буду издателемъ его, не прибѣгая ко книгопродавцамъ. 15.000 руб. мнѣ будетъ достаточно.

У меня двѣ просьбы: одна, чтобы мнѣ дозволили напечатать мое сочиненіе на мой счетъ въ собственной типографіи его императорскаго величества, находящейся подъ начальствомъ г-на..., единственной, гдѣ, я увѣренъ, меня не обманутъ; вторая, выдать мнѣ въ займы на два года 15.000 руб. Эта сумма дастъ мнѣ возможность посвятить изданію необходимое время и должную заботливость.

У меня нѣтъ другаго права на просимую мною милость, кромѣ вашей доброты, которую вы мнѣ уже оказывали и которая даетъ мнѣ смѣлость вновь къ ней прибѣгнуть. Вашему покровительству, графъ, приношу мою покорную просьбу.

Имѣю честь быть, графъ, вашего сіятельства...

(Съ чернового французскаго оригинала).

30.

(Въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ, что по обстоятельствамъ для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить посѣщеніе архивовъ. 30 іюня ему отвѣчали, что «его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства»).

31.

3 іюля 1834.

Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ.—Однако же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть, съ почтеніемъ, вашего сіятельства нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

32.

(4-го іюля 1834).

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

4 іюля 1834. Спб.

33.

6 іюля 1834

Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ, съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли липиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастію, не заслуженное.— Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво.—Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ данъ моего глубокаго уваженія.— Съ таковыми чувствами имѣю честь быть вашего сіятельства нижайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

34.

(Въ началѣ января 1835 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу замѣчанія, которыя не могли войти въ «Исторію Пугачевскаго бунта», но которыя, писалъ онъ, «могутъ быть любопытны для государя императора»).

lib.pushkinskijdom.ru

35.

26 января 1835.

Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

36.

(Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ.—Государь приказалъ спросить: хочетъ ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ):

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

37.

22 іюля 1835.

Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастія застать васъ дома.—Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ, я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства, и единымъ способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе мое въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и на-слово. Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. Итакъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я

lib.pushkinskijdom.ru

рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть съ почтеніемъ и признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

(Помѣта Бенкендорфа, 26 іюля: «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ подать ему въ отставку; или нѣтъ»).

38.

26 іюля 1835.

Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ. Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора. Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ—во первыхъ, возможности уплатить эти 30,000 р., а во вторыхъ—дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на эту сумму какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого—удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга. Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

(Помѣта Бенкендорфа, 29 іюля: «Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья»). *

39.

31 декабря 1835.

Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній, etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя.

---

* Выноска другою рукою на подлинникѣ:

Т. сов. Родофиникину 1-го августа 2590.
Ему-же 1-го августа 2591.
Мин. Финанс. 1-го августа 2592.

lib.pushkinskijdom.ru

40.

21 ноября 1836.

Графъ! Считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата.* Я сталъ розыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ.—Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе жены моей безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой гнусности послужило настойчивое ухаживаніе за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя жены моей было связано съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Геккернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти дневной отсрочки.—Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Геккерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества. — Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и женина чести, а потому не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что утверждало.—Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и проч. — 21 ноября 1836.

---

* Вотъ этотъ пасквиль: «Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus réunis au Grand-Chapitre, sous la présidence du vénérable Grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Nar...n ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.—Le secretaire perpétuel C-te B...k». (Р. Старина, 1881, VI). Оба анонимныя письма, находящіяся при дѣлѣ о дуэли поэта, совершенно одинаковы по бумагѣ и почерку, и на обоихъ одинаковый адресъ, писанный другой рукою, чьъ письма: «Александру Сергѣевичу Пушкину». Къ сожалѣнію, они или не отъ иностранца, какъ это предполагалъ Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

LXXXIV. ПЕРЕПИСКА О ДУЭЛИ.

1. КЪ БАРОНУ ГЕККЕРНУ.

Господинъ баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно и я не могъ относиться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный во всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть такую жалкую роль, что жена моя, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала ввиду этой высокой страсти, угасло въ презрѣніи самомъ спокойномъ и вполнѣ заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были отеческимъ сводникомъ вашего ублюдка или считающагося такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой развратницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, сидѣлъ дома на лекарствахъ, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына».—Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ и право и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею, и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ не что иное, какъ негодяй и мерзавецъ. Итакъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. А. Пушкинъ.

2. Отвѣтъ барона Геккерна.

Милостивый государь! Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ г. виконту д'Аршіаку, который вручитъ вамъ это письмо, чтобъ удостовѣриться: точно ли письмо, мною полученное, прислано вами. Содержаніе его до такой

lib.pushkinskijdom.ru

степени превосходитъ всякія границы возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на всѣ подробности этого посланія. Повидимому, вы позабыли, милостивый государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Жоржу де-Геккерну и имъ принятому. Тому существуетъ доказательство, вами писанное и находящееся въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ, на которомъ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Геккерномъ, и предупредить васъ, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства.

Впослѣдствіи, милостивый государь, я найду средства заставить васъ уважать званіе, которымъ я облеченъ, и которое не можетъ оскорбить никакая выходка съ вашей стороны. Остаюсь, милостивый государь, вашъ покорный слуга Б. де-Геккернъ.

Читано и одобрено мною — баронъ Жоржъ де-Геккернъ.

3. Записка отъ д'Аршіака къ Пушкину.

Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя дома до 11-ти часовъ вечера нынѣшняго числа, а послѣ этого часа на балѣ у графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено переговорить о дѣлѣ, которое непремѣнно должно быть окончено завтра. Въ ожиданіи, онъ свидѣтельствуетъ г. Пушкину совершенное свое уваженіе. Виконтъ д'Аршіакъ.

Вторникъ 26 января (7-го февраля) 1837.

4. Вторая записка отъ д'Аршіака къ Пушкину.

Милостивый государь! Настоятельно прошу: сегодня же утромъ дать отвѣтъ на вопросъ, который имѣлъ честь сдѣлать вамъ вчера вечеромъ.

Мнѣ необходимо переговорить съ выбраннымъ вами секундантомъ въ возможно кратчайшій срокъ.

До полудня я буду дома; надѣюсь ранѣе этого часа принять особу, которую вамъ угодно будетъ прислать ко мнѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. Середа, 9 часовъ утра.
27-го января (8-го февраля) 1837.

5. Письмо къ виконту д'Аршіаку.

Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшивать въ мои семейныя дѣла праздныхъ людей Петербурга; по этому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Геккернъ вызвалъ меня, онъ же и обиженный, то если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ

lib.pushkinskijdom.ru

этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобы ѣхать на мѣсто дуэли. Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. Пушкинъ.

Между 9½ и 10 ч. утра, 27 января.

6. Отвѣтъ д'Аршіака Пушкину.

Милостивый государь! Оскорбивъ честь барона Жоржа де-Геккерна, вы должны дать ему удовлетвореніе. Вы должны сами выбрать вашего секунданта. — О пріисканіи его вамъ не можетъ быть и рѣчи. Готовый, съ своей стороны, явиться на мѣсто поединка, баронъ Жоржъ де-Геккернъ проситъ васъ поспѣшить устроить все въ порядкѣ. Всякое замедленіе будетъ имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи, а огласка этого дѣла помѣшаетъ его окончанію.

Свиданіе секундантовъ, необходимое передъ дуэлью, было бы, въ случаѣ вашего отказа, однимъ изъ условій барона Жоржа де-Геккерна; а вы сказали мнѣ вчера и написали сегодня, что согласны на всѣ его условія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. 27-го января (8-го февраля) 1837.

7. Письмо д'Аршіака къ кн. П. А. Вяземскому.

Князь! Вы желали знать подробности грустнаго происшествія, котораго г. Данзасъ и я были свидѣтелями. Я сообщаю ихъ вамъ, и прошу васъ передать это письмо г. Данзасу для его прочтенія и удостовѣренія подписью.—Было половина пятаго, когда мы прибыли на назначенное мѣсто. Сильный вѣтеръ, дувшій въ это время, заставилъ насъ искать убѣжища въ небольшой оловой рощѣ. Такъ какъ глубокій снѣгъ могъ мѣшать противникамъ, то надобно было очистить мѣсто на двадцать шаговъ разстоянія, по обоимъ концамъ котораго они были поставлены. Барьеръ означили двумя шинелями; каждый изъ противниковъ взялъ по пистолету. Полковникъ Данзасъ подалъ сигналъ, поднявъ шляпу. Пушкинъ въ ту же минуту былъ уже у барьера; баронъ Геккернъ сдѣлалъ къ нему четыре или пять шаговъ. Оба противника начали цѣлить. Спустя нѣсколько секундъ, раздался выстрѣлъ. Пушкинъ былъ раненъ. Сказавъ объ этомъ, онъ упалъ на шинель, означавшую барьеръ, лицомъ къ землѣ и остался недвижимъ. Секунданты подошли; онъ приподнялся и, сидя, сказалъ: «постойте!» Пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ, былъ весь въ снѣгу; онъ спросилъ другой. Я хотѣлъ воспротивиться тому, но баронъ Жоржъ Геккернъ остановилъ меня знакомъ. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой на землю, началъ цѣлить; рука его не дрожала. Раздался выстрѣлъ. Баронъ Геккернъ, стоявшій неподвижно послѣ

lib.pushkinskijdom.ru

своего выстрѣла, упалъ въ свою очередь раненый.—Рана Пушкина была слишкомъ опасна для продолженія дѣла—и оно окончилось. Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ упалъ и два раза терялъ сознаніе; послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья, онъ наконецъ пришолъ въ себя и уже болѣе не лишался чувствъ. Положенный въ тряскія сани, онъ на разстояніи полуверсты самой скверной дороги сильно страдалъ, но не жаловался.—Баронъ Геккернъ, поддерживаемый мною, дошелъ до своихъ саней, гдѣ дождался, пока не тронулись сани его противника, и я могъ сопутствовать ему до Петербурга. Въ продолженіе всего дѣла обѣ стороны были спокойны, хладнокровны, исполнены достоинства.—Примите, князь, увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. $^{1}/_{13}$ февраля 1837 года.

8. Письмо К. К. Данзаса къ кн. П. А. Вяземскому.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ! Письмо къ вамъ отъ г-на д'Аршіака о несчастномъ происшествіи, которому я былъ свидѣтелемъ, я читалъ. Г-нъ д'Аршіакъ просилъ васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показанія его о семъ предметѣ. Истина требуетъ, чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанія нѣкоторыя невѣрности въ разсказѣ г-на д'Аршіака. Г-нъ д'Аршіакъ, объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны г-на Геккерна (Дантеса) и что А. С. Пушкинъ упалъ раненый, продолжаетъ: «les témoins s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit: «attendez!» L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, il prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron Georges de Heckern m'en empêcha». Слова А. С. Пушкина, когда онъ поднялся, опершись лѣвой рукой, были слѣдующія: «Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup.» Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ, въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ и стволъ котораго набился снѣгомъ при паденіи раненаго. Но я не могу оставить безъ возраженія замѣчаніе г-на д'Аршіака, будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ Геккерна (Дантеса). Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода, во время поединка, ни къ какому спору. По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить; пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, набившійся въ дуло пистолета Александра Сергѣевича, усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его. Никакого знака ни со стороны г-на д'Аршіака, ни со стороны Геккерна (Дантеса) дано не было. Что

lib.pushkinskijdom.ru

до меня касается, то я почитаю оскорбленіемъ для памяти Пушкина предположеніе, будто бы онъ стрѣлялъ въ противника съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было; если бы оно могло возродиться, то г-нъ д'Аршіакъ обязанъ былъ объявить возраженіе и не останавливаться знакомъ будто бы отъ г-на Геккерна (Дантеса) поданнымъ. Къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе г. д'Аршіака, какъ тогда, когда бы оно было выражено словами, но онъ ихъ не произносилъ. Хотя отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г-номъ Геккерномъ (Дантесомъ), но рѣшительно отвергаю, чтобы онъ произвольно подвергся опасности, которую могъ бы отъ себя отстранить. Не отъ него зависѣло уклониться отъ удара своего противника послѣ того, какъ онъ свой нанесъ. Ради истины разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: Геккернъ (Дантесъ), неподвижный до тѣхъ поръ, упалъ. Противники шли другъ на друга грудью. Когда Пушкинъ упалъ, тогда г-нъ Геккернъ (Дантесъ) сдѣлалъ движеніе, чтобы подойти къ нему; послѣ же словъ Пушкина, что онъ хотѣлъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую справедливость показаній г-на д'Аршіака. Съ совершеннымъ и проч. К. Данзасъ.

Февраля 6-го дня 1837 года.

9. Письмо гр. Бенкендорфа къ гр. Строгонову.

Графъ! Я немедленно доложилъ его величеству просьбу г-жи Пушкиной, дозволить Данзасу проводить тѣло въ его послѣднее жилище. Государь отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, дозволивъ подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемоніи при тѣлѣ его друга; что дальнѣйшее снисхожденіе было бы нарушеніемъ закона — и слѣдовательно невозможно; но онъ прибавилъ, что Тургеневъ, давнишній другъ покойнаго, ничѣмъ не занятый въ настоящее время, можетъ отдать этотъ послѣдній долгъ Пушкину, и что онъ уже поручилъ ему проводить тѣло.—Спѣша передать вамъ это высочайшее рѣшеніе, имѣю честь быть и пр. Бенкендорфъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

	Стр.
Адеркасу, Б. А. 1824	198
Алексѣеву, П. С. 1826	194
Ананьину, А. А. 1833	317
Аршіаку, 1837	437
Вантышу-Каменскому, Д. Н. 1832—1835 (V)	310
Венкендорфу, А. Х. 1826—1836 (XL)	415
Бестужеву, А. А. 1822—1825 (XII)	143
Булгарину, Ѳ. В. 1824	189
Бѣдной вдовѣ, 1835	323
Великопольскому, И. Е. 1826—1828 (III)	248
Верстовскому, А. Н. 1830	270
Вигелю, Ф. Ф. 1823	185
Воейкову, А. Ѳ. 1831	303
Всеволожскому, Н. В. 1824 (II)	195
Вульфу, А. Н. 1824—1829 (VII)	223
Вульфъ, А. Н. 1825	228
Вяземскому, кн. П. А. 1816—1836 (L)	1
Вяземской, В. Ѳ. 1824—1830 (II)	50
Геккерну, 1837	436
Генералу, 1823	188
Глинкѣ, С. Н. 1836	326
Гоголю, Н. В. 1831—1835 (IV)	304
Голицыну, кн. Н. Б. 1836	330
Горчакову, В. П. 1821—1823 (II)	129
Гнѣдичу, Н. И. 1820—1830 (IX)	61
Гречу, Н. И. 1821—1836 (III)	130
Давыдову, Д. В. 1836 (II)	328
Дегильи, 1821	137
Дельвигу, бар. А. А. 1821—1830 (XIII)	115
Дмитріеву, И. И. 1832—1836 (V)	306
Дуровой, Н. А. 1836	327
Дѣду	331
Женѣ	351

lib.pushkinskijdom.ru

	Стр.
Жандру, 1836	329
Жобару, Альфонсу. 1836	326
Жуковскому, В. А. 1824—1834 (XI)	196
Загоскину, М. Н. 1830—1834 (II)	269
Ишимовой, А. О. 1837 (II)	331
Казначееву, А. И. 1824 (II)	190
Катенину, П. А. 1822—1826 (IV)	138
Керн, А. П. 1825 (VII)	230
Клейнмихелю, П. А. 1835	323
Княжевичу, 1824	193
Коншину, Н. М. 1831—1835 (II)	296
Корфу, бар. М. А. 1833—1836 (II)	316
Кривцову, Н. И. 1819—1831 (III)	58
Кюхельбекеру, В. К. 1825	246
Лажечникову, И. И. 1835—1836 (III)	314
Мансурову, П. Б. 1819	60
Мойеру, И. Ф. 1825	204
Нащокину, П. В. 1830—1835 (XXVI)	271
Невѣстѣ	331
Неизвѣстной дамѣ, 1823	184
Неизвѣстному, 1823	185
Тоже, 1823	187
Тоже, 1824	190
Тоже, 1824	193
Одоевскому, кн. В. Ѳ. 1833—1836 (VII)	319
Орлову, А. А. 1832	305
Осиповой, П. А. 1825—1835 (XX)	211
Плетневу, П. А. 1821—1835 (XXVIII)	159
Погодину, М. П. 1826—1836 (XVI)	257
Полевому, Н. А. 1825—1831 (III)	339
Пушкину, Л. С. 1820—1835 (XXXV)	73
Раевскому, А. Н. (?) 1821—1824 (III)	133
Раевскому, Н. Н. 1825—1829 (III)	241
Репнину, кн. Н. Г. 1836 (II)	325
Рокотову	339
Рылѣеву, К. Ѳ. 1825 (II)	155
Скобельцыну, Ѳ. А. 1837	330
Снегиреву, И. М. 1829	268
Соболевскому, С. А. 1826—1829 (V)	254
Тещѣ	331
Строгонову, гр. Г. А. 1834	323
Толстому, Я. Н. 1822	141
Тургеневу, А. И. 1819—1824 (IV)	53
Тургеневу, С. И. 1821	57
Ушакову генералу	329
Фуксъ, А. А. 1833—1836 (IV)	317
Хлюстину, С. С. 1836	324

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.
Хмѣльницкому, Н. И. 1831 292
Чаадаеву, П. Я. 1831—1836 (II) 293
Чернышову, гр. А. И. 1833 (II) 313
Шишкову, А. А. 1823 288
Языкову, Н. М. 1826—1836 (VI) 250
Яковлеву, И. А. 297
Яковлеву, М. Л. 1831—1836 (VII) 298
Проектъ прошенія императору Александру I 200
» « императору Николаю I 209
Протоколы лицейскихъ годовщинъ 1828, 1836 301
Переписка о дуэли 436
Рефутація Беранжера 302

СТИХИ ВЪ ПИСЬМАХЪ И ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ 1
Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый 5
Я вкругъ Струдзы хожу 8
За ужиномъ объѣлся я (на Клохельбекера) 16
Телега жизни: Хоть тяжело подъ часъ 19
Пріятелямъ: Враги мои, покамѣсть я ни слова 20
Элегія на смерть Анны Львовны 24
Недавно я стихами 27
Въ глуши, измучась жизнью 33
Сатирикъ и поэтъ любовный 35
Такъ море, древній душегубецъ 39
Душа моя, Павелъ. 41
Лиза въ городѣ жила 46
Исчезла прежняя живость 54
Да будетъ омраченъ позоромъ 55
Изыде сѣятель . . . . . —
Жуковскій....святой 56
Съ тобою въ споръ я не вступаю 61
Въ странѣ, гдѣ Юліею вѣнчанный 64
Въ чужбинѣ свято наблюдаю 68
Поцѣлуй разлуки 69
Ипой имѣлъ мою Аглаю 77
Братъ милый! 78
И сладостныхъ заботъ 79
Чѣмъ тебя поподчивать? 84
На это скажутъ мнѣ 88
Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ 94
Что же, будетъ ли вино. 96
Живъ, живъ, Курилка 107
Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ 111
Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ 115
Къ чему холодныя сомнѣнья 119
Брови царь нахмуря 123

lib.pushkinskijdom.ru

	Стр.
Зима мнѣ рыхлою стѣною	130
Горишь ли ты, лампада наша	142
Ѳаддей роди Ивана	176
Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ	—
Проклятый городъ Кишиневъ	185
Полумилордъ, полукупецъ	192
Саранча летѣла	—
Ты издалъ дядю моего	195
Сегодня я поутру дома	—
Веселаго пути	202
Послушай, дѣдушка	—
Дѣдушка-игуменъ	205
Здравствуй, Вульфъ	223
Какъ широко	225
Увы! напрасно дѣвѣ гордой	230
Хотя стишки на именины	—
Если въ жизни поднебесной	338
Когда помилуетъ насъ Богъ	339
Сиръ? слово старое	247
Съ тобою мнѣ вновь считаться довелось	248
Къ тебѣ сбирался я давно	250
Приближася похода къ знаку	252
У Гальони, иль Кальони	256
Чтожъ? Въ бѣлокаменную съ Богомъ	261
Коль ты къ Смирдину войдешь	300
Смирдинъ меня въ бѣду повергъ	—
Усердно помолившись Богу	301
Въ академіи наукъ	322
Пора, мой другъ, пора!	414
И берегъ Сѳроти отлогій	415

lib.pushkinskijdom.ru